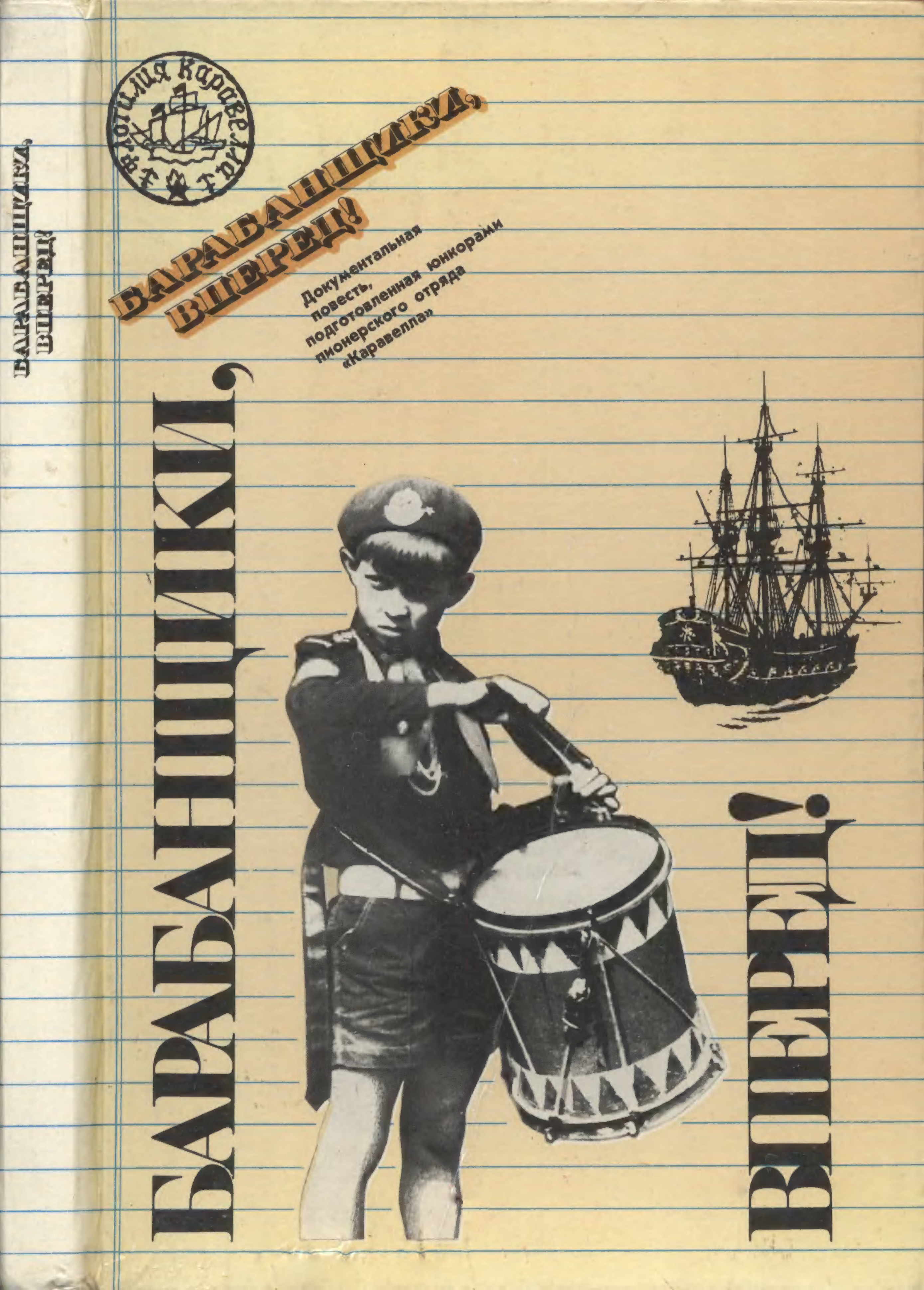
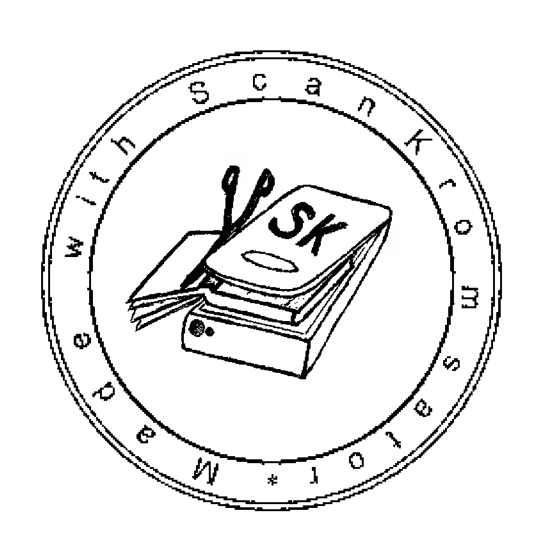

Барабанщики, вперед!
Флотилия Каравелла
Барабанщики, вперед!
Документальная повесть, подготовленная юнкорами пионерского отряда «Каравелла»
Барабанщики, вперед!

9

Made with ScanKromsator
SK

БАРАБАНЩИКИ, ВПЕРЕД!

Документальная повесть, подготовленная юнкорами пионерского отряда «Каравелла»

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1986

Б $\frac{4803010[illegible]02\text{-}097}{М15[illegible](03)\text{-}86}$ 63-86

Легенда говорит, что д'Артаньян (не герой Дюма, а реальный мушкетер, живший в XVII веке) знал один хитрый и безотказный прием в бою на шпагах. Секрет остался нераскрытым, поскольку противники д'Артаньяна, испытавшие на себе этот прием, уже никогда ничего не могли рассказать...

Мушкетеры «Каравеллы» любят отважного гасконца, но тайны из своих приемов не делают. Честность в бою не менее важна, чем победа,— вот главное правило. Прямой, бесхитростный выпад в атаке — это не столь уж плохо и в поединке на фехтовальной дорожке, и в схватке с несправедливостью или чьим-то коварством. В тех боях, на которые не раз поднимали своих товарищей барабанщики отряда.

Бой не всегда кончается победой. Об этом напоминает картина «Упавший барабанщик», которая много лет висит над стойкой с отрядными барабанами. Но тем дороже победа, когда она добыта в нелегкой и справедливой схватке...

«ПИОНЕР» ежемесячный детский журнал

Удостоверение

Настоящее удостоверение выдано пресс-центру и пионерской парусной флотилии «Каравелла» им. А. П. Гайдара в том, что они являются корреспондентским отрядом журнала ЦК ВЛКСМ и ЦС ВПО имени В. И. Ленина и выполняют временные и постоянные поручения редакции журнала «Пионер».

Данный отряд является структурной единицей ВПО им. В. И. Ленина и обладает всеми правами и обязанностями пионерского отряда.

15 апреля 1980 года

Главный редактор журнала «Пионер» С. Фурин

Члены редколлегии

Л. Симонова
Р. Баблоян
С. Михалков
Тимур Гайдар
А. Лиханов
Н. Ильина
И. Христова
М. Прилежаева
В. Бушенкова
С. Грекова

Если склеить в одну ленту «фэдовские», «сменовские» и «зенитовские» пленки, снятые и сохранившиеся в отряде за все годы, и пропустить их через проектор со скоростью фильма, понадобится больше получаса. Но тогда ничего не рассмотришь в вихре мелькающих кадров... А если смотреть помедленней?

Около двадцати тысяч снимков промелькнуло бы на экране. По тысяче — за каждый год. Три снимка в день, три мгновенья отрядной жизни. Здесь заботы и праздники, радости и огорчения, торжественность парадных линеек и картинки каравелльского быта... Но дороже всего — сохранившиеся на долгие годы улыбки наших ребят. Такие, как у этих двух барабанщиков «Каравеллы» — Сережи и Саньки,— которые из разных лет сошлись на одном книжном развороте...

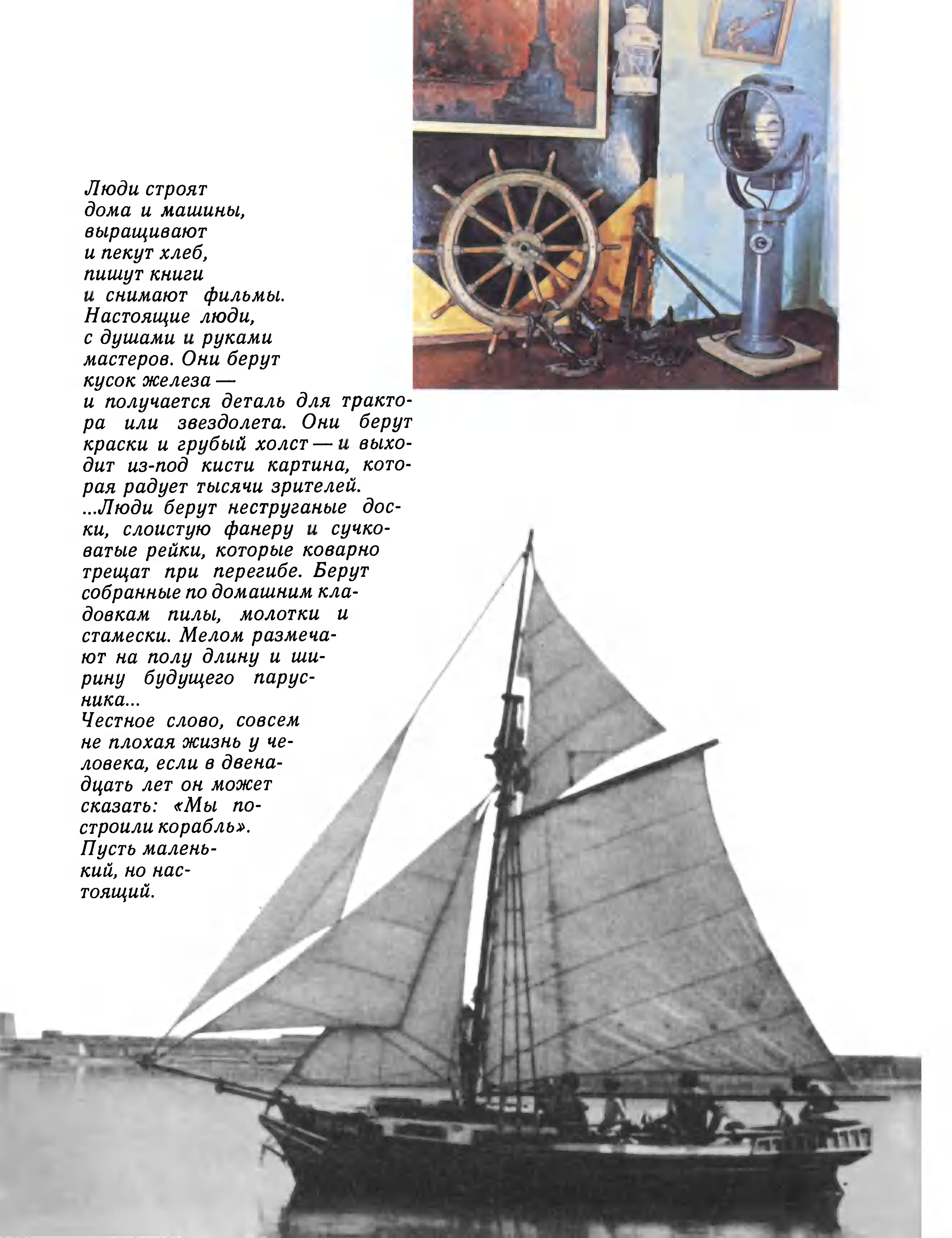
Кто просто живет — у того одна жизнь. Кто снимается в кино — у того столько жизней, сколько фильмов. Не так уж важно, большая это студия или отрядная, любительская. На маленькой съемочной площадке перед узкопленочной камерой тоже могут разгораться драмы космического масштаба, вспыхивать и разбиваться таланты, кипеть страсти, блестеть слезы радостей и огорчений...

...А потом, в тишине лаборатории, светятся монтажные экраны. Аппарат — как машина времени. Захотел — и унес тебя то в прошлое, то в будущее, то в сказку. Человек за монтажным столом перекраивает события так, что из сумятицы сцен, путаницы продублированных эпизодов складывается ф и л ь м.

Зрители будут переживать, смеяться, радоваться (а может быть, скучать и огорчаться). А ты — участник этой киноленты — снова будешь жить той жизнью, когда был стрелком Робин Гуда, храбрым барабанщиком из волшебного города, юным матросом отчаянного парусного экипажа, мушкетером...

*Люди строят
дома и машины,
выращивают
и пекут хлеб,
пишут книги
и снимают фильмы.
Настоящие люди,
с душами и руками
мастеров. Они берут
кусок железа —
и получается деталь для трактора или звездолета. Они берут краски и грубый холст — и выходит из-под кисти картина, которая радует тысячи зрителей.
...Люди берут неструганые доски, слоистую фанеру и сучковатые рейки, которые коварно трещат при перегибе. Берут собранные по домашним кладовкам пилы, молотки и стамески. Мелом размечают на полу длину и ширину будущего парусника...
Честное слово, совсем не плохая жизнь у человека, если в двенадцать лет он может сказать: «Мы построили корабль». Пусть маленький, но настоящий.*

Этого момента ждут начиная с осени. С той поры, когда уже облетели все листья, жесткий ветер свистит в ветвях, как в оставленном на зиму такелаже, а перевернутые яхты уснули под первым снегом... Ждут зимой, когда лед на озерах — метровой толщины, окна в штурманском классе затянуты холодным кружевом, а разговоры о курсах, галсах, поворотах оверштаг и фордевинд кажутся сплошной теорией... Ждут, несмотря на то, что в колючей неуютности февральских вечеров летний ветер, заросшие зеленью берега и солнечные вспышки на гребешках волн представляются сплошной сказкой...

А весной ждут уже с особым нетерпением — торопят солнце и апрельский ветер, который все дальше отодвигает от берега рыхлый лед.

...И вот наступает эта минута. Рванулся под гафелем сигнальной мачты голубой флаг флотилии. Раскатилось над пирсами эхо командирского мегафона:

— Внимание, экипажи!.. Всем — отход!

Вот он — час, о котором мечтали столько месяцев подряд и обветренные капитаны «Каравеллы», и юные неунывающие штурманы, и робкие новички...

4
76

ГАЙДАР БЫ СКАЗАЛ: «МОЛОДЦЫ!»

Около железнодорожной насыпи под Леплявой, где стоит будка путевого обходчика, сейчас звенящая тишина. Ее изредка нарушает щебетанье птиц, да порывы ветра шелестят листвой высоких деревьев, успевших вырасти за минувшие десятилетия. Тишина... Такая же тишина, но обманчивая, стояла и ранним осенним утром 28 октября далекого 41-го года, когда на железнодорожную насыпь поднялся Гайдар. Друзья были рядом, на привале. Ни Гайдар, ни они в то мгновение не знали, что у насыпи, в лесочке, вражеская засада, что крупнокалиберный пулемет нацелен в сторону будки. Гайдар первым увидел засаду. Еще была возможность резко скатиться с насыпи... Гайдар, верный дружбе и товарищам, принял единственное для него возможное решение. Он крикнул: «Ребята, немцы!»

И тут же вражеская пуля пронзила его сердце.

Когда я бываю в этих местах, где геройски сражался в партизанском отряде Гайдар и где он погиб за Родину, невольно вспоминаю горячие гайдаровские слова: «То, что люди поняли, осознали в детстве, прививается им на всю жизнь. Это самые прочные, самые верные навыки. Чести, смелости люди учатся с самых ранних лет. Тот, кто честен, смел и правдив с детства, будет хорошим человеком и хорошим бойцом».

Эти слова писатель-воин сказал в Центральном Комитете комсомола в январе 1941 года, когда до начала войны оставалось всего пять месяцев...

Детство — это та неповторимая пора, когда весь окружающий мир открывается заново, когда чести, благородству, смелости, мужеству учатся в большом и малом. И большое счастье — встретить в детстве верных друзей-единомышленников, настоящего вожатого, командира, для которого долг, данное слово — превыше всего. По-настоящему повезло тем ребятам, которые в детстве встретились с пионерской «Каравеллой» и вместе с ней отправились в увлекательное, порой трудное плавание под парусами не бумажной, не выдуманной романтики, а подлинной, настоящей.

Впервые о «Каравелле» и Владиславе Крапивине я узнал, работая в «Пионерке». Случилось это лет двадцать назад. В мой кабинет с шумом буквально вломились несколько журналистов и, перебивая друг друга, стали доказывать, что первое место в смотре стенных газет, объявленном нашей газетой, надо обязательно присудить юнкорам «Каравеллы». Успокоив

возбужденных литсотрудников, я внимательно перечитал все каравелловские заметки, стихи, рассказы... Читать было интересно. Вопросы, которые поднимали юнкоры,— острые, злободневные. Написано все зубасто, задиристо, ершисто, а главное — не стандартно. К тому же с юмором отменным. И «Каравелла» среди тысяч участников конкурса достойно заняла тогда первое место.

О «Каравелле» громко заговорили в пионерской организации. О «Каравелле» узнала страна. В журналах, газетах, по радио и телевидению все чаще можно было прочитать, услышать, увидеть, как сегодня живет «Каравелла», чем занимается, против чего борется и что защищает. Даже сам знаменитый «дядя Степа» — Сергей Владимирович Михалков со всесоюзной писательской трибуны заявил: «Побольше бы таких «Каравелл», побольше бы нам Крапивиных». А Крапивин к тому времени стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

Заочная дружба — привлекательна и хороша, но вдвойне хороша дружба, когда ты видишь друзей воочию. Мне не раз приходилось по поручению редколлегии «Пионера» давать нашему подшефному отряду разные задания. И мы всегда были уверены: каравелловцы не подведут. И они ни разу не подвели редакцию и за свою юнкоровскую работу были отмечены самой высокой наградой «Пионера» — дипломом имени Л. А. Кассиля. А встреча с «Каравеллой» все откладывалась... Но все-таки состоялась.

Я держу в руках один из выпусков литературного альманаха пионерской парусной флотилии и пресс-центра «Каравелла» — «Синий краб» и вспоминаю свердловских мальчишек, их командиров. Они, эти мальчишки, уже успели вырасти, стали рабочими, студентами, воинами... Но мне никогда не забыть блеска их глаз, глубокой заинтересованности в разговоре, желания победить друга-соперника в схватке на рапирах, простоты отношений и очаровательных улыбок, когда всем вокруг хорошо.

«Каравелле» — четверть века. Она прошла долгий путь по суше и воде, а точнее — по волнам нашего пионерского детства. Она выстояла, когда было трудно. Выстояла и победила потому, что у нее точный маршрут — ковать крепкий пионерский характер.

На этом можно было бы и поставить точку. Но хочется сказать еще об одном: «Каравелла» — неповторима. И все же каравелловский дух живет во многих пионерских отрядах по месту жительства, которые учатся у «Каравеллы» думать, действовать, жить по-гайдаровски.

Аркадий Петрович любил ребят стойких, деловых, мужественных. Он презирал трусов и подхалимов. Он верил в «краснозвездную юную гвардию». И если бы случилось чудо, если бы Гайдар подружился с «Каравеллой» и сотнями мальчишек и девчонок, прошедших ее школу, он бы наверняка спокойно и твердо, как это умел, сказал всем — и ребятам, и взрослым: «Молодцы!»

С. Фурин,
журналист, лауреат премии Ленинского комсомола

Ирина Мезенцева,
журналист, член редколлегии газеты «Пионерская правда» *

«...И ЛЕТЯЩАЯ ТЕНЬ ПАРУСОВ»

Разве могли мы подумать, что через двадцать с лишним лет наш двухэтажный деревянный дом станет для кого-то историческим местом?..

Я приехала из Москвы и пришла сюда, в поселок Уктус на краю Свердловска, на улицу Прониной, навестить родственников... ну и, по правде говоря, вспомнить детство. Смотрю — у покосившихся зеленых ворот топчутся двое мальчишек. Небольшие, класса из четвертого.

— Тетенька, а где здесь «Каравелла»?

Здрасте! Это я-то «тетенька»! Я, флагман «Каравеллы», которую ветераны отряда до сих пор зовут Иркой и Иринкой! Я, которая здесь, на Уктусе, всегда чувствую себя девчонкой!.. А с другой стороны, куда денешься, если дома трое ребятишек и старшая дочь давно уже зачислена в состав барабанщиков «Каравеллы»...

Вздохнула я:

— «Каравеллы» здесь нет, ребята. Давно уже. Раньше ее штаб был во-он там, в полуподвале...— И показываю в сторону соседнего шестиэтажного дома.— А сейчас...

— Да нет, это мы знаем. А нам чердак надо, где она начиналась. Ну, где «Бандерилья». Мы в книжке «Чем крепче ветер...» читали. Это правда было, что там написано?

Я завела их во двор, заросший травой и одуванчиками.

— А чердак — вот он...

Белобрысый мальчик деловито защелкал «Сменой». Я спросила у него:

— А зачем это вам?

— В школе велели. Задание к сентябрю. По истории пионерии Урала...

Батюшки мои! Я почувствовала себя экспонатом в застекленной витрине. Но тут смуглый товарищ фотографа сказал:

---

* Все должности, звания и возраст авторов даны на момент подготовки материалов. (*Прим. сост.*)

— И вообще нам интересно. Мы тоже хотим так... А правда, что «Каравелла» есть до сих пор?

Я дала им адрес, и они умчались на троллейбусную остановку: путь от Уктуса до улицы Мира, где сейчас штаб нашего отряда, не близкий... А я осталась во дворе и смотрела, запрокинув голову, на нашу первую отрядную «кают-компанию» и «штурманскую рубку».

Скат железной крыши. Похожий на домик вход на чердак. Оконце, из которого было видно далеко-далеко... Дом стоит на склоне пологих, невысоких Уктусских гор, поросших лесом. Недалеко от моста, у которого речка Патрушиха впадает в Исеть. В шестьдесят первом году это была такая окраина... За Исетью еще не поднимались высокие кварталы, до самого горизонта голубели леса, и, если немного постараться, можно было убедить себя и всех, кто рядом, что впереди раскинулось море...

Мне уже не раз приходилось писать об этом. О друзьях своего детства — Толике, Надьке, Олеге. О штурвале из велосипедного колеса, о корабельном колоколе из детского ведерка, о старой карте мира, украсившей стену рубки (сгибы карты были протерты насквозь, и она разваливалась на квадраты). И о голубой звезде, которая вставала над горизонтом за Исетью, и мы держали на нее курс.

Стихи тех лет помню до сих пор:

Иногда память детства приходит ко мне
Среди северных гор и лесов:
Голубая звезда в незамерзшем окне
И летящая тень парусов...

Стихи написал старший брат Олега. Мы звали его Слава. Он в то лето окончил факультет журналистики, и мы часто бегали к киоску на углу, чтобы купить «Вечерку», где под репортажами и очерками стояла подпись: В. Крапивин.

Слава же придумал и название нашей чердачной бригантине — «Бандерилья». Бандерилья — это легкий дротик, который используют в корриде, бое матадоров с быками. Испанское слово. Нам нравились звонкие испанские слова. В ту пору только что победила кубинская революция, по радио гремели речи молодого Фиделя Кастро, с газетных и журнальных снимков на нас смотрели отважные бородачи в беретах. «Патриа о муэртэ! Венсеремос! Вива ла революсьон! Но пасаран!»

С того времени испанские названия, команды, лозунги так и остались в жизни отряда. Имя отряда мы по давней традиции до сих пор вышиваем на шевронах по-испански: «CARABELA».

Но и это название, и вся история «Каравеллы» были впереди. А пока были только чердак и «вахтенный журнал бригантины «Бандерилья» — конторская книга, в которую мы записывали воображаемые приключения и плавания.

Слава придумал не только название нашему кораблю. Он помогал нам придумывать и жизнь этого корабля, жизнь его экипажа. И несколько раз сам делал записи.

...Сейчас каждый год 2 июля на мысу над Верх-Исетским озером выстраивается отрядная линейка. Гремит сигнальный колокол (не ведерко с цветочками, а настоящий, сверкающий надраенной медью). Блестит золото шевронов и якорей на морских погончиках матросов и капитанов. Серебром отливают аксельбанты барабанщиков. Солнце сияет на боках высоких «суворовских» барабанов. Пламенем горят летние оранжевые рубашки.

— Внимание, на флаг...

И под раскатистую дробь взлетает под гафель базовой мачты исхлестанный ветрами заслуженный отрядный гюйс — голубой флаг с алой звездой в золотистой окаемке.

— Экипажи, внимание,— говорит командор флотилии (а внизу, у пирса, трепещут белые крылья многочисленной эскадры).— Давно-давно, в шестьдесят первом году, второго июля, на чердаке двухэтажного уктусского дома группа ребят сделала в самодельном вахтенном журнале первую запись. Это было начало. Этот день мы считаем днем рождения нашего отряда.

Первый вахтенный журнал «Бандерильи» — это целая повесть. Удивительные приключения юнги Джима, боцмана Боба Гарвея, штурмана Реда Вибара, матросов по имени Пепит и Боб Сухая Нога, хитрой обезьяны-капуцина, у которой не было имени. Все они, даже капуцин, отличались отвагой и всегда готовы были вступить в бой за справедливость. И вступали. Воевали со злой волшебницей по кличке Сгорбленная Колдунья, отправлялись в далекие и опасные плавания, иногда теряли в жарких сражениях друзей.

Последний, очень жестокий бой произошел на острове, где скала напоминала таинственное чудовище. Этот остров хранил какую-то тайну. Тайна осталась нераскрытой. Последняя запись была сделана 4 августа, в ней говорилось, что уцелевшие мореплаватели готовятся к новому путешествию. Это путешествие мы придумывать уже не стали. Что-то изменилось в нашей компании, уже не хотелось просто сидеть и фантазировать... Но мы до сих пор вспоминаем героев первого вахтенного журнала. Вспоминаем, как давних товарищей по отряду.

И теперь мы знаем, какую тайну хранил наш фантастический остров: под скалой была зарыта большая стопа чистых вахтенных журналов, много десятков. Мы испишем их рассказами о настоящих, невыдуманных событиях из жизни наших экипажей. И может быть, там же, под скалой, лежала старинная, запечатанная воском бутылка, а в ней — свернутый в трубку пергамент с письмом-предсказанием. Добрый волшебник (или старый мудрый капитан) обещал нам в этом письме долгие годы плаваний, приключений и боевой интересной жизни.

Придуманные приключения кончились. А настоящие только начинались. Их было много: игры в разведчиков среди зарослей и лужаек на том месте, где сейчас возвышается корпус гостиницы «Уктус». Фехтовальные бои — у Славы были рапиры и маски, и он — спортсмен-фехтовальщик — учил нас выпадам и защитам, правилам рыцарского боя. Именно рыцарского. Он объяснял, что фехтование — мушкетерская наука, а мушкетеры были люди отважные, верные слову и дружбе.

«А ты, Вовка! Вчера ободрал локоть и ронял крокодильи слезы... А Васька! Думаете, я не видел, как ты вчера улепетывал от мелкой шпаны с Гончарного?..»

В компанию вливалось пополнение: младшие братья, соседские ребятишки.

Однажды Слава услышал сердитые крики, обиженные мальчишечьи голоса и выскочил на крыльцо. На ребят кричала вредная соседка (кстати, это она была прообразом Сгорбленной Колдуньи). Восьмилетние Васька и Сережка оправдывались, что их ничуть не интересует клубника и что они искали среди грядок залетевший туда мячик. Был ли в самом деле мячик, до сих пор неясно. А тогда выяснять истину тем более не было времени. Ваську и Серегу соседка тренированной рукой ухватила за воротники (сразу двоих), а другой, в драной перчатке, дернула из земли крапивный куст.

Слава прервал применение «зеленой педагогики» в самом начале. Он воззвал к совести соседки, к ее гуманизму и напомнил, что она работает в школе. Тетушка ослабила хватку, и пленники лихо перелетели через забор в свой двор. А Слава узнал про себя от соседки много интересного. Однако негодующие слова были уже бесполезны: опасность

для Васьки и Сереги миновала. И они, поверившие в Славино могущество, тоже стали членами его команды.

...Конечно, эта компания не была отрядом. Это была ребячья вольница, занятая играми в лесу, велосипедными гонками, футболом, купаньем в Патрушихе. Но что-то необычное уже замечалось в шумной ватаге. Не обижали тех, кто поменьше, всегда брали с собой. Не давали друг другу кличек и прозвищ. Не так сильно боялись местных хулиганов. И однажды дружно поднялись на защиту ближнего березняка, когда увидели, как предприимчивый упитанный дядя в подтяжках пытается разбить там свой огород.

И вот уже идет в сумерках по лесу «Зеленый патруль»: не жгут ли туристы костры, не дымятся ли в сухой траве окурки?

И, наконец,— первый поход с ночевкой, первый костер, первая песня, которую поют, еще стесняясь и неловко поглядывая друг на друга...

Все было тогда первым: лента кинохроники, игра в снежной крепости, «спартакиада» на лесной лужайке, решительная стычка со шпаной («Откуда вы такие взялись? Проморгали мы вас»,— самокритично сказал местный «король»).

Сейчас кажется: все мелькнуло так быстро. А ушло на это три года. И однажды открытие для самих себя:

— Ребята! Да мы же — отряд!

— Конечно! Значит, нужен флаг!

Да, пришло время — и стал нужен флаг. И эмблема. И название.

В первом названии еще звучало эхо уктусской вольницы: БВР — «Берег веселых робинзонов». А была и другая расшифровка, теперь можно в этом признаться: «Братство Веселого Роджера»,— отзвук прежней романтики времен «Бандерильи».

На эмблеме нарисовали веселого мальчишку с подзорной трубой — он оседлал хищную акулу и смотрит в морскую даль. Этот первый наш отрядный знак поместили в центре флага. А флаг был оранжевый — под цвет походных костров.

...Первого флага нет в нашем музее. Не хочется про это писать, никогда мы раньше про тот грустный случай не рассказывали. Но в любой истории — в большой и в маленькой — надо быть честным.

Флаг потерял в лесу во время военной игры знаменосец Сережка. Он долго лазил в непроходимых колючих зарослях, искал пропажу, и мы лазили вместе с ним. А потом он стоял перед сурово молчащим отрядом и ронял слезы.

Со взрослых знаменосцев за такое дело спрашивают без всякого снисхождения, но плачущему Сережке было восемь с половиной лет. Его обругали растяпой и стали шить новый флаг — красный, со звездой и серебряными скрещенными шпагами. И отряд переименовали. Как-то почувствовали, что «робинзонье» и «пиратское» время кончилось. Отряд назвали «Мушкетер».

Нашу историю хранят восьмимиллиметровые киноленты, снятые Славиной крошечной камерой «Экран». Жаль только, что нет на них важного события 1965 года: ноябрьское утро было пасмурным, и в фойе свердловского Дома литераторов стоял полумрак, снимать оказалось невозможно. А именно здесь 9 ноября отряд выстроился на первую торжественную линейку. Своего помещения у отряда еще не было, и Слава привел ребят в Свердловскую писательскую организацию. Он имел на это право: год назад его приняли в Союз писателей СССР.

Встала шеренга — полтора десятка мальчишек и девчонок. Маленький, но теперь уже действительно настоящий отряд. Пионерский, корреспондентский. Ставший юнкоровским постом журнала «Пионер».

Как это получилось? На первый взгляд, случайно. В «Пионере» задумали конкурс рисунков «Дом будущего». Что-то не сложилось.

Конкурс, по словам Володи Матвеева, заместителя главного редактора, «горел ясным пламенем». Эту грустную фразу Володя сказал Славе, который привез тогда в редакцию свою новую повесть.

— Может, твоя гвардия выручит нас? — жалобно спросил Володя.

Уктусские «мушкетеры» выручили. Рисунки их были напечатаны. А в редакции возникла мысль (у кого первого и как, разве теперь вспомнишь): «А почему бы вам не стать нашим корреспондентским отрядом? Постоянным коллективным корреспондентом журнала на Урале? Нам так нужны юнкоры, а вам настоящее дело!»

И вот — шеренга со знаменем на правом фланге (пока еще маленьким, самодельным). И команда:

— Отряд, внимание! Равнение на знамя!.. Товарищ командир, юнкоровский отряд «Ветер» журнала «Пионер» на первую линейку построен...

Почему «Ветер», а не «Мушкетер»? Наверно, потому, что понимали: кончилась и «мушкетерская» пора. Пришло время более важных и ответственных дел. Юнкоровская работа — это не лихой рапирный поединок на лесной поляне. Это, хочешь не хочешь, уже дисциплина. Та дисциплина, когда четко знаешь: не сделаешь все, как надо,— подведешь многих людей, подведешь отряд, подведешь журнал.

Это понимали все. А согласились не все. Несколько человек не захотели быть в «Ветре», жаль стало прежней вольной жизни. Что поделаешь... Зато пришли другие. И среди них — те, кто потом прошагали с отрядом долгие-долгие годы.

...Я вспоминаю эту шеренгу четко и ясно, будто сбор кончился только-только. И думаю о каждом. Как хотелось бы похвастаться, что все были с отрядом, пока не выросли. Но нет смысла обманывать себя и других.

Сережка... Нет, наверно, не случайно потерял он наш первый флажок. Так и осталась в его характере эта расхлябанность, и ничего мы не смогли сделать. Веселый он был, смелый, лихой актер в наших первых фильмах, а потом — раз! — и не стал ходить на занятия. Вернули, уговорили. И вдруг — снова каприз! И неявка на важнейшую репетицию. И полетела из-за этого передача, которую готовили для центральной телестудии. Такое не прощают даже одиннадцатилетним мальчишкам, особенно если они у отрядного знамени давали обещание юнкора.

Васька... Самый младший из «чердачного» экипажа «Бандерильи». Сколько хорошего вспоминается при этом имени — Васька. А потом угас его задор, поскучнел характер. Отряд набирал силу, с каждым днем становилось все больше дел, все интереснее жизнь, а Васька ходил унылый и равнодушный. И однажды махнул рукой на наши дела, ушел во время занятий в театр...

Валерка... Он несколько лет был в отряде, все задания выполнял, все ему было интересно. А в восьмом классе сказал, что устал. Попросился в «отставку». Попрощались с Валеркой честь по чести... А через пару месяцев смотрим — околачивается на углу с подозрительной компанией, глядит на наших ребят с ухмылкой. А ведь был капитаном отряда. Эх, Валерка, Валерка. Так и не понял, что не бывает в жизни места «посередке». Если бросил друзей, тебя быстро пригреют недруги... Да еще и братишку младшего увел за собой...

Но ведь что-то осталось от неспокойной отрядной жизни и у них! Наверняка осталось! Каждый человек вспоминает свое детство, а у них в детстве были отрядные костры, походы, песни, мушкетерские фильмы, сигналы барабанов... Это все равно рано или поздно напомнит о себе. Иногда с радостью, иногда с упреком. Пусть даже с упреком — это все равно поможет в жизни.

Вот что вспоминается. Стояли в шеренге первой линейки два первых штурмана отряда — Алик и Юрка. Два третьеклассника, два товарища. А через пять лет их пути пересеклись в темном подъезде, когда Юрка

с приятелями караулил юнкоров. Караулил, чтобы напасть из темноты и отлупить. Алька — флаг-капитан «Каравеллы» — в броске швырнул Юрку на пол и сорвал с его пальцев свинцовый кастет.

Он, Алька, уже тогда ненавидел всяческую нечисть. Потому и пошел после армии работать в милицию. И сколько раз еще приходилось ему делать такие броски...

А Юрка? Пробежало еще несколько лет, и в штаб «Каравеллы» на Уктусе пришли два сержанта в парадной форме с многочисленными значками на мундирах. Смотрим: один из них — Юрий.

— Вот...— сказал он, смущенно поздоровавшись.— Демобилизовались. Товарищ домой едет через Свердловск, так я его привел показать «Каравеллу». Я там на службе много рассказывал про отряд... Ну, про наши дела, про походы и вообще...

А глаза Юркины просили: «Вы не говорите, какой я был дурак, ладно?»

Ладно, Юрка... И спасибо Алику, что успел тогда вовремя.

...Но что я все про тех, кто бросил отряд. Главными были не они. Главными были другие. Тот же Алька Сидоропуло, с дошкольного возраста и до армии не расстававшийся с отрядом. Саня Бабушкин, Сергей Новоселов, Оля Свалова, Андрей Фалалеев, Надя Нестерова, Лена Кукушкина... А сколько надежных ребят пришло еще потом — тех, кто связал с отрядом свое детство и юность и во взрослой жизни не забыл «Каравеллу»!

* * *

Но надо продолжить рассказ о наших флагах. Хотя... Это уже рассказано! Еще пятнадцать лет назад Сережа Новоселов написал небольшую заметку «Флаги любят ветер», которую потом напечатали в нашей первой книге об отряде. Поэтому — слово Сергею Новоселову (в те далекие времена — школьнику, а сейчас — инструктору «Каравеллы»):

— Весной 1967 года наш юнкоровский отряд «Ветер» (такое название было у отряда до того, как ребята решили всерьез заняться морским делом и назвали отряд «Каравеллой») принимал от журнала «Пионер» новое знамя. За полтора года до этого редакция вручила нам первый наш юнкоровский флаг — большое алое полотнище, на котором каждое важное дело мы отмечали особым значком. И вот сейчас этот флаг лежит на столе, а нарисованные значки на нем — как ступеньки жизни отряда. Даже не верится, что можно рассказать про всю отрядную жизнь, беспокойную и веселую, простыми значками...

А в руках у знаменосца новый флаг отряда, не похожий на прежний. Этот строгий и какой-то совсем незнакомый. Но скоро и он увидит сборы и походы, срочные задания и киносъемки, станет нужным отряду. Ведь без флага нельзя... А с этим к тому же нам никогда не надо будет расставаться: редакция передала его отряду навсегда.

...Теперь у нас три знамени: юнкоровское, морское и пионерское. Морское мы сшили сами, а пионерское нам через два года после юнкоровского вручила редакция «Пионера», потому что отряд фактически превратился в небольшую, но крепкую дружину.

Все знамена выносятся на торжественные линейки и парады. Пионерское и юнкоровское — красные, а морское — голубое. Но о нем речь впереди...

Напрасно боялись те, кто не захотел вступить в «Ветер» в 65-м году. Новые дела и строгие статьи устава не помешали веселой и вольной жизни. В ней осталась и флибустьерская романтика «Бандерильи», и лихость «мушкетерской» эпохи. И ничуть это не препятствовало нашим корреспондентским делам и дружбе с «Пионером».

Лучше всего это, пожалуй, заметно в коллективной повести, которую наши ребята написали для журнала в 1969 году. Недаром повесть так и называется: «Ко мне, мушкетеры!»

И я думаю вот что: вместо того чтобы дальше рассказывать историю отряда, лучше просто поместить здесь эту повесть. В ней, конечно, не все документально, есть придуманные герои и события. Но настроение, характеры, игры, трудности — все, как было у нас.

Прочитав эту повесть, ребята сразу поймут, как жила «Каравелла» в шестидесятых годах. Но не это главное. Главное, что, может быть, и сейчас эта «подсказка» окажется полезной мальчишкам и девчонкам из городских дворов. По крайней мере, в шестьдесят девятом году на повесть «Ко мне, мушкетеры!» в редакцию пришло около тысячи откликов-писем...

КО МНЕ, МУШКЕТЕРЫ!

О том, что было.
О том, чего не было,
но могло быть.
О том, как будет хорошо,
если это случится

История, которая
может произойти в любом дворе,
где есть мальчишки
и девчонки

Рассказ ведут юнкоры пионерского корреспондентского отряда «Каравелла», который поднял свой флаг в городе Свердловске на Уктусских горах. Рассказ — на основе опыта, наблюдений, размышлений и воспоминаний

ВО ДВОРЕ БЫЛО ПУСТО И СКУЧНО...

Жарило солнце. Димка Калашников сидел на скамье и большой, как чайное блюдце, линзой выжигал на спинке: КОТЬКА — ДУ...

На скамейку упала тень: над Димкой вырос сам Костя Тумаков — большой и серьезный. Он внимательно прочитал неоконченную надпись, и Димке стало неуютно.

— Дай,— сказал Костя. Димка вздохнул и дал линзу.

— Хорошая штука,— сказал Костя.— Из эпидиаскопа вывинтил?

— Не...— опасливо ответил Димка.— Это мне Толька за марку променял. Он из старого увеличителя вытащил... А что такое эпи... пиди?..

— Темнота! Эпи-диа-скоп! Такой аппарат. Засунешь в него твою фотографию, сделаешь надпись: «Нарушитель порядка Димка Калач, который портит во дворе казенное имущество». Включишь — и как в кино: на экране твоя физиономия с подписью...

— А как его сделать?

— Эпидиаскоп? Самая простая штука: ящик, зеркало, линза и лампа!

— А если туда не меня совать, а другое что-нибудь? Если что-нибудь нарисовать и как кино показывать? Получится?

— Получится,— сказал Костя.— Аппарату все равно... Ну, я пошел...

— Не уходи! — взмолился Димка.— Ну, расскажи, как делать. Мы во дворе кино устроим! А то такая скучища...

Один из ведущих инженеров отряда «Каравелла»
Саша Бабушкин советует:

— Самое главное для эпидиаскопа — это, конечно, линза. Очень годятся большие конденсоры от фотоувеличителей. Димке и его друзьям

повезло. А нам было труднее: пришлось собирать деньги и покупать линзу в фотомагазине — за семь рублей. Зато все остальное просто. Зеркало (величиной с тетрадку) раздобыли дома. Ящик можно делать из чего хочешь — из фанеры, тонких досок. Мы, например, делали из прессованного картона, в который был упакован новый холодильник нашей соседки. Холодильник она поставила в кухне, а листы картона бросила у крыльца, и мы решили, что они ей не нужны. Изнутри ящик хорошо оклеить фольгой — будет больше света. А подробно, как сделать такой аппарат, можно прочитать в любой технической книжке с советами для школьников.

Командир группы «Парус»
Игорь Авласёнок вносит добавление:

— Когда заняты делом, не прогоняйте малышей. Работники из них так себе, но зато достать какой-нибудь провод, гайки, гвозди и разную мелочь, сбегать куда-нибудь они всегда готовы.

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ НА ЗАБОРЕ ПОЯВИЛОСЬ

Объявление

Сегодня, как только стемнеет,
за гаражом Ивана Семеновича Бочкина
состоится показ новейшего рисованного
фильма
«ОХОТНИКИ ЗА КРОКОПИДРОЙ».
Фильм рисовал знаменитый мастер
кисти и тюбика
ЖЕНЬКА ШВАБРИН.

Приходить на сеанс
со своими стульями.

Вход совершенно бесплатный.
Стоячие места в два раза дешевле.

Солнце стояло еще выше тополей, когда в «кинозал» за гаражом потянулись все окрестные малыши со скамеечками и табуретками. Затем пришли две пенсионерки, которые на всякий случай все на свете осуждали. А после захода солнца пошла основная масса зрителей.

Зрители спешили зря. Сеанс начался ровно в срок. Димка и Толик Чижов притащили аппарат, похожий на фанерный сундук, Костя протянул через двор провод, составленный из шести кусков. К забору прицепили экран из четырех ватманских листов.

В сундуке засветились щели. Автор фильма Женька Швабрин сунул в аппарат первую картинку. Зрители восторженно завыли...

— Еще! — кричали малыши, когда сеанс окончился.— Снова! А вторая серия будет? А когда опять? А какое будет еще кино?

— Заварили кашу,— сказал Костя.— Придется на завтра новую историю разрисовывать.

— Да?! — взвился Женька.— У меня и так рука еле работает! Я что, железный?

— Но ты же один здесь художник! Что делать?

— Думайте,— сказал Женька.

Примечание известного актера,
сценариста и рассказчика отрядной киностудии
Андрея Фалалеева:

— Читателю, наверно, неясно, что за зверь — крокопидра. Это страшное чудовище, похожее сразу на кенгуру и крокодила. Мы его сами придумали. Летом у походных костров и в палатках мы рассказывали много веселых и длинных историй про охотников на это страшилище. Их хватило бы на десять сценариев. Но тем, кто захочет создать свою киностудию, надо придумать и свой сценарий.

А как быть, если в компании нет ни одного художника? Читайте дальше.

— ФОТОАТЕЛЬЕ У СТАРОГО ЗАБОРА

работает с десяти утра до трех часов дня! — эту необычную новость мальчишки передавали друг другу.

Сашка Бобков по прозвищу Боб ходил вдоль забора, помахивая аппаратом «Смена». Димка и Костя возились с листами картона. В каждом картоне была круглая дыра.

Собралась нетерпеливая очередь желающих сфотографироваться. Костя и Димка подняли картонный лист с дырой.

— Толкай голову,— велели они первому «клиенту» — девятилетнему Пашке Капустину.

— Я что, сумасшедший? Суну, а там что-нибудь ка-ак щелкнет!

— Толкай, тебе говорят!

Пашка вздохнул и просунул взъерошенную голову. Щелкнул аппарат.

— Все! Следующий! — Костя и Димка взяли новый лист.

— А что там, на картоне, нарисовано? Что с другой стороны? — волновались посетители ателье.

— Вечером узнаете. Следующий...

Вечером опять был полон «кинозал».

— Демонстрируются работы фотоателье,— объявил Костя. Засветился экран. Зрители сперва затихли от изумления, а потом раздался хохот. На экране была... Баба Яга в ступе, с помелом и с головой всем известного Степки Жукова. Затем появилась Таня Спичкина в образе лихого мушкетера, малыш Шурка Моряков в образе Гулливера. Потом пошли придворные дамы, веселые черти, гномы, звездочеты и пираты — все со знакомыми лицами. Утром, толкая голову в отверстие, никто не знал, что из этого получится. И вот что получилось!

Обиделся только большой толстый Володя Каплин, увидевший, что его превратили в тонконогую изящную балерину.

— Балда, шуток не понимаешь,— сказали ему.

Потом перед экраном появился Костя Тумаков.

— Понравился киносеанс? Ну вот и хорошо. Только наш художник выбился из сил. Это его последняя работа. Переходим на фотосъемку. Начинаем снимать диафильмы... «Три мушкетера». Есть желающие записаться в артисты?

Слово одному из операторов отрядной киностудии Алику Сидоропуло:

— Зачем понадобилось такое «фотоателье»? Ведь можно было просто так затеять съемки диафильма. Конечно, можно. Но с «ателье» интереснее. Это само по себе очень веселое дело. А главное вот что: когда ребята увидят себя на экране в таких необычных ролях, им сильней захочется сниматься.

— НУЖЕН ШТАБ,

чтобы обсуждать все дела,— сказал Димка Калашников.— Домой нас ни к кому не пустят — такую галдящую команду.

— Когда книжки читаешь про ребят, там у них обязательно какой-нибудь сарай или чердак. Или добрая тетя в дровяник пустит.

— Доброй тети не будет,— отрезал Костя.— Сарая и чердака нет. Есть только угол у забора. Пусть все, кто хочет сниматься, отправятся на поиски. Нужны несколько досок и кирпичей.

Через час доски и кирпичи были за гаражом. Ребята соорудили три скамьи, расположив их буквой П.

— Можно столб вкопать,— предложил Шурка Моряков,— а между столбом и забором натягивать плащ-палатку, если дождь будет. Я дома попрошу.

— Нам было хуже, чем этим ребятам,—
вспоминают юнкоры «Каравеллы».

— У нас даже не было уголка за гаражом. На лужайке за домами мы начертили на траве квадрат. По углам поставили четырех малышей-часовых, чтобы никто из посторонних не подслушивал наши тайны. «Главное — это воображение,— сказал наш командир.— Представим, что мы заседаем в мраморном зале. Господа мушкетеры, займите ваши бархатные кресла». И мы сели на траву. И ничего, штаб работал. Правда, иногда мешал дождик, но ведь даже в королевских дворцах, случается, протекают потолки.

Один из капитанов «Каравеллы» —
Сергей Новоселов советует читателям:

— Если вы затеваете какое-то дело, не начинайте со штаба. Он, конечно, нужен, чтобы руководить делом, но он — не главное. А то бывает так: найдут место, провода натянут, сигналы, пароли выдумают, командиров выберут, а как все это кончено — делать больше нечего. И все разваливается.

Сначала придумайте, чем заняться. Не дело для штаба, а штаб — для дела.

ЗВУЧИТ ТРУБА,
сделанная из картона. В нее дует Шурка Моряков. Выбегают из подъездов ребята, у забора выстраивается шеренга.

— Смирно! — командует Костя.— В исходное положение встать! Салют! К бою!.. Димка, не растопыривай локти! Хотите быть мушкетерами, а рапиры держите, как ухваты... Внимание! Шестая позиция. Выпад!

На заборе начерчены мелом разделенные на секторы мишени. Гибкие концы деревянных рапир то и дело упираются в них. Иногда точно, иногда не очень.

— Давайте перерыв,— просит грузный Володя Каплин, который уже помирился с ребятами и согласился сниматься в роли Портоса.

— Успеем с перерывом,— отвечает Костя.— Надо привыкать. Занятия будут каждое утро с девяти до одиннадцати. Эта наука нам еще пригодится.

Несколько советов начинающим мушкетерам
дает один из ведущих фехтовальщиков «Каравеллы»
Вова Свалов:

— Ребятам, о которых мы рассказываем, фехтование сначала понадобилось для съемок. Но им можно заниматься и просто так — это очень увлекательное дело. И не надо думать, что обязательно нужны железные рапиры и маски. Если их нет, можно взять гибкий прут, ручку обмотать изоляцией, а щиток (он называется гарда) можно сделать из консервной банки или поварешки без ручки. А маски для таких рапир и не нужны, вместо них можно взять небьющиеся мотоциклетные очки.

Только не начинайте занятия сразу с боев. Это будет не спорт, а драка. Надо сначала разучить приемы. Хорошо, если найдется спортсмен, который вам поможет. А если нет, купите в книжном магазине или отыщите в библиотеке одну из книжек для юных фехтовальщиков, их сейчас много. И выберите для занятий командира, чтобы был порядок.

АППАРАТ БЫЛ ЗАРЯЖЕН.
Сашка Бобков затолкал в карман кассеты и вышел во двор. Актеры были в сборе. Колыхались перья над картонными шляпами. Развевались плащи мушкетеров и гвардейцев. Декораторы во главе с Женькой

обивали забор бумагой с нарисованным лесом. Димка приволок выпиленную из фанеры таверну — домик с острой крышей.

— Здесь будут веселиться мушкетеры,— сообщил он.

Сегодня снимали сцену, как мушкетеры во главе с д'Артаньяном дерутся с гвардейцами. Сашка суетился и нервничал. То взбирался на крышу гаража, прикидывая, как снять панорамную сцену драки, то расставлял актеров и репетировал с ними крупные планы. Он понимал, что кадры должны быть выразительные и разнообразные. Надо снять лихие выпады бойцов, их лица. И нельзя, чтобы кадров было слишком много: надо экономить и пленку, и фотобумагу.

Вечером Сашка, Костя и Димка проявили пленку и напечатали снимки. Димка аккуратно наклеил внизу каждой фотографии бумажные полоски с надписями.

— Все в порядке. Завтра снимаем сцену во дворце кардинала.

...Объявление появилось неожиданно, однако двор узнал о нем моментально.

Уважаемые зрители!
Первая серия увлекательнейшего
диафильма
«ТРИ МУШКЕТЕРА»
будет показана
сегодня!
Взимается плата за вход:
лист картона или бумаги для декораций,
кусок пакли для париков и бород, а также
другие полезные вещи, необходимые для
съемок второй серии

— Совсем не обязательно, чтобы костюмы были как настоящие,— **говорит костюмер нашей киностудии Оля Свалова.**

— Наоборот, чем проще и забавнее они будут, тем веселее получится кинокартина. Пусть это будет фильм-игра, пусть зрители видят, что у Атоса картонная шляпа и отцовские охотничьи сапоги — это не помешает веселью. У нас, например, д'Артаньян скакал не на лошади, а на березовой палке с лошадиной головой, кардинал носил тюбетейку и старую юбку, для костюма королевы пригодился старый махровый халат, а семилетний король Людовик бегал в матросском костюмчике и жестяной короне из большой консервной банки. Зрители смотрят и хохочут: «Ну и придумают же люди!»

ПОРТОС НЕ ПРИШЕЛ...

Володьку не пустили на съемку. Накануне он разорвал на заборе новые брюки, и его засадили дома на три дня. Ребята сидели понурые и злые. Срывалась съемка. А день как назло стоял самый подходящий — яркий, солнечный.

Костя решительно встал.

— Пошли, ребята! Попробуем один способ.

Компания подошла к Володькиному балкону и выстроилась.

— Три, четыре...— скомандовал Костя.

Шеренга хором грянула:

— Марья Гавриловна! Вы срываете съемки фильма! Вашего Вовку ждут пятнадцать человек! А фильм ждет весь двор!

В подъездах и на балконах стали появляться любопытные.

Ребята прокричали четыре раза. Когда они приготовились крикнуть пятый раз, из подъезда вылетел Володька, на ходу натягивая кружевные мушкетерские манжеты.

Примечание:

Описанный выше способ воздействия на родителей проверен на практике и довольно надежен. А еще лучше, если с самого начала вы убедите родителей, что заняты важным и полезным делом и срывать его нельзя. При этом постарайтесь также как можно меньше рвать штаны и портить родителям настроение — тогда будет совсем хорошо.

ДЕЛО ТРЕБОВАЛО частых сборов, совещаний. Димка — самый быстроногий человек — замучился, обегая все подъезды и этажи.

— Дальше так не пойдет,— заявил он.— Давайте придумывать сигнал сбора.

И придумали. К забору прибили жердь с перекладиной — мачту. Верхушку мачты было видно отовсюду.

— Когда начинаем общее дело — флаг наверх, — сказал Костя. — И пока мы чем-нибудь заняты — не спускать.

Общих дел хватало. Еще не кончились съемки второй серии, а кроме того, надо было сыграть в футбол с соседней улицей, сходить на пруд искупаться. Готовились соревнования фехтовальщиков на приз двора.

Шурка Моряков, Костя, Димка и Володя сидели на скамье у мачты.

— Пора начинать тренировку,— спохватился Костя.— Надо ребят собирать.

— Ура! Ко мне, мушкетеры! — крикнул голосистый Шурка.— Флаг — пошел наверх!

Димка ухватился за веревку и потянул. Флаг медленно пополз вдоль мачты.

Димка вдруг оглянулся на друзей.

— Вы бы встали все-таки...— заметил он.— Флаг же поднимаем. Наш флаг...

Ребята поднялись. Флаг — их флаг — развернулся и заполоскал в летнем небе.

ФЛАЖКИ ВЗЛЕТАЛИ НА МАЧТУ. Их сшили девчонки. И придумал это дело «художник» Женька Швабрин. Он купил в магазине «Техническая книга» морской словарь, чтобы срисовать оттуда парусник, и увидел в этом словаре таблицу с цветными флажками — Международный свод сигналов. Каждый флаг — цифра или буква.

— Ко мне, мушкетеры! — заголосил Женька, врываясь во двор и размахивая словарем.— Есть идея!

Идея всем понравилась. Это ведь здорово — подняли на мачту сигнальный флажок (или несколько), и сразу все знают: кого вызывают, какое ожидается дело, что случилось. Как на боевом корабле.

— Только надо кое-какие сигналы специально для нас придумать,— рассудил Костя Тумаков.— Флаг «Т» — значит «тренировка», «К» — «киносъемка».

— А флаг «О» означает «человек за бортом». Так и оставить? — поинтересовался Шурка Моряков.

— Конечно! Это значит, Шурка Моряк в ванне тонет!

— Нет, это Вовку мама опять на речку не пускает!

В общем, все были довольны. Только девчонки чуть меньше мальчишек: они сразу поняли, что флаги морского свода придется шить им. Но тут уж ничего не поделаешь.

Слово главным портным «Каравеллы»
Оле Сваловой и Наде Нестеровой:

— Конечно, шить пестрые флажки из лоскутков трудновато. Хлопотное это дело. Но самое трудное — добиться, чтобы мальчишки нашли нужную материю: белую, желтую, красную, синюю, черную. Пусть поищут дома ненужные лоскутки и обрезки ситца и сатина, пусть родителей попросят. Флажки не надо делать большие. Ширина — двадцать, а длина — тридцать сантиметров. Пусть все постараются. Такие флажки очень нужны для интересной жизни. А как красиво выглядит двор, украшенный ими для праздника!

РОДИТЕЛЕЙ ПУГАЛА РЕЧКА.
Не всех, конечно. Но были такие, кто постоянно твердил:

— Там утонуть можно! И вообще, идти без взрослых за три километра да еще купаться...

— Да там глубина по пуп! — доказывали ребята.— У Кости разряд по плаванью, он любого вытащит!

А три километра — чепуха для веселой компании. Пробежишь и не заметишь.

Лето жаркое. Почти каждый день поднимался на мачте сине-белый флаг «П» — флаг отхода. Это означало «уходим в плавание», то есть на речку. Но Вовку Каплина родители никак не пускали.

— Если он будет тонуть, кто его вытянет? У вас даже нет спасательного круга!

В ответ на эти слова Шурка Моряков притащил из сарая две громадные накачанные камеры от «ЗИЛа».

— А если простудится? Вы температуру воды измеряете?

— Не измеряем,— сказал Костя Тумаков.— И не будем. А Вовку вы зря не пускаете. Он терпит, терпит, а потом начнет без спросу бегать купаться. Не может же человек без воды в такую жару. Тогда хуже будет. А у нас при купанье порядок. Мы по трое делимся, в каждой тройке есть хороший пловец, и он следит за другими.

Неизвестно, что подействовало, только на следующий день Вовка шел на речку с ребятами.

У реки они были до тех пор, пока голод не прогонял домой.

— Эх, бутербродик бы сейчас,— жаловался Димка Калашников.— Жаль, не догадались прихватить...

— И очень жаль, что не догадались,—
говорит Саша Бабушкин,
один из туристов-ветеранов «Каравеллы».

— С небольшим запасом еды можно провести на речке целый день, не теряя времени на обеденный перерыв. Ведь река или пруд хороши не только купаньем. Там можно и в «водный волейбол» сыграть, и в «морской бой». Только брать с собой лучше не бутерброды, а хлеб, крупу и котелок. Костер на берегу всегда можно развести, и обед будет не хуже, чем дома.

— КОРАБЛЬ МОЖНО СДЕЛАТЬ САМИМ! — возбужденно доказывал Димка Калашников.— Вчера на речке мостик сломался, и какие-то мальчишки из него плот сделали. Мачту поставили. Только опрокинулся, потому что много на него забралось. А если как следует сделать...

— Сегодня сделаешь, а завтра его кто-нибудь разломает или по досочкам растащит, — заспорила Таня Спичкина. — Там вон сколько купальщиков!

— Стойте, я вспомнил! — вдруг подскочил Сашка Бобков.— Я на одной фотовыставке снимок видел, там самодельное судно из камер. Его собирать и разбирать можно, оно легкое...

— Идея великолепная! — одобрил Костя.— Все ясно. Завтра с утра тащите автомобильные камеры, у кого есть. Жерди, веревки, доски. Будем строить...

Утром началось строительство. На асфальте начертили контуры будущего судна. Получилось что-то вроде самолета. Две камеры расположили на концах крыльев (для равновесия, чтобы корабль не опрокидывался), а остальные вдоль «фюзеляжа». Из тонких досок и жердей связали каркас судна, привязали к нему камеры. Больше всего пришлось повозиться с мачтой: она не хотела стоять. Наконец ее закрепили оттяжками из алюминиевой проволоки. Парус сделали из плащ-палатки, которую натягивали в своем «штабном углу», спасаясь от дождя.

После обеда, подхватив на плечи свое судно, «экипаж» двинулся к реке. Шурка Моряков шагал впереди и барабанил по железному котелку, а маленький Пашка нес флаг, на котором было написано название судна: «Мушкетер».

На глазах у многочисленных зрителей корабль был спущен на воду, флаг под крики «ура» поднят, парус развернут.

— Не все сразу! — крикнул Костя Тумаков.— По три человека на один рейс! И сначала надо испытать!

Сергей Новоселов — капитан катамарана «Нептун»,
построенного «Каравеллой» в палаточном лагере
на Исетском озере:

— Зря они тащили к речке уже готовое судно. Ведь разобрать и собрать такой корабль можно за десять минут. Лучше, если бы каждый взял камеру, или жердь, или веревки и нес отдельно, а на берегу все занялись бы сборкой. А сделать такое суденышко и в самом деле просто. Дырявые камеры всегда можно раздобыть, заклеить их каждый сумеет. Если нет колпачков, можно сделать деревянные пробки. Только располагайте камеры так, чтобы корабль был устойчивым. И не переусердствуйте с парусом. Если он будет слишком большим, ветер может перевернуть.

Конечно, на таком корабле далеко не уплывешь, но веселья он доставит много.

ТАИНСТВЕННАЯ ЧЕРТА пересекала двор. Она была сделана мелом. Рядом белела надпись: «Прежде чем перешагнуть, вспомни все моря и океаны».

Шурка Моряков подумал, пожал плечами, на всякий случай вспомнил все моря и океаны, которые знал, и перешагнул.

Тут же на него обрушился целый водопад. Шурка взвизгнул и метнулся к подъезду. На балконе радостно приплясывал Димка с ведром.

— Только спустись...— произнес Шурка, показывая мокрый кулак.

— Эх ты, сухопутный житель! А еще морскую фамилию носишь! — веселился Димка.— Ты же пересекал экватор! Никто не может спастись от «морского крещенья», когда пересекает экватор! Это все знают!

— Я откуда знал, что это экватор? — отфыркиваясь, сказал Шурка.— Подожди, я к тебе поднимусь, будем вместе новичков окатывать.

— А потом можно настоящий праздник Нептуна сделать, как на кораблях,— предложил Димка и вылил полведра на проходившую внизу Таню Спичкину...

Праздник Нептуна решили провести через два дня. Костю назначили главным командиром. Таню — ответственной за костюмы. Димку — связным и разведчиком.

Два дня ребята носились по двору с рейками, картоном, паклей, молотками и жестью. Строили «трон» для Нептуна и «корабль» из старого корыта.

На третий день ровно в двенадцать часов из-за гаражей выползла шумная процессия. Впереди шел оркестр, где инструментами были гитара, губная гармошка, крышки от кастрюль и палка с привязанными колокольчиками. За оркестром «русалки» и «крабы» волокли по асфальту железное корыто с мачтой и парусом из полосатого матрацного чехла. В корыте сидел «капитан» в драной тельняшке, пиратской косынке и с черной повязкой на глазу.

Производя ужасный грохот, процессия направилась к трону владыки морей.

— Кто такие? — грозно взревел Нептун-Тумаков, потрясая мочальной бородой и трезубцем.

— Самая сухопутная из всех морских экспедиций,— бодро отвечал капитан.— Плывем через экватор.

— Встань, невежа, когда разговариваешь с морским царем! — вознегодовал Нептун.— Сейчас проверим, какие вы моряки. А ну-ка скажите...

И он начал задавать вопросы на морские темы. Один коварнее другого. Никто, конечно, не мог ответить точно, и «придворные» тут же подвергали виновника «морскому крещенью».

— Братцы,— вдруг предложил Димка.— А спросим-ка его величество, сколько румбов в компасе и чем бриг отличается от фрегата!

— Э-э... Кх... Гм...— забеспокоился Нептун.— Не имеете права меня допрашивать...

— Самозванец! Ничего не знает! — восторженно взвыли мальчишки. Подхватили его морское величество вместе с троном и потащили к лохани, заранее приготовленной коварными заговорщиками...

Юнкоры «Каравеллы» добавляют от себя:

— Здесь рассказано только про «торжественную часть» праздника. Но ведь кроме этого можно придумать много интересного: викторину с хитрыми морскими вопросами, смешные соревнования (например, знаменитое матросское перетягивание каната). Вечером можно показать во дворе диафильмы про море. И не забудьте для каждого участника приготовить «диплом» о том, что он был царем Нептуном посвящен в «морские волки».

И еще один совет: перед праздником предупредите взрослых, чтобы они не пугались шума. Без шума вам не обойтись.

А ВЕЧЕРОМ РАЗДАЛСЯ ЗВОНОК.
В квартире Тумаковых. Там, где ребята весело обсуждали праздник и намечали новые дела.

— Родители дома? — спросил управдом Василий Сергеевич, без приглашения перешагнув порог.

— Нет. Зачем вам?

— Хочу поговорить о твоем, вернее, о вашем поведении.

— А что мы такое сделали? — воинственно спросил Димка Калашников.

— Много безобразий сделали! Шум создаете, пожилым людям отдыхать мешаете. Жильцы жалуются, что дети на ваших киносеансах допоздна задерживаются...

— Во-первых,— начал оскорбленный Женька Швабрин,— это не шум, а исполнение маршей. Во-вторых, детей никто не держит, они сами сидят, когда мы диафильмы показываем. А в-третьих, мы...

— А в-третьих и в-десятых: с этого часа — никаких кино и маршей, никаких тут ваших отрядов! Ясно? — заявил Василий Сергеевич и удалился.

А утром Димка увидел, что флаг на мачте странно дергается. Он бросился за гаражи. Управдом неумело тянул веревку флага.

— Отпустите! Не имеете права! — крикнул Димка.— Ребята, где вы?

Мальчишки сбегались на шум.

— Я, кажется, вчера ясно предупредил,— начал управдом. Ребята возбужденно загалдели, но постепенно стали умолкать и выжидательно смотрели на Костю Тумакова. Он был самый старший и самый решительный. А у него от этой тишины и от волнения зазвенело в ушах.

— Вы... Вы у флага отряда находитесь,— сказал он.— Отпустите веревку. Потрудитесь отойти от мачты.

Мальчишки, сами того не замечая, выстраивались в ровную шеренгу. Управдом посмотрел, махнул рукой и пошел, ворча:

— Грамотные... «Потрудитесь отойти»... Слова придумали всякие...

— А разве мы отряд? — спросил Шурка Моряков, когда управдом исчез.

— А кто же мы? — удивился Димка.

— Ну... Тогда надо настоящего командира.

— По-моему, командир есть,— сказала Таня Спичкина, влюбленно глядя на Костю.

— Слушайте, братцы-мушкетеры,— обратился к друзьям Костя.— У этого управдома есть не то сын, не то племянник. Ему лет восемь.

Если мы его зазовем в отряд, то и управдом станет посговорчивей. А мальчишка вроде ничего. Идет?

Так они и сделали...

— Нам было труднее,—
вспоминает командир совета «Каравеллы»
Надя Нестерова.

— У того управдома, который придирался к нам, не было никакого сына или племянника. И сговорчивостью он не отличался. Но мы не сдавались. Если занимаешься хорошим делом, никто не сможет помешать до конца. Давно уже нет того управдома, утомились многие наши недруги и жалобщики — те, кто не любит ребячьего шума и звука горнов. А красный флаг нашего отряда по-прежнему реет на мачте.

— Кроме того, нам, наверно, просто не повезло,—
замечает Игорь Авласенок.

— Говорят, есть домоуправляющие, которые с радостью помогают ребятам. Я жил раньше в Белоруссии, в небольшом поселке, и взрослые там всегда нам помогали.

ОДНАЖДЫ ВО ДВОР ПРИШЕЛ ПЕС.
Он был большой, тощий, лохматый и тонконогий. Похожий на какое-то африканское животное. Глаза у него были доверчивые, а характер, видимо, добродушный. Он оглядел столпившихся ребят и робко мотнул хвостом.

— Лопать хочет,— безошибочно определил Шурка Моряков.

Двое добровольцев побежали за хлебом и котлетами.

Три старушки на скамейке у первого подъезда немедленно завели подходящий к случаю деловой разговор:

— Страховидный-то какой, всех детишек перепугает!

— Блох-то, видать, полная шкура.

— В милицию...

— Небось кур таскать станет...

— Надо как-то пса определить,— решил Костя Тумаков.— А то эти бабки его быстро на живодерню сплавят. А он все-таки живой...

Пес ел четвертую котлету и внимательно слушал. Уходить ему не хотелось.

— Он нам для съемок пригодится,— сказал знаменитый фотограф и кинооператор Степка.— А то прямо беда: нигде подходящую собаку не найдешь. Хоть сам в шкуру забирайся...

— В походе охранять будет. Сразу видно — умный пес,— поддержал Димка Калашников.— И вообще, что за жизнь без собаки!

Назвали пса грозно — Гепард. Но он охотнее откликался на простое имя Тяпа. Поселили Тяпу в рассохшейся бочке, которую Шурка прикатил из своего сарая. Бочка была громадная — прямо целый водонапорный бак. Ее наполовину врыли в землю, постелили внутрь солому и старый ватник.

— Придется только Тяпу на ночь привязывать,— сказал Костя.— А то напугает кого-нибудь, знаете, какой скандал будет.

Примечание «Каравеллы»:

— Собака и в самом деле нужна. С ней веселее. У нас тоже был пес, его звали Рубин. Большой, белый, похожий на полярного медведя. Он разрешал малышам ездить на себе. А в походах он был у нас самым надежным сторожем. И в футбол он с нами играл.

Мы очень жалеем, что вовремя не зарегистрировали Рубина. Он был наш, но кое-кто из скандальных соседей называл его беспризорным. Однажды Рубин совсем исчез. Мы боимся, что кто-то заманил его в лес и убил. Встречаются еще такие...

САМОЛЕТЫ ПИКИРОВАЛИ
на зенитную батарею.

— Внимание... Огонь! — разносился по двору голос Женьки Швабрина — командира зениток. Горошины и мелкие камешки барабанили по жестяным крыльям пикировщиков, которые скользили на круглых петлях по наклонным проволокам. Проволоки тянулись от балконов к столбу с бельевыми веревками, от гаража к калитке, от шеста со скворечником к водосточной трубе. А самая хитрая проволока тянулась из кроны высокого тополя к самой середине двора. Самолеты выскакивали прямо из гущи листьев и стремительно неслись на позиции зенитчиков.

— Ура! — кричал, приплясывая на балконе, командир эскадрильи Димка Калашников.— Ни одного попадания, проскочили! Нам — пять очков.

Орудия, сделанные из нитяных катушек, резинок и колес, нарезанных из картофелин, стали огрызаться еще ожесточеннее. Наконец один из штурмовиков врезался прямо в батарею и опрокинул три орудия. Между «пилотом» и «артиллеристами» едва не завязалась рукопашная. Летчик утверждал, что нарочно вел самолет на таран, а зенитчики кричали, что никаких таранов в правилах игры нет.

— Братцы, полегче,— вмешался Костя.— Если какой спор, то решайте в честном поединке, по-рыцарски. Вот будет турнир, тогда и вызывайте друг друга...

БОЕВЫЕ ЛОШАДИ БИЛИ КОПЫТАМИ.
Если говорить точнее, «копытами» — кедами и сандалиями — били сами всадники, потому что лошади ног не имели. Это были простые палки с лошадиными головами из картона. Но десятилетние «рыцари» чувствовали себя на этих конях очень бодро.

Рыцари сближались на тонком гладком бревне. Ветер колыхал перья на их шлемах. На фанерных щитах яркими красками сверкали

вставшие на дыбы львы и олени, пестрели диковинные цветы, жизнерадостно сияли солнечные диски.

Копье с резиновым мячиком на конце ударило в щит с крылатым леопардом. Владелец грозного щита, взмахнув руками, закачался и прыгнул с бревна, теряя «коня» и оружие. Его противник победно поднял копье...

Сашка Бобков с зеленой судейской лентой через плечо быстро щелкнул победителя своей «Сменой» и велел «скатываться», освобождать место следующей паре...

Арена для «Рыцарского Турнира Нашего Двора» была устроена на лужайке у забора. С трех сторон ее огораживали веревки с пестрыми флажками. На заборе висел громадный фанерный щит. На нем было нарисовано оранжевое солнце и силуэт Дон-Кихота.

Бойцов на копьях сменили стрелки из арбалетов, потом пошли в ход «пращи»: два противника старались поразить друг друга маленькими мячами, раскручивая и швыряя их из ременных петель. После них на очерченную мелом круглую площадку вышли «мастера меча и щита»: кто из фехтовальщиков раньше нанесет укол или вытеснит противника из круга...

Гром кастрюльных крышек и завывание картонных труб известили о конце состязаний и начале заключительного парада. Яркая шеренга победителей выстроилась для получения наград. Призов было много...

— Нас могут спросить: «Где взять призы?» —
говорят художники и мастера нашего отряда.

— Нигде не надо их брать. Нужно сделать самим. И это совсем не трудно. Возьмите простой березовый чурбачок, зачистите одну сторону, выжгите на ней всадника с копьем — и вот вам приз победителю-«коннику». Сделайте для лучших стрелков крошечный лук в колчане из кусочка узорчатой кожи и такие же маленькие стрелы с наконечниками из блестящей жести. А если есть время, можно сделать и вручить победителям фотопортреты, где они сняты в полном рыцарском облачении.

Кстати, о рыцарском вооружении. Как делать мечи, щиты, копья, наверно, никого учить не надо (только не делайте мечи тяжелыми и острыми: это опасно и неудобно). Сложнее со шлемами. Их лучше всего делать из папье-маше: оклеивать слоями бумаги какую-нибудь форму — чайник, небольшой глобус и т. д. А можно форму из глины сделать. У нас кое-кто предлагал для этого использовать прямо голову «рыцаря»: размер будет самый точный. Но никто не захотел попробовать.

Давайте оторвемся ненадолго от рассказа о наших друзьях.

В разных городах, больших и маленьких, очень много дворов — тоже разных, маленьких и больших. И о жизни в этих дворах пишут в редакцию ребята. Пишут отовсюду: из Сибири, Прибалтики, с Дальнего Востока, Урала, из Москвы и Ленинграда.

Редакция познакомила нас с этими письмами и попросила написать: что мы о них думаем, что можем посоветовать ребятам?

Нам очень понравилось письмо Вити Щенева, четвероклассника из города Андижана. Он так весело и подробно рассказывает про игры, которые придумали ребята в их микрорайоне. А еще он пишет: «У нас в доме три подъезда, и каждый подъезд сделал себе беседку. Летом в ней вьются китайские розы. Красиво! А в гараже, с которого зимой мы прыгаем в снег, летом у нас штаб. Там мы кипятили чай, варили суп. Мы называем штаб каютой. Рядом с нами рабочие строили новый дом. Мы им помогали, а они нам дали несколько досок. Мы сделали для малышей из досок утки-качалки, они садятся в них и ка-

таются. И еще у нас есть поле. Зимой оно хоккейное, а летом футбольное.

А еще у нас есть собака Белка... Тут у нас в доме живет такая злая старуха. Ух как она Белку не любит. Это из-за нее у Белки забрали щенят, а то жили бы с Белкой вместе...»

Из Риги прислали письмо Наташа Чибисова и Миша Тарасов. Они пишут, как весело у них на спортплощадке, которую помогли оборудовать комсомольцы. Ребята в этом дворе заботятся о маленьких товарищах, показывают им кукольные спектакли. «Мы хотим посоветовать другим ребятам: озеленить свой двор, взять шефство над малышами, а главное — крепко дружить».

Это очень хорошее письмо, совсем непохожее на те, в которых девчонки жалуются на мальчишек, обвиняют их во всех несчастьях и просят помощи (такие письма тоже встречаются).

А есть письма с беспокойными и горькими строчками.

«Каждую весну мы ходим в поселковый Совет и просим, чтобы сделали детскую площадку, но нам все время отказывали. Весной прошлого года мы опять попросили. Там сказали: «Очистите место, где бы мы могли сделать площадку». Все ребята дружно принялись за работу. В один день мы очистили двор от камней и от мусора. Мы прождали все лето...»

А вот еще: «Сколько раз мы хотели залить каток, но нам жильцы не разрешают. Говорят, что когда мы будем кататься, то будем шуметь... Летом в нашем дворе мальчикам и девочкам не разрешают играть в разные игры, так как жильцы должны отдыхать. Мы, конечно, понимаем, что они устают на работе, но ведь мы играем днем, а в это время они работают. К тому же летние каникулы — это наши выходные дни, и мы тоже отдыхаем. А ведь никакие игры не проходят без смеха, споров и шума...»

В этих письмах нет пустых жалоб и слезливых просьб. Ребята готовы работать, строить, придумывать веселые дела, лишь бы им помогли. Или хотя бы не мешали. Не всегда им под силу справиться с трудностями. Мы познакомились с автором одного из таких писем, Владиком Бессоновым. Он наш земляк, свердловчанин. Побывали у него во дворе. Там грязь, мусор, груды земли. Лопатами ничего не сделаешь. Просили бульдозер, чтобы разровнять площадку — напрасно. Просили отдать пустующую комнату для детского клуба, а в ней открыли продовольственный ларек. А зачем он, если рядом гастроном и булочная?

И все ребята спрашивают: как быть, что делать?

Честно говоря, трудно посоветовать что-нибудь определенное. Потому что в каждом дворе — свои дела, свои трудности. Мы можем сказать только одно: для хорошей интересной жизни нужна организованность. Вы должны быть товарищами, настоящими, надежными. За каждое дело браться вместе, не давать друг другу раскисать от неудач. Вы и сами знаете: одна голова хорошо, а десять лучше. Но лучше тогда, когда они думают об одном, живут одними делами и заботами. Не тратьте времени и сил на мелкие ссоры и обиды, на пустые споры. Если что-то не вышло, не огорчайтесь, беритесь за другое дело. Нельзя играть в футбол? Организуйте военную игру — с картами, телефонами, разведкой, тревогами. Дожди залили двор? Устройте гонки парусных корабликов.

И еще одно: если вы будете не просто ватага, а, например, дворовый отряд «Чапаевец», или спортивная команда «Вихрь», или пионерская агитбригада «Ласточка», если у вас будут свои правила, свой командир,— жить станет легче. Не сразу легко, но легче. Вам будет проще доказать и сердитым соседям, и домоуправлению, и всем взрослым, что заняты вы хорошими делами и имеете право на помощь.

БЕСЕДЫ НА ПОЛУБАКЕ

стали привычкой. «Полубак» — это бочка, которую за гаражом, где штаб, вкопали наполовину в землю: чтобы поселить в ней Тяпу. «Был бак, стал полубак»,— сказал Пашка Капустин и первый забрался на полукруглую крышу Тяпиной конуры. Сидеть там было удобно.

Шла середина августа. Темнело раньше, часто накрапывали дожди. «Катамаран» разобрали, и плащ-палатку опять натянули у забора. Там собирались по вечерам. Шуршал по парусине дождь, возился в своем жилище Тяпа. Хорошо было сидеть на полубаке и мягких автомобильных камерах. Шурка Моряков притащил однажды старый керосиновый фонарь — чтобы можно было читать вслух...

Однажды Женька Швабрин запоздал. Он пришел, когда все уже немного заскучали (книга была дочитана, и никто не мог придумать, чем заняться). Женька молча взгромоздился на полубак и достал из кармана куртки человечка. Голова у человечка была картофельная, туловище — катушка из-под ниток, руки и ноги из проволоки. Человечек озорно блестел стеклянными глазками.

— Его зовут Чип,— сказал Женька.— Я познакомился с ним в Африке. Он шил сапоги из крокодилов, а я объезжал зебру...

— Вот врет! — изумился Шурка Моряков. На него зашипели.

— Это известный путешественник и охотник,— не моргнув, продолжал Женька,— младший внук знаменитого Бармалея. Если хотите, мы с ним расскажем одну-две истории про удивительные приключения в лесах экваториальной Африки...

Все хором заявили, что хотят, и притихли. Даже Тяпа перестал чесаться. Удивительная история началась...

На следующий вечер почти каждый принес своего «героя». У кого был космонавт, у кого — марсианин, у кого — непонятное существо на трех ногах, с четырьмя хвостами, чешуйчатое и крылатое. Всем хотелось поскорее начать свой рассказ. Шум поднялся...

— Так не пойдет! — решил Костя.— Давайте по старшинству. Пусть начинает тот, кому больше лет.

Первым оказалось чудовище, которому исполнилось восемьдесят миллиардов лет и три года. Оно служило верховой лошадью у жестокого жителя планеты Меркурий. Потом этого жителя съел марсианский крокодил и чудовище отправилось путешествовать по космосу самостоятельно.

Потом картонный капитан Володи Каплина поведал о тайне затонувшего фрегата, а пластилиновый водолаз Димки Калашникова — о том, как побывал в гостях у Нептуна. Остальные рассказы оставили для других вечеров.

К читателям обращаются флаг-капитаны «Каравеллы», участники артековских и «орлятских» «огоньков», организаторы отрядных костров и сборов:

— Не думайте, что это легко — собраться и рассказать историю. Во-первых, надо придумать так, чтобы было интересно. Во-вторых, надо, чтобы умели слушать. Да, это очень важно. Надо, чтобы не перебивали, не лезли с глупыми шутками и вопросами, чтобы не шептались и не спорили («а чего ты занял мое место?..»). Хорошо умеют слушать там, где ребята дружные и уважают друг друга. Но, конечно, и рассказчик не должен мямлить, сбиваться, забывать, повторяться.

ДОЖДЬ БАРАБАНИЛ ПО ПЛАЩ-ПАЛАТКЕ

и не давал высунуть носа из «штабного» угла.

— Неужели кончилось лето? — вздохнул Сашка Бобков.

— Ну, нечего хныкать,— заметил Костя.— Лето было хорошее.

— Лето было что надо! — поддержали мальчишки.

— Помните, как у Шурки Моряка на речке ботинок утоп, когда корабль испытывали?

— А помните, как на празднике Нептуна Димку в корыто уронили?

— Не Димку, а Пашку Капустина,— заспорил Бобков.

— Димку!

— Ну чего спорите? У меня же снимки есть! — И упрямый Сашка, рискуя вымокнуть до нитки, помчался домой. Скоро он притащил пачку снимков в целлофановом пакете.

— Хорошая штука фотография,— задумчиво произнес Димка, которого, как выяснилось, не роняли в корыто.— Такая память о лете остается. Жаль только, что дневник не вели, еще лучше было бы...

— Кому охота каждый день писать!

— Не обязательно каждый! Только самое интересное!

— Самое интересное и так запомнилось. Можно и сейчас записать,— рассудил Костя Тумаков.

— А зачем?

— Стенгазету можно про лето выпустить.

— Да зачем это? Мы ведь и так все знаем!

— Мы-то знаем, а другие не знают. В школе повесим!

— Можно про съемки «Мушкетеров» написать, про турнир!

— Про Тяпу!

— Про все интересное! И фотографии самые лучшие наклеить.

— И рисунки! Я карикатуру придумал. Женька, ты нарисуй: сидят на дне два рака и Шуркин башмак рассматривают. Старый рак говорит молодому: «Сколько живу на свете, а корабль такой конструкции первый раз вижу...»

— А какое название для газеты придумаем?

К читателям обращаются члены редколлегии отрядной стенной газеты «Тигренок Санька» Саша Бабушкин и Андрей Фалалеев:

— Постарайтесь придумать название поинтереснее, чтобы все знали: эта газета именно вашего отряда. И пусть она будет повеселее. Ваш художник, конечно, постарается, чтобы газета выглядела ярко, красиво. И это очень хорошо. Но главное в газете все-таки то, что написано. Пусть ваши корреспонденты расскажут о летних делах самое важное, самое веселое. То, что интересно всем. И поподробнее.

Главное в работе над газетой, пожалуй, не сам выпуск, а подготовка к выпуску. Все должно быть подготовлено: бумага, карандаши, краски, линейки, клей. И конечно — план номера.

Совершенно необходимо, чтобы все ребята сдавали свои материалы точно в срок, из минуты в минуту. А то иногда бывает так:

— Почему Сережка заметку не несет?

— Он, кажется, еще не написал...

— А ну, бегите к нему, поторопите!

— А он к бабушке уехал...

При таком отношении к делу за газету лучше и не браться.

А ЛЕТО ЕЩЕ ВЕРНУЛОСЬ. За несколько дней до школы наступила теплая солнечная погода.

— Братцы, пошли в кино,— распорядился Костя.— В «Экране» вторая серия «Неуловимых» идет.

Сине-белый флаг сбора полез на мачту.

— Димки нет. Ему флаг из окна не видать.

— А если и видать... Не каждую же минуту в окно глядишь.

— Посигналить бы чем...

— Ладно, бегите по квартирам, собирайте всех!

Через полчаса компания в пятнадцать человек дружно шагала

к кинотеатру. Там их ждало огорчение. У кассы висела табличка: «Билеты проданы».

Обратный путь показался гораздо длиннее. Шли, лениво разглядывая витрины магазинов...

— Ребята,— вдруг позвал маленький Вадик Семенов, который недавно вернулся из лагеря «Искорка»,— смотрите...

В витрине стоял сияющий горн.

— Красивая штука,— заметил Костя.— Только у нас все равно никто играть не умеет.

— Я две смены в лагере горнистом был,— как бы между прочим сказал Вадик. И вздохнул.

— Все сигналы знаешь?

Вадик кивнул.

— Пять пятьдесят...— сказал Костя и позвенел в кармане мелочью.— Наскребем? А то, в самом деле, чего ж мы? Флаг есть, а трубы нет.

— А зачем она? — вмешался Пашка Капустин.— Все равно через неделю в школу. Уроки учить...

Ух какая тут поднялась буря!

— Если в школу, значит, флаг, что ли, спускать? Нытик!

— А осенний поход?

— А фильм «Новогодние приключения» снимать хотели! Забыл?

— А снежная крепость? А парусные сани?..

Через полчаса в своем дворе Вадик показывал друзьям свое искусство. Он играл и «сбор», и «тревогу», и «торжественный марш», и «подъем флага».

— А такой сигнал можешь? — нерешительно спросил Димка Калашников. И просвистел несколько нот. Это было начало песенки, которую он сам сочинил, но еще стеснялся сказать ребятам:

Ко мне, мушкетеры,
Ко мне, мушкетеры,
Никак нам нельзя друг без друга...

— Я попробую,— сказал Вадик. И плавно заиграл новый сигнал...

Здесь, пожалуй, не нужны примечания и послесловия. Ведь в самом деле: если крепко сдружились за лето, если ребята настоящие, если дела хорошие, разве может рассыпаться ваш отряд? Никакая осень ему не страшна! У кого не дрогнет сердце, кто не помчится на зов, если горнист во дворе заиграет сигнал, который летом созывал вас всех вместе?

Сергей Новоселов,
инструктор «Каравеллы»,
член отряда с 1965 года,
электротехник

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ

Дом, где я теперь живу, стоит недалеко от Верх-Исетского озера, а квартира моя — на двенадцатом этаже. Озеро из окон видно от края до края. Я вижу его каждый день.

Окна выходят на запад. Зимой солнце садится ближе к югу, за крыши и тополя. В конце марта, когда равноденствие, оно опускается точно на западе. А к тому времени, как сходит лед, оно уже прячется каждый вечер за лесистый северо-западный берег — далекий и синий. И всегда раскатывает по воде золотисто-оранжевую дорожку.

Паруса на этой дорожке кажутся черными, будто нарисованными.

Но это вечером. А чаще я вижу белые паруса. И безошибочно узнаю среди других наши. Девять «штурманов», две шлюпки. Они всегда держатся вместе и бегут одним курсом. Будто белая стая...

Если посмотреть в бинокль или подзорную трубу, можно разглядеть рулевых и матросов — кто где сидит. Можно рассмотреть подробности... Иногда подробности такие, что бросаешь бинокль, мчишься вниз, а там — на трамвае или попутной машине — на базу. Это если чересчур разыгрался ветер. Например, как в прошлом году, когда неожиданным ураганом попереворачивало на озере лодки, на берегу повалило заборы и согнуло, как проволоку, железный флагшток. Правда, у нас все обошлось, но инструкторам на нашем катере пришлось помотаться по воде и поработать спасателями.

Такие «подарочки» уральского климата случаются нередко. Вспоминаю один эпизод своего парусного детства. Тоже разгулялся над городом ветер, летели с тополей поломанные ветки, а у нас на Уктусе родители стояли в переулке, у троллейбусной остановки, и ждали: скоро ли вернутся с базы ребята, все ли у них благополучно? А ребята вернулись не скоро. Когда такой ветер, на озере хватает и приключений, и просто работы...

Теперь, когда у меня сын и дочь, я понимаю родителей.

Но я понимаю и то, что паруса ребятам нужны. По себе знаю, по своему детству.

Меня попросили написать для этой книги о том, как начиналось наше увлечение парусами и морским делом, но я отвлекся. И вообще я думаю: разве это так важно? Во-первых, мы уже не раз писали и про бриг «Ассоль», который Алька Сидоропуло и Игорь Авласенок сделали из старой плоскодонки. И про парусник «Билли Бонс» из дырявой моторки. И про строительство первых яхт в 70-м году... К тому же мне сейчас кажется, что мы обидно медленно разворачивали нашу флотилию. Могли бы, наверно, начать дело еще в 65-м году, а начали на пять лет позже. Почему? Ведь все уже давно мечтали о морской жизни! И помнили про «легендарную» бригантину «Бандерилью».

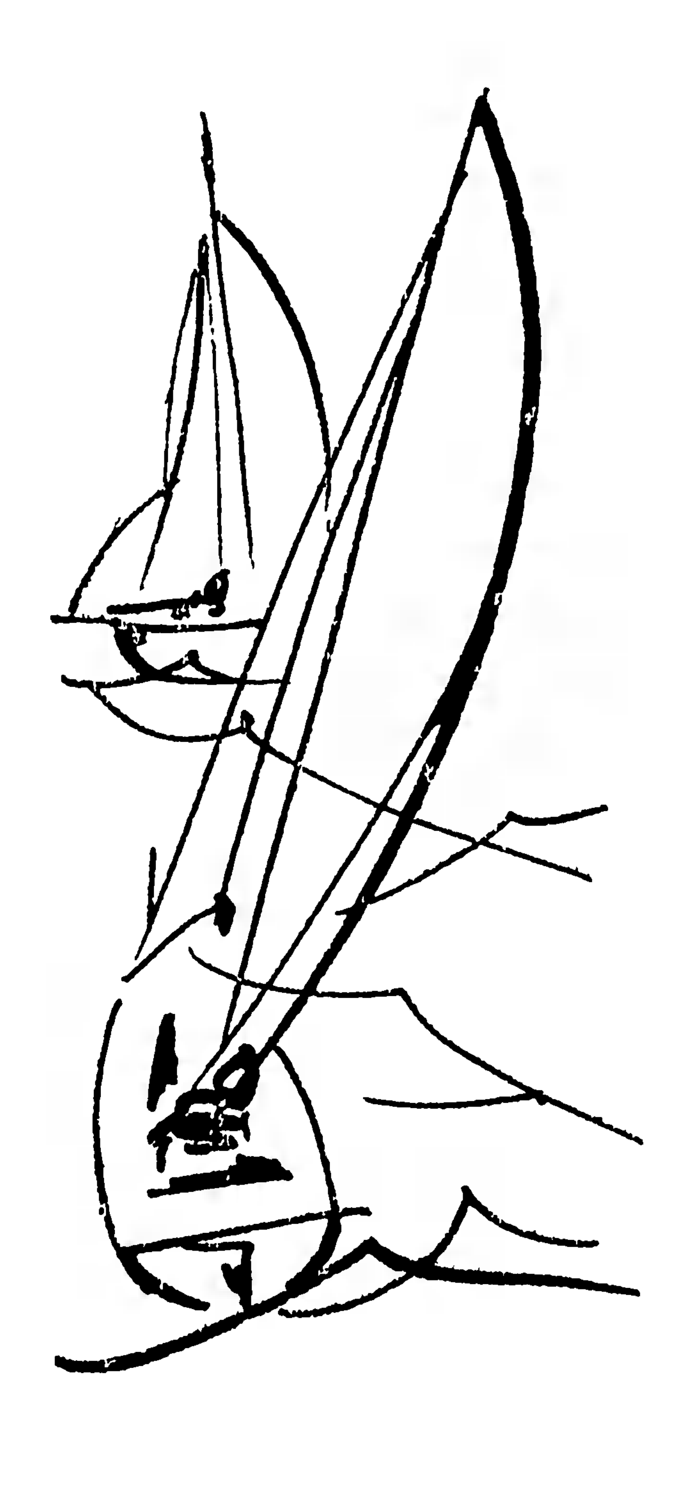
Мне говорят, что я не прав, что всему свое время, что раньше не было условий и были другие важные дела. Что «исторический процесс» совершается по своим законам. Вот съездили в Ригу на операцию «Нептун Балтийского моря», повидали настоящие корабли, познакомились со шлюпками, и тогда... Наверно, все это правильно. Только все же обидно.

Ну ладно, теперь это не так уж важно. И подробности — это не главное. А главное — вот оно: белая стая «Каравеллы», похожие на косые крылья паруса, летящие над пенными барашками.

Эти паруса — след через всю мою жизнь. Это память о горящих ладонях в дни строительства «кадетов», «Дика Сэнда» и «мушкетеров». Это радость, когда с креном мчишься на паруснике, который построил сам и который послушен каждому твоему движению. Это вечерний уют костров, когда тренькает гитара, ходит неподалеку вахтенный с пневматической винтовкой, а над прибрежными кустами чернеют мачты нашей флотилии. Это ощущение товарищества...

Наше товарищество, наша прочность не раз выручали нас в трудные дни. В 74-м году какие-то гады пробрались на базу и изуродовали наши яхты. Сперва у нас просто руки опустились: как теперь быть? А потом... потом решили: черта с два, нас так не возьмешь! Отремонтировали старые парусники да еще построили «Дика», похожего на корабли времен Петра Первого.

Да, славные были времена...

Друзья мне говорят, что я иногда чересчур ворчливо настроен. Часто, мол, рассуждаю, будто раньше в отряде было лучше: энергии больше, веселья, приключений и так далее... «Это,— говорят они,— у тебя грусть по ушедшему детству и юности». Может быть, и так. Хорошего (но уже по-своему) немало, конечно, и сейчас. Но оно — в детстве других, а мое детство сохранило то, что было тогда и что особенно дорого мне... Но это уже лирические рассуждения. А когда опять начинается штормовой

Из архивного трюма

В этой рубрике — информации, репортажи, корреспонденции из стенных газет и альманахов отряда, письма, выдержки из документов и вахтенных журналов. Редакционная группа книги «Барабанщики, вперед!» надеется, что это позволит лучше показать будничную жизнь «Каравеллы».

ветер и видишь, как ложатся на воду паруса,— тут не до философии. Вниз — и на базу.

Главное — все-таки не печаль о детстве. Главное — совсем другое. Когда я смотрю на белую стаю парусов, я чувствую... Ну, как это сказать? Чувство причастности, что ли? Да, видимо, это именно причастность. К «Каравелле», к ее биографии, к ее парусам. Ко всему, что было и что есть. От этого никуда не денешься, это часть моей жизни.

Анюта Мясникова,
флагман «Каравеллы», выпускница факультета журналистики УрГУ

«БЕЙДЕВИНД» — КРУТО К ВЕТРУ

Пятнадцать лет прошло с того дня, когда ребята из пионерского пресс-центра и флотилии «Каравелла» построились на свою самую первую линейку. Полтора десятка лет для пионерского отряда срок немалый. Сейчас, когда барабанщики играют сигнал построения, в шеренгах уже не увидишь тех, кто стоял на первой линейке. Шестьдесят пятый год — для нас уже история. Многих из нынешних членов флотилии тогда еще не было на свете, а мне, хоть я и считаюсь ветераном, стукнуло всего... три месяца.
Но все наши ребята сейчас знают, как начиналась флотилия, как появились у нас первые парусники.
Мы не сразу стали морским отрядом. Когда мне было три года, ребята нашли на берегу Исети ржавую моторную лодку

ИСТОРИЯ ТЕНДЕРА «ДИК СЭНД»

Знаете третьеклассника Митьку? Такой белобрысый, немного курносый и застенчивый. Всю жизнь Митьке не везло: его обижали парни из соседних дворов. То портфель отберут и вытрясут содержимое на землю, то пятак из кармана вытащат, то просто поколотят. Как прекратить такое унизительное положение, Митька не знал, и от этого жизнь казалась еще печальнее.

Однажды, после очередной встречи с обидчиками, он притащился домой и бессильно опустился на тахту. Потом выволок из-под лежанки миниатюрные гантели, но, подняв их два раза, бросил на пол: не в мускулах дело. Митьке нужна была другая сила, но какая — подсказать никто не мог.

И вдруг его взгляд упал на большую шершавую раковину, привычно лежавшую на столе. Когда-то она жила на дне моря, многое там повидала и наверняка знала кучу историй. А вдруг?..

Митька приложил раковину к уху, прилег на диван и не заметил, как уснул.

КЭК

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Мысль об «энциклопедии» появилась у ребят, когда готовились отмечать двадцатилетие отряда. Очень соблазнительной показалась эта идея. Подумайте сами! Не спеша, подробно, в строгом алфавитном порядке можно было бы рассказать о всех сторонах и явлениях каравелльской жизни: об истории и парусниках, о песнях и отрядных званиях, стенгазетах и плаваниях, фильмах и шпагах... Короче говоря, совершенно обо всем!
Тогда же началась и работа над «первыми томами». Выдержки из КЭК были опубликованы в юбилейных стенгазетах. А дальше... дальше дело слегка замедлилось. Нельзя сказать, что энтузиазм совсем пропал, но авторы поняли: создание энциклопедии (даже краткой) — дело хлопотное и долгое. Поэтому работа до сих пор не закончена. Однако кое-что сделано, и отрывки из КЭК мы предлагаем читателям. Может быть, читатели удивятся, что некоторые из этих страничек написаны серьезно, а другим явно не хватает энциклопедической строгости. Но ничего не поделаешь: такова отрядная жизнь.

без двигателя, поставили сосновую мачту и парус из простыни и попытали счастья в кораблевождении. Наш первый парусник назывался «Билли Бонс». Хотя по скорости он едва ли соперничал даже с пешеходами и своим внешним видом тоже не блистал, но это был первый большой парусник отряда, это было начало.
А еще я помню, как вскоре после испытаний «Билли Бонса» мальчишки везли по дороге на тачке из железных труб ободранный корпус самодельной яхты — на ремонт и перестройку. Меня, как самого маленького, посадили внутрь, и я был счастлив. Никто из нас тогда не знал, что мы везем будущую гордость флотилии — бермудский кеч «Пионер» (мы назвали его так в честь нашего журнала). Полностью перестроенный нами, быстроходный и легкий, он стал флагманом флотилии, честно прослужил нам семь лет, а когда состарился, мы по его образцу построили целую «семью» яхт типа «мушкетер»... А в те минуты он вместе со мной трясся на пыльной дороге и не подозревал, что впереди у него штормовые плавания.
...Меняются наши «корабли», меняется состав «Каравеллы». Ветераны становятся взрослыми, но среди нынешних мальчишек все так же живет мечта о парусах. Поэтому, как и раньше, ребята из «Каравеллы» любят хороший ветер и высокую волну. Как и прежде, рассекают уральские озера форштевни нашей флотилии. Как и в прошлые

Ему снились солнечные блики на темной поверхности моря. Ветер надувал залатанные паруса старинного корабля, солнце отливало на лакированной мачте, отшлифованных ручках штурвала и узорной носовой резьбе...

Митька проснулся — и не узнал себя: на ногах сапоги с отворотами, на голове широкополая шляпа, ремень оттягивает тяжелая шпага. Совершенно верно, он — капитан того самого корабля.

Вокруг матросы в тельняшках, с цветастыми косынками на головах точили клинки. Вооруженный до зубов вахтенный охранял вход в рубку. Словом, шла обычная жизнь обычного пиратского экипажа.

А

«А-а-а!» — жизнерадостный крик новичка-матроса, когда при переноске ему ставят на ногу яхту, а также в ряде других случаев (см. «гик»).

«Альфа», «Альфа-полуавтомат» — хорошие, хотя и капризные кинокамеры, которыми в отряде сняты все 16-миллиметровые фильмы (см. «ФИГА»).

«Андрюшка» — разборная яхта типа «мева-2» польского производства. Куплена отрядом осенью 1969 года на заработанные деньги. (Кроме нее в отряде позже появились еще две «мевы» — «Драккар» и «Новая»). Название «Андрюшка» — в честь одного из тогдашних капитанов. Не ради его заслуг, а просто так: решили, что хорошее имя для парусника. Самое мальчишечье...

«Арамис», «Д'Артаньян», «Атос» (и **«Портос»**, чтобы не разбивать хорошую компанию) — двухмачтовые яхты типа «бермудский кеч» (неофициальный класс «мушке-

годы, наши ребята снимают фильмы о парусах, мушкетерах и барабанщиках. А юнкоры пресс-центра всегда держат наготове отточенные карандаши. И обо всех наших делах рассказывает еженедельная отрядная стенгазета — теперь она называется «Бейдевинд».

Павел Крапивин,
капитан пресс-центра
и флотилии «Каравелла»
(Пионер, 1980, № 9)

Но это лишь на первый взгляд обычного. Лихая команда не имела ничего общего с разбойниками. Флибустьеры были не только отважны, но и справедливы. Они не терпели, когда обижают маленьких, насмехаются над слабыми. Поэтому, заметив в окуляре подзорной трубы своих обидчиков, резвящихся на острове, Митька, не задумываясь, взял курс на них...

Вы, наверное, уже догадались, что я пересказываю сценарий отрядного фильма. Фильм называется «На абордаж!». Роль Митьки исполнял Митя Кононов, а роль пиратского судна — гафельный тендер «Дик Сэнд», переделанный нами из шестивесельной шлюпки.

Когда строили эту громадину, гостей и жителей Уктуса волновал один вопрос: как мы вытащим ее на улицу? Они измеряли взглядом окна «муравейника» и мысленно протаскивали в них «Дик» — выходило, что пролезет он только по частям.

Нас же беспокоило другое: как новый корабль будет вести себя на воде, ведь он отличался от всех яхт не только величиной. Вместо румпеля — штурвал, паруса старинной конструкции...

На «Дика» возлагались большие надежды. Остойчивый при любом ветре, он мог служить нам базовым и спасательным судном. В то же время, имея вместительную рубку, он мог укрыть от дождя продукты и экипаж, что очень удобно в походе. И, конечно, первая мысль, приходившая в голову любому, кто его видел, была такая: «Дик Сэнд» создан для «большого» кино.

Однако в первое свое лето он кинозвездой не стал: в ближайших планах отряда съемка морского фильма не значилась. Шла парусная практика 75-го года, и «Дик» с многочисленным экипажем ходил по озеру, вызывая своим романтическим видом у одних восхищение, у других удивление. Правда, он был не так быстроходен, как легкие яхточки, но зато надежен и остойчив. Во время трех

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

А

тер»), спроектированные и построенные в «Каравелле» в 1977 году. С ними связано множество страниц отрядной биографии: гонки, походы, киносъемки и «морские бои». На них прошли выучку и обрели закалку многие капитаны «Каравеллы» тех лет. «Мушкетеры» служили нашей флотилии до 1981 года, затем переданы первоуральскому отряду «Алый парус».

Атака — один из методов юнкоровской деятельности.

«Атака» — см. «BNC».

«Аэлита» — литературная премия Союза писателей РСФСР и журнала «Уральский следопыт» за лучшее произведение года в жанре фантастики. Прямого отношения к «Каравелле» не имеет. Но косвенное имеет. Командор «Каравеллы» является лауреатом «Аэлиты» 1983 года, а «знатоки» литературы утверждают, что своих героев (особенно фантастических) он «списывает» с ребят в отряде.

Из архивного трюма

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Во вторник наша завуч Алевтина Леонидовна сказала, что может дать для отряда три листа толстой фанеры. Эта фанера нам очень нужна для переоборудования шлюпки в парусный крейсер.
Но когда мы пришли, чтобы тащить фанеру, то Алевтина Леонидовна дала нам почему-то вместо трех листов пять.
Вот если бы все педагоги ошибались только так! Такую «педагогическую ошибку» очень даже стоит простить!

Андрей Скляр,
ученик школы № 32
(Петушок, 1974, 21 окт.)

НА СТАПЕЛЕ

Алеша Васильев в отряде всего несколько дней. Но именно он сумел раздобыть необходимые для строительства наших «мушкетеров» шурупы. Оказывается, шурупы можно найти, обратившись за помощью к родителям.

(Эспада, 1976, 12 дек.)

Примечание редакционной группы
В эти дни Алеша впервые продемонстрировал серьезное отношение к строительству кораблей. Сейчас, во время подготовки книги, флагман «Каравеллы» Алексей Васильев заканчивает четвертый курс Ленинградского кораблестроительного института.

штормовых плаваний в устье Исети * он резал носом пенные валы, будто тяжелый фрегат в кругосветном плавании...

Он честно исполнял свои обязанности, но отличиться в том году так и не смог. Большие парусники не так поворотливы, как их маленькие собратья, и героиней стала шлюпка.

Перед походом командор собрал рулевых и недовольно показал на белые барашки, которыми было усеяно озеро:

* Здесь и далее имеется в виду место впадения реки Исеть в Верх-Исетское озеро.

Б

База — спортивная база Свердловской морской школы ДОСААФ. Командиры школы разрешили нам поставить свои суда на базе в 1970 году. С тех пор СМШ всегда помогает отряду в корабельных делах. Спасибо ей.

Барабан — ударный музыкальный инструмент. Используется для подачи сигналов, а также для игры на сборах, парадах, линейках и т. д. Хорошая вещь, но без барабанщиков бесполезен.

Барабанщики — передовые шеренги «Каравеллы». И в строю, и в жизни (см. текст книги).

«Барабанщики» — отрядная стенгазета, издается в «Каравелле» с февраля 1984 года. В ней применяется интересная техническая деталь (полезная для других стенгазет): заголовок не рисуется, а напечатан фотоспособом и быстро наклеивается на лист. Никаких забот для

— Не нравится мне это, братцы. Может, останемся на базе? Чем плохо? Палатки разобьем, костер... Смотрите — на озере ни души.

— Ну-у, ты тоже скажешь,— протянул Юра Кондратьев.— Тогда уж лучше было вообще из отряда не выезжать. Там бы все консервы и съели.

— О чем спор, сеньоры? — улыбаясь, в разговор вступил рулевой шлюпки «Африка», флагман отряда Сергей Новоселов.— Посмотрите на наши суда: шлюпка (это я всегда говорил) — крепость. «Дик», несмотря на разгильдяйский экипаж (тихо-тихо, не орать!), тоже ничего. А остальных... ну, если что, успеем выловить.

Шутка шуткой, но слово Новоселов сдержал: шлюпочный экипаж в этом походе «выловил» двоих. Правда, были это совершенно незнакомые люди.

Счастливцами оказались два «смельчака», спьяну поспорившие, что переплывут озеро. Только на середине, захлебываясь в волнах, они поняли, что грозит ничья: и тот и другой берег находились одинаково далеко, а ближайшая земля была метрах в семи... внизу.

...Потом, на суше, они лили слезы радости и были готовы расцеловать подряд всю флотилию. Говорили, что, взывая о помощи, уже не надеялись ее получить. Кроме шлюпки и «Дика», на воде не было ни одного судна.

Шлюпочный экипаж возвращался по домам возбужденный и гордый. Остальные в душе чуточку завидовали героям. Однако Юрка и Олег не забывали напоминать, что «дурные головы» в воде первым заметил бдительный экипаж «Дика»...

В семьдесят шестом году «Дику» добавили парусов, и он стал совсем красавцем. Но после практики о нем на время забыли: шли съемки фильма «Робин Гуд». Главные роли достались рулевым «Дика»: Олег стал на этот месяц Робин Гудом, а Юра — принцем Уэльским.

Корабль горевал: «Бросили! Хозяева, называется! Нацепили береты с перьями и счастливы — машутся

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Б

художника! Для заголовка использован старый фотоснимок — барабанщики отряда идут навстречу солнцу. Только пришлось пойти на небольшую хитрость: в 1970 году барабаны в отряде были еще маленькие, плоские, а художники тушью подрисовали ребятам барабаны нынешние — высокие, «суворовские».

Баран — остров на Верх-Исетском озере (сейчас — полуостров, так как соединен с берегом дамбой). Стихотворная строчка «Мимо острова Барана...», которую голосят на яхтах радостные матросы, означает, что наши парусники покинули «внутренние воды».

«Бейдевинд» — отрядная стенгазета, выходившая с осени 1978 года. На ее страницах — бурная жизнь «Каравеллы», которая восстанавливала свои ряды и начинала новую работу после перерыва весной и летом того года. Слово «бейдевинд» означает курс парусного судна, идущего круто, почти навстречу ветру.

К ГЛАВЕ 1

КО МНЕ, МУШКЕТЕРЫ!

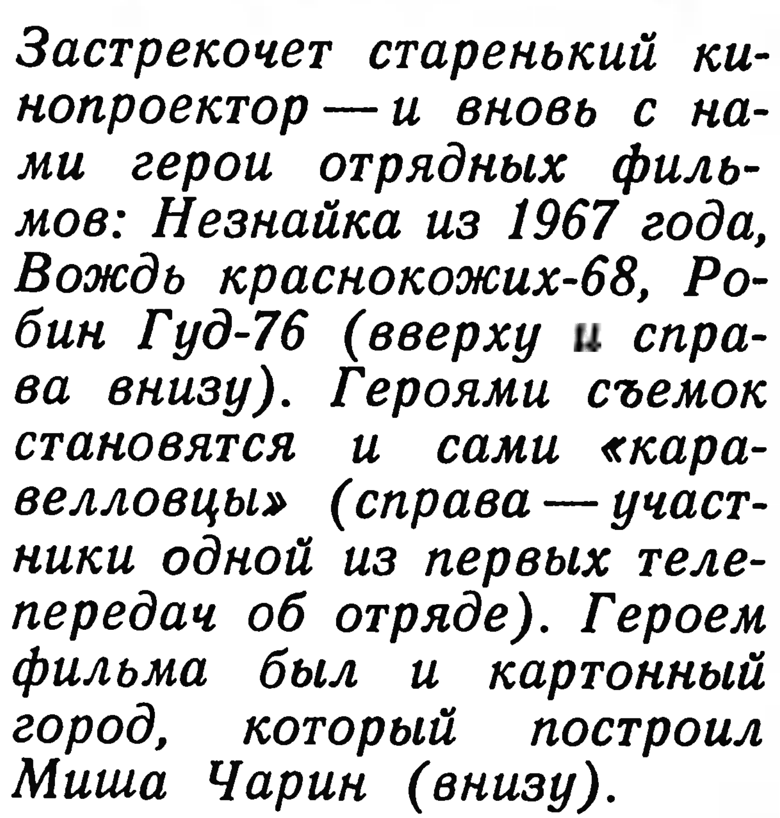
«Мушкетеры» 1968 года (справа) еще не имели такого штурманского тренажера с настоящими штурвалом и компасом (слева и внизу). Через девять лет их мечта о море воплотилась в яхтах-«мушкетерах», флагманом которых стал «Д'Артаньян» (вверху).

Застрекочет старенький кинопроектор — и вновь с нами герои отрядных фильмов: Незнайка из 1967 года, Вождь краснокожих-68, Робин Гуд-76 (вверху и справа внизу). Героями съемок становятся и сами «каравелловцы» (справа — участники одной из первых телепередач об отряде). Героем фильма был и картонный город, который построил Миша Чарин (внизу).

К ГЛАВЕ
2
БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ
4
3
2
Пионер

Посмотрев на фото слева, вы сразу поймете, почему отрядный зал называют «муравейником». Но и в кипении строительства строг и неподвижен часовой у отрядного флага (справа вверху). Построили, погрузили (слева вверху), и вот пошли от пирса «штурмана» (справа). Кроме парусных гонок бывают и такие соревнования (слева внизу). А в тихую минуту можно помечтать: «Где-то есть океаны...»

Нелегко управлять яхтой, когда налетает шквал (слева вверху). И причаливание к пирсу — тоже ответственный момент (справа вверху). Идут гонки (справа), а в спортивном азарте бывает и так (слева внизу). А это (справа внизу) — Митька, самый главный матрос «Дика Сэнда» (1975 год).

Из архивного трюма

ПОЧТИ КАК МОРЕ...

Когда я записался в отряд, кое-кто из знакомых мальчишек говорил:
— На Визе плаваете? Подумаешь... Это лужа.
А взрослые вежливо спрашивали:
— Значит, ваша база на Верх-Исетском пруду?
Меня не столько «лужа» злила, сколько этот самый «пруд». Если плотина, значит, водоем обязательно прудом обзывать? Так можно считать прудом, например, Рыбинское водохранилище...
Наше озеро, конечно, поменьше, но чтобы узнать, пруд это или нет, надо пройти его несколько раз из конца в конец при хорошем-хорошем ветре.
Я вспоминаю свое первое плавание в устье Исети, к деревне Оброшино.
В тот день погода была такая ветреная, при какой мне раньше ходить не приходилось. По всей воде бежали белые барашки.
«Ничего себе «лужа»...» — подумал я.
Наши яхточки — все девять — прыгали на волнах у пирса. Мне стало как-то не по себе, но я попытался внушить себе уверенность. И внушил. Но тут же вспомнил, что я на берегу. Пока... И уверенность

деревянными мечами с утра до ночи в своем любимом овраге, а супер-звезда гафельный тендер «Дик Сэнд», которому сам бог велел сниматься в кино, стоит одиноко на якоре!»

В чем-то он был прав. Фильм на самом деле поглотил все: время, деньги, людей, таланты. «Муравейник» превратился в оружейную кузницу: из-под диска циркулярной пилы один за другим вылетали широкие лезвия деревянных мечей, которые тут же, на глазах у всех, становились, благодаря серебряной краске, «металлическими». Отрядный художник Сережа Коробов, собрав вокруг любопытных, колдовал над фанерными щитами, превращая каждый из них в шедевр живописи. В углу рос пено-

Б

После выхода ста номеров «Бейдевинд» был заменен газетой «BNC».

«BNC» («БНЦ», «Бенц!») — отрядная стенгазета 1982—1983 годов. BNC («Браво», «Новэмбер», «Чарли») по трехфлажному Международному своду морских сигналов означает «атака». Юнкорам «Каравеллы» название понравилось, потому что была в нем и морская романтика, и боевой характер корреспондентской работы.
В 1984 году «BNC» сменили «Барабанщики» (см.).

«Билли Бонс» — первое отрядное судно. Корпус старой моторки с мачтой из сухой сосны (подробнее см. текст книги).

Бугемот — милый веселый щенок, он жил в отряде в 1975 году. Бугемотом его прозвал барабанщик Вовка Локтин, который очень любил собак. Потом щенок погиб под машиной, это было для ребят большое горе.

опять как-то сразу поуменьшилась.
...Ну ладно, от пирса отошли нормально. Качало, конечно, и слегка брызгало, но я быстро привык... Но скоро выскочили за Баран, и тут как даст шквал! Лесистые берега показались такими далекими, что я еще раз подумал: «Ничего себе пруд...»
Мы помчались сквозь гребни. Яхты иногда чуть не ложились парусами на воду, но шли уверенно. Каждый раз, когда яхта взлетала носом на волну, нас окатывало брызгами с ног до головы...
Мы прошли по середине озера, между островами Плоским и Шабуром, потом мимо Каменного и взяли курс на устье мимо полуострова Гамаюн.
И тут мы увидели большие суда. Два старинных корабля. Они стояли, приткнувшись к каменистому берегу, и ветер трепал на мачтах подобранные к реям паруса и обрывки снастей.
Со всех яхт и со шлюпки послышались удивленные возгласы. И конечно, всем захотелось подойти поближе.
Подошли. На шлюпке застрекотала кинокамера... Но наша зависть рассеялась. Очень уж побитые были эти корабли. Мачты с трещинами, форштевни расколоты. И вообще они казались громоздкими и неуклюжими по сравнению с нашими «штурманами», которые среди брызг прыгали с гребня на гребень и неслись, как ласточки.
Но ничего не скажешь —

пластовый средневековый город, по улицам которого равнодушно бродил котенок Лопух, опрокидывая пушистым хвостом легкие за́мки и решетки.

Кают-компанию оккупировали девочки. Здесь шились пышные платья для придворных дам, белые зубчатые воротники для войска принца и выдавались под цвет рубашек колготки, закупленные в «Детском мире». Кое-кто пытался отбрыкаться от такого наряда, проклинал моду средневековья, но в конце концов подчинялся правилам искусства, для которого историческая правда — превыше всего.

Армия Шерифа рыскала по городу в поисках старых ненужных чайников, из которых можно было соорудить надежные рогатые шлемы, а в лесу входил в образ монах Тук: Боря Грехов в черном монашеском балахоне снова и снова раскручивал над головой привязанный к палке тяжеленный валун, огорчаясь, что некуда девать данную ему, Боре, природой силу, потому что камень сделан из пенопласта.

Командор, забывая о своих рукописях, снимал сцену за сценой. Если артисты менялись, то оператор этого сделать не мог и уставал больше коголибо. Поэтому он обиженно опускал кинокамеру, когда в кадре незапланированно, где-нибудь между деревьями, проезжал на велосипеде рыцарь или мелькали разноцветные рубахи робингудовской свиты, желающей полакомиться дикими яблочками.

Съемки шли без выходных: хотели сделать фильм на одном дыхании. Хотели, но не получилось. Както вечером, возвращаясь из лесу, актеры поняли, что выдохлись. Главный оператор и режиссер охотно с ними согласился — отдых был необходим. К тому же шел август, хотелось покупаться, съездить в деревню к любимой бабушке, просто порадовать родителей своим присутствием дома, но желания эти были неосуществимы, покуда шла съемка. Поэтому решили на недельку распустить всю съемочную группу.

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Ничего особенного в истории отряда с Бугемотом не связано, но он доставлял ребятам много веселых минут, а все хорошее достойно воспоминания.

«Будете вы убираться домой или нет?..» — вопрос дежурного инструктора в конце дня, после занятий в отряде. Произносится, как правило, безнадежным тоном.

В

Вахта — дежурство в отряде. Пост у флага, пост у телефона, подвижный пост. Командир вахты поста обычно не занимает, он отвечает за вахту в целом. После окончания занятий вахта принимается за уборку — все, в том числе и командир. Кроме того, командир делает запись в вахтенном журнале.
Командир вахты в случае нарушения правил или порядка имеет право остановить любые занятия и работу.

большие парусники у берега придавали пейзажу совершенно морской вид. Да еще чайки носились над волнами совсем как где-нибудь над Балтийским морем...
Потом мы узнали, что эти старинные корабли построены в Ленинграде для съемок фильма про Петра Первого, а к нам их привезли тоже для кино. Свердловская студия снимала фильм «Семен Дежнев».
Если бы у нас не было похоже на море, кто бы стал снимать здесь кино про мореходов?

Гена Ходжаев, подшкипер «Каравеллы», барабанщик, шестиклассник
(Уральский следопыт, 1986, № 8).

Откуда знал «Дик Сэнд», что счастье капризно и порой является тогда, когда о нем забываешь?

В первое же утро объявленного отдыха он увидел на базе знакомые лица, в числе которых распознал командора и своих рулевых. Компания из десяти человек предпочла бабушкиной малине «соленый ветер океана», и «Дик Сэнд» снова оделся парусами.

Тендер бежал по волнам, припекало солнышко, за бортом бурлила вода, и усталость улетучивалась в синие небеса. Трудно вспомнить, у кого она уле-

В

Вахтенный журнал. Вахтенные журналы прижились в отряде не сразу. После журнала бригантины «Бандерилья» (см. текст книги) наступил долгий перерыв (правда, велись дневники походов и поездок). В 1969 году в Риге штурман шхуны «Кодор» Захар Липшиц подарил отряду чистый вахтенный журнал. С этого момента и начались регулярные записи. Сейчас отрядные вахтенные журналы — много десятков томов.

«Ветер и паруса» — документальный фильм о «Каравелле», снятый в 1970 году Свердловской телестудией. Режиссер Б. Скопец, оператор Е. Цигель. Настоящего моря в фильме нет, но паруса и плавания есть. Есть также матросы и капитаны — ребята флотилии. И фильм получил приз в Мурманске, на конкурсе документальных фильмов о море.

Виз — в нашем употреблении — краткое название искусственного Верх-Исетского озера, на берегу которого

Из архивного трюма

ПАУЧОК И ОЛЯ

Однажды после купания на острове Баран мы пошли на яхтах на Сортировку. Мы — это Вовчик Шардаков, Оля Папкова и я. Оля сидела на носовой банке.
Вдруг она вскочила и закричала:
— Ой, ползет!!
— Кто ползет? — спросил я.
— Да вон!..— показала Оля и прыгнула на банку.
Я посмотрел под буртик швертового колодца, заглянул и в сам колодец. В щели ползал малюсенький паучок. Хотел я его поймать, чтобы рассмотреть получше, но не сумел. Оля забралась на носовую палубу, и тут Вовка резко повел рулем, яхта накренилась. Оля заскользила к борту и схватилась за мачту. И мы кильнулись.
При этом утонули мои сандалии и шорты с форменным ремнем и ключом от дома.
Хороший матрос Оля, не боится ни сильных ветров, ни волн, ни шквалов. Но у каждого есть свои слабости. Так что если кто хочет искупаться сверх плана, идите в плавание с Олей и не забудьте паучка...

Андрей Игнатьев
(БНЦ, 1982, 15 июля)

тучилась первой. Только этот «кто-то» вдруг предложил гениальную идею: давайте наконец снимем морской приключенческий фильм! Чтобы «Дик» не пропадал. При слове «фильм» командор вздрогнул, но этого никто не заметил. Все разом пришли в восторг: лучшего отдыха и придумать было нельзя.

Так вот и появился Митька, и пираты в разномастных тельняшках и полосатых футболках, и хулиганы, получившие наконец отпор от осмелевшего третьеклассника. В эти шесть дней (именно столько времени заняла лихая съемка) «Дик Сэнд» стал кинозвездой.

Он прослужил нам еще один год. Потом мы отдали его яхтсменам-любителям, потому что появились «мушкетеры», а «Дик» уже устарел. Случилось так, что к тому времени в составе «Каравеллы» оказались в основном маленькие ребята. Для ремонта надо было вытаскивать «Дика» на сушу, потом снова спускать на воду, а экипажи с такой махиной не управлялись. Вот и отдали мы нашего «Дика» взрослым спортсменам-шлюпочникам. Взамен они обещали нам кучу морского имущества и клялись, что «Дика» будут содержать «в лучшем виде».

Обещание это они не выполнили. Целый год бедняга «Дик Сэнд» простоял в городском дворе. С него постепенно исчезали снасти, в рубке нашли приют компании с бутылками. Мы возмутились и пригрозили забрать тендер обратно. Тогда его перевезли на озеро Таватуй и передали одной спортивной базе. Там «Дик» ожил и был на плаву еще не меньше двух лет...

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

В

расположен Верх-Исетский металлургический завод (ВИЗ). Виз — наше море. Небольшое оно, однако бывает штормовым и подарило нам немало приключений.

«Викинг» — первая яхта, самостоятельно построенная в отряде. Год постройки — 1970-й. Класс — «кадет». Первый капитан — Сергей Новоселов. Первое переворачивание «Викинга» на Визе в один из ветреных июльских дней положило начало многочисленным «морским приключениям» флотилии «Каравелла».

«Вождь краснокожих» — 8-миллиметровый любительский игровой фильм. Снят отрядной студией в 1968 году. В главных ролях Игорь Авласенок, Саша Бабушкин, Андрей Фалалеев.

Фильм сняли внезапно, неожиданно даже для себя. Отряд был на каникулах, но выяснилось, что «Каравеллой» интересуются какие-то «комиссии», а местный домовой комитет очередной раз хочет отнять у отряда

**Лейся, песня,
над волнами**

За двадцать пять лет в «Каравелле» накопилось много песен. Мы сочиняли их и просто так, и к праздникам, и в подарок друзьям, и в трудные минуты, и для наших кинокартин. Сейчас многие из них поют в разных отрядах и городах, в «Артеке» и «Орленке», куда не раз ездили наши ребята. О некоторых песнях мы рассказали в этой книге, когда речь шла о фильмах студии «ФИГА» и о других отрядных делах. Но это далеко не все песни. И еще несколько — главным образом о парусах — мы помещаем под этой рубрикой.

ПОХОДНАЯ

Много теперь разных песенок о бригантинах,
О парусах невесомых и шелково-алых.
Те, кто поют их, за плечи обнявшись картинно,
Знают ли сами про жесткость пенькового фала?

Знают ли, как коченеют застывшие пальцы,
Намертво сжавшие мокрый конец гика-шкота?
...Что ж вы опять оставляете берег, скитальцы,
Самые младшие внуки крылатого флота?

Ветер и волны считать ваши годы не станут,
Скомканы вновь лавировкою курсы и галсы,
Яростно рвется над тонким плечом капитана
Солнцем сожженный и ветром
исхлестанный галстук.

Вновь злые камни царапают тонкое днище,
Вновь улетают снесенные ветром бизани.
Встречные брызги картечью рассыпчатой свищут
И у ребят на щеках оседают слезами.

Только в слезах этих нету ни боли, ни жалоб,
Смотрят вперед рулевые прицельно и строго.
Пасмурный день распоров, как ударом кинжала,
Солнечный ветер для нас расстилает дорогу.

Стаксель и грот наливаются ветром упруго...
Кто же сказал, что открытий в наш век больше нет?
Мы открываем в походе себя и друг друга —
Это, пожалуй, важней неоткрытых планет.

В

помещение. Командор срочно вернулся из отпуска, ребят собрали по тревоге: когда все вместе — отстаивать свои интересы легче. А чтобы не только «воевать», а заняться полезным делом, затеяли киносъемку по рассказу О. Генри — с ковбоями, индейцами, неудачливыми жуликами и неугомонным мальчишкой Джонни. По мнению многих зрителей, фильм получился веселый.

«Вождь краснокожих-83» — тоже фильм по рассказу О. Генри. Однако на прежнюю комедию с таким же названием он не очень похож. Пленка 16-миллиметровая, есть звуковое сопровождение. И не такой уж он веселый. В конце фильма Джонни узнает, что Сэм и Билл хотят вернуть его домой: называли себя друзьями, а теперь предали! А он-то им верил... Домой, к дядюшке-бизнесмену, Джонни не возвращается. Он просто уходит от бывших друзей. Под такую песенку:

Ну вот и кончается наше кино.
Уходит герой... А куда ему деться?

Вадим Тараканов,
слесарь по ремонту
автомобилей

«КАРАВЕЛЛА» ПОД ПАРУСАМИ

«Каравелла» — это пионерский морской и юнкоровский отряд... Хотя отряд пионерский, но некоторые ребята, став комсомольцами, не уходят из него. Они помогают командору — это звание руководителя отряда — обучать новичков морской премудрости. Вот и Вадим Тараканов из Молодечно три школьных лета был в отряде. И в этом году свой первый рабочий отпуск провел в «Каравелле», которой исполнилось двадцать лет. Слово — Вадиму.

Однажды летом наш отряд проводил парусную практику на Волчихинском водохранилище под Свердловском. Палаточный лагерь расположился в сосновом лесу на берегу водохранилища.

Хотите хотя бы день прожить вместе с нами?

Итак, смелее.

...Вахтенный в восемь часов объявил подъем: застучал палкой в крышку от ведра. Командор первым выскочил из палатки и стал громко считать до тридцати. За эти полминуты надо успеть на зарядку. За опоздание — наряд по кухне: драить после завтрака ведра.

Вообще-то дежурить на кухне приходится по расписанию, но помощников дают по нарядам. Сегодня никто не хочет попасть вахтенным в помощники: сегодня — гонки. Финал.

В финал вышло 4 экипажа, в том числе и рулевого Вовки Локтина. Я в этом экипаже всего лишь матрос, но и от моего умения управлять одним из парусов зависит общий успех.

Утро мчится в быстром темпе.

В восемь тридцать линейка и подъем флага. Ре-

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

В

Еще пять минут будет в зале темно —
И кончится фильм, как кончается детство...

Уходит мальчишка, назад не глядит,
Уходит от нас в непонятные дали.
А то, что уйдет он из фильма один,
Снимая кино, мы вначале не знали.

Нам так бы хотелось, чтоб вместе они
Ушли по траве, пересыпанной росами...
Но даже сейчас, как и в прежние дни,
Бывает, бросают ребят эти «взрослые».

Уходит герой, и подумать пора,
Куда ему деться в степи беспредельной?
Быть может, в ребячий рассказ у костра,
А может быть, снова в кино самодельное?

Да только не надо забот нам пустых.
Мальчишка придуман — а вы и поверили!
...Но все же припомни: а может, и ты
Встречал его средь городской суеты,
Идущего словно по выжженной прерии?..

бята в отрядной форме — рубашки, шорты, береты и пионерские галстуки. Кто комсомолец, у того значок.

Под барабанную дробь поднимается флаг. На синем шелковом полотнище золотистый штурвал, а внутри — силуэт каравеллы. Флаг развернулся, и каравелла поплыла по синим волнам. Командор объявил порядок дня.

После завтрака вооружаем суда — ставим паруса, проверяем такелаж. Туман клочьями ползет вверх, будет славный денек.

Старшие ребята готовят моторную лодку для наблюдения за гонками на всей дистанции.

Но погода нынче не для гонок — ни малейшего ветерка. Мы умеем ходить почти без ветра. Почти. Но не совсем же без. И вот слоняемся по берегу и тоскливо посматриваем на противно гладкое озеро. Солнце, как назло, взялось жарить. Изнываем. И вдруг веселая команда: «Купаться! Всем купаться!»

— Ура-а!

— Сто-о-п! — командует командор в железный рупор.— Купаться по экипажам! Первый, второй экипажи — в воду!

Все правильно. Командор отвечает за наши жизни, за наши руки-ноги-головы.

После купанья зверский аппетит. Шмыгаем на кухню, тащим у дневальных куски хлеба. Иногда попадает полотенцем по спине. Весело огрызаемся, нахальничаем сильнее, пока дежурный по лагерю Юра Кондратьев не объявил: «за расхищение» хлеба перед обедом — наряд вне очереди.

Что у нас здорово, так это — равноправие. Отсюда и дисциплина. Каждый из ребят постарше бывает дежурным по лагерю, он несет ответственность за все. Подчинение дежурному — закон.

После обеда миску и ложку свою каждый моет сам. В озере, с песочком. Только после этого кухонные дежурные обдают их кипятком. Митька Кононов стоит у входа и проверяет, как помыто. Если придерется, весело отправляет:

— Пер-р-ремыть!

Даже командора отправил. Все подчиняются беспрекословно. Разве что язык покажут вахтенному. А Митька царским жестом указывает на дразнилку и так же весело объявляет:

— Нар-р-ряд!

Мы и не заметили, как за время обеда откуда-то из-за леса появилось потемневшее облако. Рванул ветер. Паруса на яхтах заполоскали. Подается команда: «Две минуты — яхты на воду!»

В

«Вратаренок Чип» — первый игровой полнометражный фильм, который отрядная студия сняла не на 8-, а на 16-миллиметровой пленке. Вместе с «Каравеллой» над фильмом работал юнкоровский отряд «Всадники» и спортивный отряд «Торнадо». Впервые такая большая кинокартина была у нас озвучена музыкой и песнями. Песни написал Гриша Рейхтман. В главных ролях Андрей Зайцев и Антон Шитлин. Премьера состоялась осенью 1979 года.

«Всходы коммуны» — так называлась газета уральских пионеров в 20—30-х годах. Так же называется пионерская страница газеты «На смену!», которая впервые появилась в мае 1967 года. Наш пресс-центр (тогда еще «Ветер») принял активное участие в подготовке первого выпуска. Потом он тоже не раз давал для этой страницы свои материалы, а иногда готовил весь выпуск.

Тут уж каждый знает свое дело. Вытаскивасм яхты кормой в воду, выгребаем из бухточки на простор, на ходу завязывая спасательные жилеты. Гонки состоятся! Вон уже Игорь Тимофеев на своей моторке помчался к буйкам, и «Трэмп» с командором на борту солидно пошел к месту старта. Теперь только не замешкаться.

Нам повезло. «Атос» красиво взял старт и хорошо прошел половину дистанции. Курс был крутой бакштаг. Я «сидел на бизани», т. е. управлял кормовым парусом. Мы уже готовились сделать поворот у буйка, как вдруг увидели, что нас обходит с подветренной стороны Анюта Мясникова на «Портосе». Чтоб не врезаться, нам пришлось круто повернуть вправо, и мы навалили на буек. По правилам гонки следовало повторить поворот, и мы на этом потеряли время. Пришли вторыми. Анюта — опытный рулевой, и экипаж у нее отличный. Да и «Портос» — яхта легкая в управлении. Следующий этап гонки нам предстояло идти на нем. Справедливости ради каждый экипаж должен был пройти дистанцию на каждой из яхт, поэтому гонки в несколько этапов. Экипажи менялись яхтами.

Когда мы вышли на старт второго этапа, неожиданно начался дождь. Сперва это был несерьезный дождик, и мы все дружно отвергли предложение командора отложить гонку. Но уже на дистанции хлынул ливень. Наш рулевой Вовка Локтин лихо выполнил поворот оверштаг, экипаж работал слаженно, и «Портос» пришел первым. Мы были мокрые, как морские черти, и счастливые, как олимпийские чемпионы.

В спорте надо сражаться до конца. Даже победа не должна успокаивать. А мы, наверно, «размагнитились». И поплатились за это.

Третий этап начали с того, что, выходя на старт, плохо маневрировали и загнали «Арамиса» в прибрежные заросли тростника. Судьи засчитали нам поражение на этом этапе.

По итогам всех этапов первое место все же занял экипаж Анюты Мясниковой, а мы поделили второе-третье место с экипажем Юры Кондратьева.

Тут на участников гонки, как истинные репортеры, набросились члены дежурной редколлегии «Бейдевинда». Берут интервью или поручают самим написать о своих впечатлениях. Кое-кто жалобно отпрашивается: «Я вчера писал. Ну поручи кому-нибудь еще...» Иногда это действует, и слабохарактерный корреспондент бежит искать кого-либо другого. Но взять и не выполнить поручение — это никому и в голову не приходит.

К ужину свежий номер стенгазеты висит на стенке сарая, а невдалеке прогуливается дежурная редколлегия и ревниво следит за успехом «Бейдевинда».

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Г

Гик — горизонтальное рангоутное дерево (брус), прикрепленное одним концом к мачте. По нему растягивается нижний край косого паруса. Во время поворота (смены галса) гик быстро переходит с борта на борт над головами экипажа. Иногда над водой раздается гулкий удар, это значит, что кто-то из новичков получил «парусное крещение» (см. **«А-а-а...»**). С той поры новичок запоминает термин «гик» накрепко. Даже в автобусе при словах «гик пошел» он тычется носом в колени.

«Гнев отца» — 8-миллиметровый фильм отрядной студии, снятый в 1973 году по рассказу А. Грина. Повествует о приключениях десятилетнего сына капитана, который ждет из дальнего плавания своего отца. В главной роли Гена Хабибрахманов. Для фильма очень нужны были кадры с настоящим морем и большими парусными судами. Они нашлись. Одни были сделаны во время поездки ребят в Севастополь, другие подарил

Вечером в честь окончания соревнований зажгли костер. Не было парадных речей, не было обязательной явки. Пришел кто хотел. В тот вечер мы спели много песен — «Песню барабанщиков», «Синий краб» и другие, сочиненные в отряде на стихи командора — Владислава Крапивина. Это наши отрядные песни, без них не обходится ни один праздник.

Был двенадцатый час ночи, но никто не гнал малышей от костра. Они сидели между нами, старшими, прижавшись к нашим плечам, и впитывали неповторимость ночи, тихой песни, еще не сознавая, что принимают эстафету «Каравеллы», чтобы нести ее дальше.

Эта корреспонденция напечатана в пионерской газете «Зорька», которая издается в Белоруссии, 3 июля 1981 года.

Инна Депутатова, штурман флотилии «Каравелла» в 1977—1981 годах, студентка Уральского университета

«МУШКЕТЕРЫ» ПЛЫВУТ К «ЭКВАТОРУ»

В отряд я первый раз пришла в феврале 1977 года. И меня там сразу спросили:

— Стеньгу делать умеешь?

Я захлопала глазами. И услышала:

— Понятно, значит, никогда не пробовала... Тогда зачищай степс.

И я стала обрабатывать наждачной шкуркой какой-то деревянный брусок с дыркой посередине.

Потом на теоретических занятиях по морскому делу мне объяснили, что в такую штуку вставляется основание мачты, которое называется «шпор».

Вот так я впервые столкнулась с парусной романтикой. В отряде в самом разгаре было строительство яхт серии «мушкетеры». Их было четыре, и звали их, разумеется, «Атос», «Портос», «Арамис» и «Д'Артаньян».

большой друг «Каравеллы» Е. И. Пинаев — моряк и художник. А настоящий океанский прибой снял во время поездки на Кубу командор флотилии.

Гюйс (крепостной флаг) — носовой флаг крупных военных кораблей (поднимается на стоянке), а также морских крепостей. В «Каравелле» гюйсом считается синий флаг с красной звездой, окаймленной широкой желтой полосой. Его поднимают во время занятий в отряде и на базе во время парусной практики. Этот флаг в отряде давно. Его подарили «Каравелле» в городе Риге юные моряки клуба «Экватор» в 1969 году, во время морской игры «Нептун Балтийского моря».

Д

День Весеннего Равноденствия — ежегодный праздник «Каравеллы». В этот день заканчивается осенне-зимняя программа занятий и начинается весенне-летняя. Отмечается праздник по традиции 22 марта, хотя, говорят,

Из архивного трюма

ПРАКТИКА ЗАКОНЧИЛАСЬ, ПРАКТИКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Итак, учебно-парусная практика этого года подошла к концу. В то время, когда пишутся эти строки, в программе остался еще один выход, но будем надеяться, что он не внесет существенных изменений в итоги (или, по крайней мере, обойдется без особых приключений).

Их хватило, приключений-то. Во-первых, перевертывания, начало которым положил командор вместе с Димой Стражниковым и Димой Солохиным 7 мая. Вода была очень холодная... Во-вторых, веселые столкновения — не привыкли к тесноте, девять яхт вместо прежних четырех! Как летели щепки от лат и буртиков! (А дыра в скуле «Экватора»!) Но в общем-то все обошлось почти благополучно, особенно если учесть, что навигация «Каравеллы» в 82-м году была тринадцатой по счету.

Наши рулевые и матросы, знавшие раньше лишь «мушкетеры», полностью освоили «штурманы» — гоночный тип с высоким рангоутом. Теперь они могут не бояться ни

Надо вам сказать, что романтика — она вещь хорошая, когда читаешь книжку или смотришь кино, в котором плавают туда-сюда красивые парусники, а вот когда приходится шпаклевать щели в носовом отсеке (который называется вполне по-морскому — «форпик»), лежа на острых шпангоутах, или, согнувшись в три погибели, прокрашивать уголочки в ахтерпике (то есть под кормовой палубой), ох как начинаешь понимать настоящую прелесть этой романтики!

А занозы?

А перемазанные в краске и лаке штаны?

А потом мамины оч-чень удивленные глаза?

А лопнувшие на ладонях мозоли?..

Правда, кошмарный период шпаклевки и покраски наконец сменился довольно приятной работой с парусами.

Хорошо, когда ничего ниоткуда не сыплется, не клеится к штанам и рубашкам, не ревут токарный станок и пила! Только время от времени раздается ойканье и кто-нибудь сосет палец. А так можно даже поговорить. Старшие вспоминают прошлые парусные практики и, предвкушая новую, обещают массу интересного новичкам. И многозначительно хмыкают при этом...

И вот — наконец-то! «Мушкетеры» — на воде! Белый «Атос», голубой «Арамис», красный «Портос» и веселенького желтого цвета «Д'Артаньян». И все они такие красивые, новые, двухмачтовые. Вместительные!

Недолго они были такими сверкающими. Соприкосновения с бетонным пирсом (иногда — на всем ходу), с каменистыми мелями, а порой и друг с другом не проходят бесследно для фанерных яхт.

— Довели кораблики до ручки...— вздыхал командор.

Но шутки шутками, а послужили «кораблики» нам отлично. Пять лет экипажи во главе с отчаянными рулевыми испытывали их на прочность и вы-

---

Д

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

сейчас равноденствие сдвинулось и по календарю наступает раньше (эти происки астрономов и прочей небесной канцелярии мы с негодованием отметаем). Иногда праздник отмечается пышно: с морским царем Нептуном, театральным действом и так далее. Иногда — скромно: мешают яхты, которые завезли в «муравейник» для ремонта. Но в любом случае на День Равноденствия просачиваются многочисленные гости — приезжие товарищи из других городов, родители и личности, принадлежность которых установить не удается.

Лучше всего настроение и содержание праздника отражено в песне, которую сочинил нам в подарок Владимир Борисович Выходец, отец Миши Выходца (тоже поэта). Впервые песня была исполнена 22 марта 1981 года, когда заканчивалось строительство наших «штурманов».

Вы на бога не будьте в обиде —
Он за ось зацепился ногой:

«голландцев», ни «четырестадвадцаток» и «четырестасемидесяток», если судьба приведет на них. Новые яхты, в отличие от «мушкетеров», иногда переворачиваются? Ну и что! Переворачиваются и встают. Уверенность экипажей порой переходит в нахальство: не хотят брать рифы, если даже ветер свистит во всю мощь и волны весьма напоминают Черное море...
Прошли гонки. Девять яхт одного класса — это не всегда бывает даже на крупных соревнованиях. А у нас было (и еще раз приятно вспомнить, что этот класс придумали и построили сами).
На практике было всякое. И жара, и холод, и даже снег. Единственное, чего почти не было,— это штиля. Только один день, в субботу 10 июля, природа подсунула нам на полсуток полное безветрие. Но, возможно, мы виноваты сами: влезли сверх расписания. Этот штиль сорвал гонки капитанов-одиночек, но не будем огорчаться. Ведь лето лишь достигло середины. Кто никуда не уезжает, может заниматься дальше.
Испытанные яхты обшарпаны, форштевни их измочалены, у колодцев течь. Но они еще исправно служат своим экипажам. И послужат еще, потому что окончание практики не означает окончания плаваний. Впереди пол-лета!
Кстати, будущие рулевые, готовьтесь к практическим экзаменам в августе!

(Передовая статья — БНЦ, 1982, 15 июля)

носливость. Ходили они обычно с таким лихим креном, что командор хватался за голову, за сердце, а потом за мятый жестяной рупор, чтобы высказать рулевым свое мнение... Бестолковые новички сажали яхты на подводные камни у острова Барана и в устье Исети. Но «мушкетеры» были построены на совесть. Иногда только, во время штормовых ветров, не выдерживали и летели с парусами за борт сломанные мачты...

Но лучше вспоминать все в хронологической последовательности.

1977 год, первая после постройки парусная практика. Гонки и походы. Обучение экипажей. Было много всего, а вспоминается почему-то один забавный случай: «Арамис» во время плавания потерял шверт со шкворнем. Шверт — это такая металлическая пластина, которая торчит из днища и не дает яхте сходить с прямого курса. Весит сорок килограммов! А шкворень — металлический болт, вставляется в верхнюю часть шверта, чтобы он не вывалился из швертового колодца и не утонул. А шверт все-таки вывалился и утонул. Как это случилось, до сих пор загадка. При таком устройстве это было исключено. Не иначе как вмешалась нечистая сила. Причем выбрала, конечно, самый подходящий момент: на «Арамисе» было двое гостей — учителя из Москвы. Командор приказал выбрасываться на ближайший берег (ничего другого не оставалось!). Гости были счастливы — они впервые в жизни попали в кораблекрушение на паруснике...

78-й и 79-й годы. Практика проходила на Волчихинском водохранилище. Ой, какие там неровные и капризные ветра. Коварное течение сносит в камыши и осоку, подводная трава оплетает шверт и снижает скорость. То из-за одного, то из-за другого мыса налетают какие-то ненормальные шквалы, а не успеешь обрадоваться ветру, как опять штиль... А ночью начинают массированные удары комары. Мы испытали это в 79-м году, когда там

Д

Наклонилась Земля на орбите
И навеки осталась такой.
　　Равноденствие — праздник отряда.
　　На подъем «Каравелла» легка:
　　Отправляться нам в плаванье надо,
　　Пусть трепещет душа новичка.
Лишь у нас на Земле, а не где-то
Для строительства яхт есть зима,
Есть для плаванья нужное лето,
А иначе — сошли бы с ума.
　　Равноденствие — праздник отряда.
　　На подъем «Каравелла» легка:
　　Отправляться нам в плаванье надо,
　　А у Славы сломалась нога *.
Волк морской и морская волчица,
Брось за борт свою нежную лень:
Навигация в двери стучится,
Завтра ночь будет меньше, чем день.

* Исторический факт.

Из архивного трюма

А МНЕ ЗАПОМНИЛОСЬ ВОТ ЧТО...

В тот день был ох какой хороший ветер!
Мы вооружили яхты, спустили, перегнали к пирсу. Слава посмотрел на волны, вздохнул и решил сделать пробный выход. Мы пошли на «полосатую трубу» — ориентир на том берегу. Сачковать никому не пришлось — откренивали все. Когда вернулись на базу и обсохли от брызг, была объявлена тренировочная гонка. Отошли мы в зону, потом стартовали. Когда стали подходить к поворотному бую, Сергей Соловьев мне говорит:
— Гляди, «Азимут» лег.
Я оглянулся и увидел покачивающийся на волнах черный корпус «Азимута».
— Ну,— говорю,— как это они умудри...— Тут мы и сами на повороте фордевинд улеглись. И шкварка в том, что улеглись вверх днищем. Плаваем вокруг, а что сделаешь? Мачта в дно воткнулась.
Приехал Саня Палкин на катере, увез нас сушиться, а сам с аварийной группой пошел выдергивать и ставить нашу яхту.
В следующей гонке лег «Горизонт», потом «Пионер», «Тропик»... Ну, ветерок!

на берегу разбили палаточный лагерь. Хорошо, что яхты не люди, а то они, наверное, сбежали бы первой электричкой, ведь они-то ночевали не в палатках, а под открытым небом.

В конце концов и мы, и яхты действительно сбежали. То есть вернулись в «родные моря», на наше милое Верх-Исетское озеро. Мы смогли это сделать, потому что к тому времени отряд опять набрал силу и развернул все экипажи.

А до этого были трудные времена. Но пускай про них рассказывает кто-нибудь другой. А я все равно вспоминаю те два лета с радостью. Ребят из первоуральского «Алого паруса», с которыми мы вместе занимались парусным делом и устраивали палаточный лагерь. Несмотря на всякие трудности, мы и сами провели навигацию, и первоуральцев обучили парусному делу. А еще были гонки в сильнейший дождь. Штормовое плавание, когда у Аньки Мясниковой на «Портосе» сорвало руль, но она все равно дошла до берега. И как Анька у вечернего костра спела под гитару песню, к которой только что придумала музыку:

Над притихшими травами
Встали в рост барабанщики.
Это значит — не всё еще.
Это значит — пройдем...

Мы все слушали и понимали: в самом деле — пройдем. Через все трудности. Мы были победители, потому что в трудные дни все-таки не спустили паруса и флаги.

А наши барабанщики каждое утро забирались на крышу корабельного сарая и весело играли подъем. Словно звали нас в отчаянную утреннюю атаку — навстречу ветру...

1980 год. Он тоже порадовал нас ветрами. Особенно мне запомнились гонки при крепком северо-западном ветре. У нас сохранилась кинопленка, снятая на этих гонках,— яхты идут почти полностью «на бортах», а экипажи болтаются с на-

---

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Д

Равноденствие — праздник отряда.
На подъем «Каравелла» легка:
Отправляться нам в плаванье надо,
Стеллажи на рули — с молотка! *
Проходить будут годы и годы,
Но останется с нами всегда
Равноденствие — праздник природы
И счастливое время труда.
Равноденствие — праздник отряда.
На подъем «Каравелла» легка:
Отправляться нам в плаванье надо,
А поэтому — стройте пока.

Думать (в сочетаниях «я думал, что...», «мы думали, будто...») — действие, которое в отряде не одобряется. Многолетний опыт показывает, что есть любители «ду-

* Тоже исторический факт. Когда не хватило толстой фанеры на рулевые коробки, лихие экипажи не моргнув глазом разобрали в кают-компании книжные стеллажи, которые три месяца назад они же самоотверженно смонтировали.

В общем, купались все яхты, кроме «Экватора» — ему повезло. Некоторые, в том числе и мой «Полюс», ухитрились кильнуться не один раз. Но мы не жаловались. Вода была не такая уж холодная. К тому же это был хороший урок для новичков.
— И для вас тоже,— проворчал командор. Он почему-то не хотел веселиться с нами.

Ян Карпенко
(Барабанщики, 1984, 20 июня)

ПОБОИЩЕ

В среду, 16 июня, стояла невыносимая жара, и Слава разрешил устроить морской бой с «принятием душа». Ответом ему послужили радостные вопли, и все начали выяснять, у кого какое оружие имеется. Возникли две «враждующие» эскадры: «Пеленг», «Тропик», «Азимут», «Горизонт», а против них — «Полюс», «Пионер», «Румб» и «Меридиан», а также «Экватор». На воду были спущены и шлюпки, между которыми прошли абордажные бои. «Пираты» обливали всех подряд (младший Грехов при этом пользовался ведром — запрещенное оружие!). Перед тем как начался бой, на пирсе появились ребята из отряда «Всадники» — Женя Бабанин и Слава Шатун. Их взяли к себе «Азимут» и «Тропик».
И вот началось... Яхты на гребках понеслись друг к другу, на ходу заряжая водой все, что можно (и что нельзя — тоже). Раздались

ветра на откренке. Потом мы с Андрюшей Зайцевым сочинили про это стихи:

По воде гуляли волны,
По волнам мотало яхты,
И холодная вода
Заливалась за борта.

Из-за дальних берегов,
Из-за складок облаков
Ветер голову свою
Высунул лохматую.
Ветер плюнул, ветер дунул —
Поздно на попятную.

Крен направо, крен налево...
«Приготовься! Шквал!» —
Рулевой, немножко бледный,
Новичкам орал.

Вот и финиша черта!
Ветер свищет песенку.
Стало даже ничего,
Стало даже хорошо,
Стало очень весело.

Мы ликуем (после гонок
Все немножко нервные).
Правда, мачту ветром сбило,
Руль в куски расколотило,
Но зато мы первые!!!

В этих стихах все правда. Вы можете не поверить: как это без мачты и руля вдруг первые? Но мачту сбило ветром, а руль грохнуло о камни, когда мы уже пересекли линию финиша. Вот так...

1981 год. Мы после положенных по программе тренировок, занятий и соревнований пошли по Исети в поход на станцию Гать. Хорошее было плавание, но подойти к берегу оказалось не так-то просто. Три метра до него занимала не вода, а теплая чмокающая грязь. Пришлось нам тащить яхточки по колено в этой грязи до твердой стоянки. Ого, какие мы тогда были красивые! И все в одинаковых черных гольфах... А на обратном пути нас прихватило таким ветром, что уже на виду у базы при-

мать», когда это совсем не надо. Например: «Я не пришел на вахту, потому что думал, что в среду ее не будет...», «Я думал, что заметку в газету надо сдавать не в эту пятницу, а в следующую...». Таким товарищам объясняют, что думать надо при решении математических задач или сложных жизненных проблем. А когда речь идет о сроках задания, о расписании и других простых вещах, надо просто слушать, а не хлопать ушами. «Понял? — говорят такому человеку на совете после дружеской беседы.— Вот так. Иди и подумай. Теперь полезно...»

Дым столбом — пропитка горячей олифой новых корпусов яхт во время строительства. Жильцы верхних этажей несколько раз порывались вызвать пожарных.

Е

«Еще одна сказка о Золушке» — 8-миллиметровый игровой фильм отрядной студии. Снят в 1969 году. В глав-

первые залпы, потекла вода за шивороты экипажам. Все орали — кто от воды, кто от радости, кто предупреждая союзников об опасности. Какую только тактику не применяли! Противника брали «в коробочку», поражали «бортовым огнем»! Казалось, еще немного — и пойдут на таран. Главная задача была: чтобы на яхтах и на членах экипажей не осталось ничего сухого.
Гости с большим азартом включились в это побоище. Бой кончился неожиданно: появился ветер, и яхты помчались к другому берегу, к Сортировке.

Женя Левитин
(БНЦ, 1982, 19 июня)

шлось притыкаться к острову Барану, чтобы взять рифы на парусах...

А еще этот год был рекордным по числу сломанных мачт. Их ломали так много, что Слава написал в стенгазету ехидную заметку, в которой обличил чемпиона по ломанию (увы, это была я). Причем чаще всего мачты «летели» не из-за ветра, а от чересчур энергичного впиливания в пирс, по поводу чего Анька высказала ставшую поговоркой фразу: «Пирс не поролоновый...»

Мы нежно и терпеливо латали «мушкетерам» борта, шпаклевали щели, штопали паруса, выстругивали мачты зимой. А каждое лето — снова в плавание. И «морские волки», и набранные зимой новички, и стажеры из других городов, которые обязательно появлялись каждое лето — из Москвы, из Казахстана, из Белоруссии, не говоря уже о друзьях из ближних уральских мест...

В общем, потрепали мы наши суденышки здорово. Нервы командора, видимо, тоже. Очевидно, не совсем случайно перед очередной навигацией, в мае 1981 года, Славу уложили в больницу. Сказали, что будут лечить сердце.

Наши пираты повесили носы. Долгой разлуки их горячо любящие сердца вынести не могли. Поэтому через несколько деньков компания рулевых и барабанщиков отправилась в больницу, где Слава пытался восстановить расшатанное с нашей помощью здоровье. В прохладном и сумрачном вестибюле мальчишки притихли и разговаривали почтительным шепотом, поглядывая на вахтершу. Сидели мы на каком-то каменном выступе у лестницы и ждали, когда выйдет Слава. Почему-то казалось, что будет он таким же серьезным и печальным, как окружающая обстановка. И вот он появился...

Ха-ха, печальный и серьезный! Пружинистой походкой, улыбаясь от уха до уха, больной командор вывернул из-за колонны. Бодро поинтересовался:

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

ных ролях Настя Нестерова и Валерий Скляр. В фильме излагается история Золушки и Принца на современный лад. Героям по 10—11 лет. Впоследствии командор «Каравеллы» похитил этот сюжет для вставной сказки в своей книге «Журавленок и молнии». Этот недостойный поступок в какой-то мере оправдывается тем, что сценарий фильма сочинялся тоже командором.

Ж

Жалобы — литературный жанр. Авторы жалоб пишут их не для массового читателя, не для славы и не для литературного заработка, а с единственной целью: отравить жизнь героям своего произведения. На «Каравеллу» жалобы писались в течение многих лет — теми, кто хотел «запретить» отряд или хотя бы отнять у него помещение. Адрес жалоб самый различный: от местного домоуправления до центральных газет. К большому сожалению писавших, ни одна жалоба не подтвердилась. Авторы считали свои произведения документальными,

**Лейся, песня,
над волнами**

КАРАВЕЛЛЫ

В южных морях и у севера
дальнего,
И у «ревущих» широт
Ходят эсминцы, скользят в море
лайнеры,
Бродит рыбацкий народ.
Ветром их клонит, волнами
высокими
Им заливает огни.
Трудно им в море, но все-таки,
все-таки
Легче, чем в прежние дни.
Вспомним о тех, кого злыми
поверьями
Дома сдержать не могли,
Кто начертил нам гусиными
перьями
Первые карты Земли.
В чем-то, друзья, с ними мы
одинаковы:
Так же не смотрим назад.
Так же, как марсели, рвутся
спинакеры,
Если приходит гроза.
Пойте, друзья, про выносливость
паруса,
Пойте про тех, кто был смел,
Кто прочертил сквозь века
в море Ярости
Огненный след каравелл.

— Как жизнь, мореходы?

— Нормально. Но скучно,— ответили мы и протянули Славе апельсин.

— А-а-а...— сказал Слава и взял апельсин.— Скучаете. Это хорошо... Я вот тут вам развлечение придумал. Сейчас принесу.

Он скоро вернулся с рулоном миллиметровки, и глаза рулевых в сумраке вестибюля засверкали алчным огнем.

— Я тут от диеты и процедур,— сказал Слава,— прикинул проектик новой яхты. Гляньте...— И рулевые стукнулись лбами над чертежом.

Через две минуты, забыв про чинность, сдержанность и вахтершу, мы галдели и тыкали пальцами в разные части начерченного корпуса. У многих сразу возникли творческие предложения...

Потом, блаженно улыбаясь, расселись на ступеньках.

— Ох и покренимся. Теперь ничего не страшно...— мечтательно сказал Вовка Шардаков, разглядывая обведенные жирной чертой незатопляемые отсеки.

— Я тебе покренюсь,— проворчал его старший брат Сашка, но на отсеки поглядел с нежностью.

— А когда начнем строить? — деловито осведомился Димка Солохин.

— А вот выгонят меня из больницы за такой галдеж, и сразу,— бодро пообещал Слава.

— А как назовем? «Мушкетеры» у нас уже есть...

— Может быть, «Экватором»? Хорошее название, штурманское такое...— сказал Слава.

— «Экватор» — это для одной яхты. А как будет называться весь новый тип? Ну, когда серию начнем...— осторожно спросила Лариска Коробицына.

— Лариса! — строго сказал Слава.— Какая серия? Мне вредно волноваться.

— Но когда-нибудь ты все-таки выздоровеешь...— оптимистично предположила Лариска.

— С вами выздоровеешь... И вообще это экспериментальная яхта. Может, она ни к чему не год-

---

Ж

но объективный читатель относил их к разряду фантастики (ненаучной).

В качестве примера приводятся два отрывка из жалоб, копии которых сохранились в архиве «Каравеллы».

«За короткий срок отрядными ребятами в красном уголке выбиты оконные стекла, разбиты почти все плафоны, разбиты в щепки несколько стульев, испорчены столы. Еще не успела высохнуть краска после проведенного в доме ремонта, а отрядные ребята расписали стены и перила. Нередко можно видеть ребят с грязными ногами на столе. Однако такое поведение не встречает ни малейшего осуждения со стороны т. Крапивина, хотя часто делается на его глазах. Вместе с ребятами он сам изрешетил из ружья хорошие дубовые стулья».

(Из жалобы главному редактору газеты «Правда» 16 сентября 1968 года)

«...Но почему-то никому не кажется странным, что эти ребята, руководимые новоявленным «Гайдаром», облачены не в школьную или пионерскую форму, а в чер-

ной окажется. Вот построим опытный образец, а уж потом...

— Еще с полдесятка...

— Брысь отсюда, крокодилы! — рявкнул командор.— Мне на процедуры пора!

— Ну, шагай,— великодушно разрешили рулевые.— А мы — в отряд. Посчитаем, на сколько яхт хватит фанеры...

Сережа Аладжиков,
барабанщик,
капитан «Каравеллы»,
восьмиклассник

ПЕРВЕНЕЦ

Обязательную практику 81-го года мы все-таки отходили на «мушкетерах». А в середине июля на полу в «муравейнике» сколотили стапель. Капитанам не терпелось взяться за постройку «Экватора».

Ребят на работу собирали по цепочке, по телефону, с помощью специальных гонцов, но народу набралось все равно немного — кто на даче, кто на юг с родителями укатил, кто у бабушки гостит. Практика-то кончилась!

Стройматериалов тоже было не густо. Поэтому на сборе сделали объявление: «Если у вас на даче, в сарае у бабушки, в саду, во дворе есть фанера, доски, рейки — взваливайте на спину и тащите в отряд!»

Чертеж «Экватора» прикололи к стенке, и строительство началось...

Запомнилось оно мне как какая-то карусель. Сегодня закрепляем переборки, завтра уже начинаем класть обшивку, а в коридоре кто-то возится в ворохе стружек — строгают мачту и гик. Тут же Анютка Мясникова требует, чтобы освободили площадь — надо расстелить для проверки только что

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

ные рубашки с закатанными по локоть рукавами, что на стенах помещения «Каравеллы»... на самых видных местах красуются флаги с крестами, а на обтянутой черным крепом рамке глядит со стены пустыми глазницами белый череп со скрещенными костями.

Может быть, это все для романтики и на эту внешнюю сторону и не следовало бы обращать внимания, если бы за этой внешней стороной не скрывалась и не проявлялась бы не совсем обычная деятельность для тимуровцев, отдающая чем-то анархистским...

Эти крапивинцы позволяют себе отправлять свои естественные надобности прямо на лестничной клетке, вытаскивать из почтовых ящиков корреспонденцию жильцов и сжигать ее, бегать в лесок с бутылкой вина, играть в «чику» и т. п.».

(Из жалобы 22 декабря 1971 года в одну из областных организаций)

Вот так. Как говорится, «и т. п.» И все это было бы смешно, если бы в свое время не пришлось всерьез до-

Из архивного трюма

ВСЕ ПОЗНАЕТСЯ В СРАВНЕНИИ

Был прекрасный осенний день, когда я впервые пришел в «Каравеллу». Дул ровный сильный ветер, и это было хорошо для выхода яхт. Когда я увидел отрядные яхты, не поверил, что они сделаны руками ребят. И ходовые качества у них оказались отличные. Я уже ходил до этого на яхте в спортивной школе и потому говорю не просто так, а со знанием дела.
Мне понравилось, что ребята не теряют время даром. Хоть и с шутками, все команды выполнялись быстро и безукоризненно. Я очень хочу стать таким же, как все члены отряда.

Глеб Чугаев
(Барабанщики, 1985, № 55)

сшитые грот и стаксель. А в мастерской гремит стальными оковками и вертлюгами Саша Больных — молодой инструктор с высшим инженерным образованием. А в «муравейнике» Слава учит новичков привинчивать обшивку шурупами (потому что новички, они и есть новички — лепят шурупы не туда, потом приходится забивать «ошибочные» дырки деревянными пробками).

Когда заканчивали обшивку, обнаружилось, что обещанная шефами фанера запаздывает и больше нет ни кусочка. Тогда, недолго думая, разобрали декорации, сделанные для фильма...

Строили мы «Экватор» ровно месяц. 16 июля начали, а 17 августа — спуск. Особого торжества не было. Привезли, столкнули на воду... Радоваться раньше времени мы просто побаивались: а вдруг «новичок» поведет себя на воде не так, как полагается!

Но напрасно мы боялись! «Экватор» побежал сразу — ровно, быстро, красиво. Вот тогда-то на берегу все и завопили «ура!». И запрыгали...

«Экватор» и сейчас, пожалуй, самый аккуратный, самый поворотливый и самый прочный из «штурманов», хотя на год старше остальных. Слава говорит:

— Понятное дело: штучная работа. А сколько вдохновения вложили...

В ноябре, на празднике Первой отрядной линейки, мы заложили серию яхт нашей собственной конструкции — «штурманы». Первую назвали «Пионер» — в честь нашего журнала и по традиции: «Пионером» назывался наш прежний флагман.

У остальных «штурманов» имена такие: «Горизонт», «Меридиан», «Тропик», «Полюс», «Пеленг», «Румб», «Азимут». У каждой яхты на парусе номер по порядку. Только «Экватор» ходит без номера. Все и так знают, что он первый.

казывать полную фантастичность этих «литературных произведений».

«Ж-жуть...» — меланхоличная реплика командора «Каравеллы», получившего сообщение об очередной жалобе.

З

Задание (корреспондентское) — это когда человеку говорят, что надо о чем-то написать, а тому неохота. Человек обычно говорит: «Ну чо! Опять я...» Но на этом разговор и кончается. Выражать недовольство дальше, во-первых, бесполезно, во-вторых, чревато неприятностями: у редактора терпение не бесконечно. А не выполнить задание все равно нельзя (лучше и не пробовать). Эта книга тоже писалась разными авторами по заданиям редакционной группы «Каравеллы». Член редколлегии «Пионерской правды» И. Н. Мезенцева сказала: «Ну чо, опять я...» И стала диктовать по телефону первую главу...

Из архивного трюма

ЗДРАВСТВУЙТЕ, «ШТУРМАНЫ»!

Репортаж подготовила редакционная группа под руководством Жени Левитина для рукописной книги, которая создавалась в Артеке в подарок XIX съезду комсомола

Парус над морями не умрет —
Это я твержу сто раз подряд...

Далеко от всех морей живет
С парусным названием отряд.
Дом кирпичный ветры не качают,
Но морская жизнь не дремлет в нем,
И всегда ребята там мечтают
Править настоящим кораблем.

Эти строчки написал юнкор отряда «Каравелла» Миша Выходец.

Да, мы живем вдали от большого моря. Но все же свое море у нас есть. Это широкое Верх-Исетское озеро на краю Свердловска. Река Исеть соединяет его с другими озерами. Ветры над ними дуют крепкие, и волны там бывают нешуточные. По этим озерам наши парусники ходят уже много лет. Парусники отряда «Каравелла».

Я хочу рассказать о наших яхтах. О наших «кораблях», на которых мы учимся морскому делу.

Чтобы ходить на кораблях, их надо сначала построить.

Осенью восемьдесят первого года мы решили строить сразу восемь «штурманов» — это яхты нашей собственной конструкции. Еще раньше, летом, мы построили за месяц и испытали самого первого «штурмана» — яхту «Экватор». А теперь взялись за целую флотилию и решили спустить ее на воду 18 мая, в день открытия XIX съезда комсомола и накануне другого праздника — шестидесятилетия пионерии.

ШЕСТНАДЦАТАЯ НАВИГАЦИЯ

Ну вот и кончилась практика, шестнадцатая в истории отряда. В начале ее все новички были до ужаса зеленые, как лопухи по дороге на базу. При первом вооружении яхт они хлопали глазами, а некоторые изображали активную помощь рулевым, завязывая фал бантиком, гуляя по расстеленному гроту и поднимая стаксель вверх ногами, сетуя при этом на свою тяжкую долю.
На выходах некоторые (не будем говорить кто) при малейшем крене хватались за швертовые колодцы, выскакивали на борт и глядели вокруг себя громадными от страха глазами. Другие, наоборот, выдавливали из себя подобие улыбки и вежливо справлялись о весе, который может выдержать спасательный жилет. «Старички» невозмутимо сообщали, что жилет, мол, выдержит и слона, но почему-то не помогает людям, которые не чистят зубы на ночь, получают двойки и не слушают родителей (интересно, а как же эти жилеты выдерживают самих «старичков»? — прим. редакции).
Впрочем, после двух-трех вы-

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

З

«Зеленый патруль» — спецгруппа отряда, которая в 60-х годах охраняла лес на Уктусе от бестолковых туристов, нахальных огородников и заготовителей березовых веников. После строительства Уктусского спортивного комплекса и превращения леса в парк дальнейшее патрулирование оказалось ненужным.

Знамя. В отряде «Каравелла» три знамени:

1. «Пионер» — корреспондентское знамя отряда. Вручено редколлегией журнала в марте 1967 года после выполнения первой юнкоровской программы в обмен на Большой Флаг отряда «Ветер» (Большой Флаг помещен в музей редакции).

2. «Каравелла» — морское знамя отряда. Принято в январе 1968 года, когда отряд решил начать формирование флотилии и приступил к занятиям по морскому делу.

3. Пионерское знамя дружинного образца. Вручено отряду редколлегией журнала «Пионер» в сентябре

ходов все обкатались, тянули шкоты от души и в школах рассказывали о своих выдающихся подвигах.

Да! Первое время погода нас не баловала. Все дрожали от холода, но держались стойко. Примерно в середине практики солнышко нас «поджаривало», а через несколько недель, как раз перед походом, опять похолодало. Но, несмотря ни на что, все с яростью хлебали холодный суп, не забывая поругать кухню (скорость жевания при этом почему-то не уменьшалась).

Всю практику усиленно купались, не останавливаясь ни перед чем, вплоть до киляний. Нередко ходили на абордаж, обливая друг друга водой в «морском бою». Выигрывая и проигрывая гонки, орали на матросов и дули в паруса в штиль. Новички с суеверным трепетом слушали рассказы о прошлых временах. К концу практики они сами стали героями, научились ходить на гроте и на руле, петь морские песни, лихо увиливать от нарядов и ругаться со старшими по званию. Новички стали окончательно смахивать на «старичков». А скоро, когда в отряд придет новое пополнение, они действительно станут ветеранами. Многие таланты уже мечтают о карьере рулевых. Надо сказать, они этого заслуживают.

Антон Бушмелев
(Барабанщики, 1985, № 52)

Перед началом работы инструкторы уговаривали ребят:

— Для начала хватит и четырех. А то не справимся... И фанеры не хватит...

— Поплывем на половинках!

Инструкторы сдались. А что было делать? Решает-то общий сбор. Да и в самом деле яхт нужно много. Старые «крейсера» уже обветшали, экипажи растут, да еще на лето приезжают стажеры из других городов. К тому же у самих инструкторов тоже «чесались руки». Инструкторы хотя уже и взрослые, а паруса любят не меньше. Да и в «Каравелле» давно, многие — с детства.

...Ну и пошла работа. Сначала выпиливали детали, клеили их, потом стали закладывать яхты на стапеле. По очереди, по жребию. Командиры будущих судов тянули бумажки с названиями...

— Ура! Наш «Тропик» — следующий! — несолидно прыгает Тимка Губанов, один из самых «молодых» рулевых.

— А когда «Азимут»? — жалобно спрашивает восьмиклассник Коля Боднар.— Последний, что ли? А если не хватит материала?

— Картоном обошьем,— ехидно утешают более «везучие» экипажи.

Только самую первую яхту мы закладывали без жребия. Это был «Пионер». Мы назвали его так в честь нашего журнала. И в честь первого быстроходного «Пионера», который был флагманом нашей флотилии в начале семидесятых годов.

...Динь-дон! Динь-дон! — раздается звон корабельного колокола. Прыгая через корпуса яхт, которые заняли все помещение, ребята бегут в наш маленький зал. Выстраиваются экипажи.

— Командирам судов проверить состав экипажей и доложить о готовности к работе,— требует вахтенный командир.

— В первой эскадре все!

— Во второй все...

— Даже больше, чем все. Это что за фигура? —

З

1969 года в знак принадлежности «Каравеллы» к Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Знаменная группа. В «Каравелле» знаменная группа состоит из пяти человек — трех знаменосцев и двух ассистентов. Группа выносит знамена на отрядные линейки, торжественные сборы, парады. Ассистенты сопровождают знаменосцев, имея при себе оружие (эспадроны). Члены знаменной группы имеют специальные нарукавные нашивки. Кроме того, в торжественных случаях они поверх формы надевают через плечо знаменные ленты. По традиции, идущей от Военно-Морского Флота, у знаменосцев и ассистентов флотилии эти ленты — голубые, с золотой каймой по краям.

Члены знаменной группы избираются на общем сборе отряда, как правило, из числа старших пионеров или комсомольцев.

Из архивного трюма

ПЕРВАЯ ПАРУСНАЯ

Здравствуйте, ребята! Извините, что долго не писали. Так получилось, что все лето были в походах.

Этим летом мы впервые открыли парусную практику. На открытии у нас было три «Оптимиста» и два «Мотылька». Еще две яхты не успели достроить.

Ветер не совсем соответствовал празднику, зато было красиво. Был Флаг Открытия, и Женька со шпагой стоял у него на посту.

Мы решили идти в поход на 15 дней. По реке Томи отошли на 45 км от города. Взяли с собой три «Оптимиста» и моторную лодку «Днепр» (нам ее подарили спасатели). Стояли лагерем на берегу реки, жили в палатках, ходили на яхтах, ловили рыбу, играли в разные игры.

И вот наступил день возвращения. Семерых отправили на теплоходе, а остальные начали сплавляться. Светило солнце, и дул попутный ветер. Но километров через 15 пошел дождь. Яхты заливало, отчерпывали кружками и чашками (черпак остался один, остальные уплыли). Один «Оптимист» на скорости наскочил на мель — вырвало

грозно вопрошает командор флотилии. Он сегодня настроен сумрачно: во-первых, явно не хватает сурика для грунтовки судов; во-вторых, болит недавно сломанная нога — приходится прыгать со сколоченной здесь же клюкой, изображать одноногого Сильвера. Это дает повод к острословию среди юных матросов и подшкиперов. Некоторые предлагают сразу отпилить ногу, чтобы «меньше было возни».

— Зачем она? Ты же не ногой книжки пишешь.

Авторитет писателя и члена редколлегии журнала «Пионер» не спасает Владислава Крапивина от шуточек со стороны подчиненных. Но сейчас, перед строем, командор есть командор. И «фигура» — Матвей Пищальников, сияя невинными глазами, вытягивается в струнку.

— Явился добровольцем! Можно, я сегодня тоже поработаю?.. Ну пожалуйста...

Когда строили «Экватор», Матвей «вкалывал» каждый день и даже получил за это звание подшкипера.

— Мало тебе? — ворчит командор.— А кто уроки будет делать?

— Я уже́! — заверяет Матвей и пробирается к верстаку. За ним просачиваются другие добровольцы.

На первый взгляд строительство яхт в «Каравелле» — это сплошной кавардак. Кто-то что-то тащит, приколачивает, устанавливает, кто-то сверлит, кто-то пилит. Кто-то мажет шпаклевкой шпангоуты и стрингеры скелета яхты и не забывает мазать себя. Звенит дисковая пила, воют дрели, шипят рубанки (в коридоре бригада Димы Стражникова строгает мачты). Пахнет горячей олифой для пропитки фанерной обшивки.

— Кто дежурный по олифе? Дым уже идет!

— Кто опять мой молоток стащил?

— Шурупы в обшивку, быстро! Не эти, а «пятерку»!

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

И

Инструкторы «Каравеллы» — старшие командиры и специалисты в отряде. Имеют разные звания и специальности (флагман, капитан-инструктор, инструктор по морскому делу, инструктор по фотоделу и т. д.). Часть инструкторов с малолетства воспитана в «Каравелле», а часть попала в отряд уже в зрелом возрасте. Чаще всего это бывает так: человек неосторожно заглядывает «на минутку», «посмотреть», «в гости» и остается в отряде на долгие годы.

«Инструкторы тоже люди» — утверждение специалиста по фотоделу, студента университета Владимира Колесникова с целью разжалобить излишне активных членов редколлегии газеты «Барабанщики». Научного подтверждения эта фраза пока не нашла, ибо выносливость инструкторов явно нечеловеческая.

швертовый колодец. Причалили к берегу. Разожгли паяльную лампу и гудроном заделали дыру.

В Томск пришли в час ночи. До четырех утра затаскивали все в клуб (он стоит метрах в 300 от реки).

В августе было много работы в клубе. Перестелили полы, покрасили их. Выгонять нас пока не собираются, даже обещали расширить помещение вдвое.

Отряд «Странник», г. Томск (Барабанщики, 1985, № 53)

— Ура, братцы, «адмиралы» явились! Свежие силы!

Это появляются инструкторы. Инженер Саша Больных бегом примчался после работы с завода. Шофер Игорь Тимофеев — из геологического треста. Журналист Сергей Казанцев — из редакции. Только Боря Грехов здесь уже давно, с утра: он работает в «Каравелле» педагогом-организатором.

— Эй, педагог-организатор, дрель давай, фанера не держится!

Боря не обижается на не очень «педагогичный» тон. Он в «Каравелле» с тринадцати лет, старшие ребята помнят его еще «вот таким».

...Влетает вахтенный.

— Там опять соседка с третьего этажа звонит!

Соседка уверена: ребята собираются, чтобы безобразничать. Она утверждает, что они назло ей отчаянно колотят по батарее отопления. На самом деле это невозможно хотя бы потому, что батарея завалена досками и деталями корпусов. Но соседку не убедить. За двадцать лет жизни «Каравелле» пришлось работать в разных помещениях, и обязательно находились такие соседки. И жаловались, жаловались...

Опять влетает вахтенный.

— Звонит мама Лариски Гостевских! Спрашивает, скоро ли домой придет!

Лариса придет не скоро. В тихом «корабельном» классе, где тренажер со штурвалом и компасом, якоря, корабельный прожектор, девочки шьют паруса.

Парусной бригадой командует Анюта Мясникова. На ее счету не один десяток парусов, сшитых для наших прежних яхт, в том числе и для заслуженных двухмачтовых «мушкетеров». Но сейчас у Анюты сессия в университете, «парусными мастерами» руководит Лариса Коробицына, капитан эскадры «Атос».

Два наших юнкора, изображая настоящих (то есть ничего не понимающих в парусном деле) кор-

К

«Как только ваш сын (ваша дочь) записался(лась) в эту «Каравеллу», он (она) сразу стал(а) хуже учиться и вести себя вызывающе» — фраза, которой некоторые классные руководительницы пугают родителей наших новичков. Когда-то эта фраза оказывала определенное воздействие на мам и пап, но в последние годы практического влияния не имеет. Родители убеждаются, что говорят так те, кто об отряде не имеет ни малейшего понятия.

Капитан — одно из старших командирских званий в отряде. Звание присваивается человеку, обычно имеющему стаж в отряде не менее двух лет, права яхтенного рулевого и опыт командования экипажами. Кроме того, капитанами называют иногда командиров яхт, независимо от звания. Все капитаны и командиры, принимая на себя командование судном, подписывают такое обещание:

«Я, командир экипажа и судна флотилии «Кара-

Из архивного трюма

Я УПРАВЛЯЮ ПАРУСОМ

В первый раз я вышла на яхте, когда погода была хорошая и ветер нормальный. Меня посадили управлять стакселем. Когда я раньше смотрела парусные гонки по телевизору, мне казалось, чего ж тут трудного — парусом управлять. А на самом деле — нужна большая сноровка. Ведь после каждого поворота надо быстро бросать тот шкот, что был у тебя в руке, и хвататься за новый. Все это надо делать очень быстро, особенно при шквале.

Инна Кирьянова
(Барабанщики, 1982, № 52)

респондентов, пытаются взять у нее интервью:

— Скажи, пожалуйста, это очень трудно — шить паруса?

— Вы что, такие бестолковые, сами не знаете?

— Но это же для газеты!

Лариса, вздохнув, начинает объяснять, что сначала парус вычерчивают на полу, потом выкраивают множество деталей, потому что если парус сшить просто из одного полотнища, он уродливо растянется. Потом детали надо правильно и аккуратно сшить. Потому что если неаккуратно, то придется распарывать... Вот как сейчас, например... Потом надо искать в магазинах тесьму, кольца для люверсов, капроновый шнур. Потом ломается машинка... Потом...

Трах!!

Все кидаются в зал. Это разлетелся на две половины в наборе очередной яхты продольный брус — стрингер.

— Опять! Ну и древесина! Из чего строим...

— А ты что, красное дерево захотел?

Стрингер надо склеивать, запасных нет. Морской отряд из Первоуральска «Алый парус» помог стройматериалами, но на «ломку» никто не рассчитывал. Обломок поднимают с кучи стружек. Из-под стружек ошалело выскакивает маленький вахтенный Сашка Брусницын. Хватает веник и набрасывается на стружки, как ястреб на цыпленка. У него свои заботы — вовремя убрать мусор. Недаром у нас говорят: «Половина работы — это уборка».

...Динь-дон! Сигнал.

— Стоп! Всё выключить, всем тихо! Срочное сообщение! Звонили из «Пионера», просят быстро подготовить коллективный материал на тему: «Что такое творческий труд?»

— У-у-у! А строить когда?

— Решайте. Причем творчески... Короче говоря, надо найти материал, пригласить для беседы мастера своего дела...

— А спать когда?

К

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

велла», принимаю ответственность за вверенных мне людей, судно и судовое имущество.

Я обещаю, что в плавании и на берегу всеми силами буду охранять и защищать своих товарищей, младших по возрасту и званию, от случайностей и небрежности, которые могут повредить им, а также от злого умысла и действия непреодолимой силы».

«Каравелла» — наш отряд. А точнее — отряды, так как пресс-центр и флотилия обычно разбиты на несколько подразделений. Полное название: «Каравелла» — пресс-центр и парусная флотилия имени А. П. Гайдара — пионерско-комсомольские корреспондентские отряды журнала ЦК ВЛКСМ и ЦС ВПО имени В. И. Ленина «Пионер».

Каравелла — старинное парусное судно (двух- или трехмачтовое, различных конструкций). На каравеллах сделаны великие географические открытия, впервые совер-

Из архивного трюма

СЛЕДЫ НА ЛАДОНЯХ

Шквалы в этот день налетали так, что паруса почти ложились на воду, и нам приходилось вывешиваться за борт, чтобы откренивать яхту. На повороте мы вовремя не перескочили на другой борт и яхта «хлебнула» немного, но зато было очень интересно. Я управлял стакселем, и во время шквалов приходилось так натягивать шкоты, что на ладонях надолго остались красные полосы.

Роман Романов
(Барабанщики, 1985, № 52)

Экипажи поворчат и с завтрашнего дня возьмутся за юнкоровское задание. А пока — снова включаются дрели, мелькают рубанки. И может быть всякое: заболеет ангинами сразу треть экипажа, застрянут где-то обещанные шефами доски, не окажется в магазинах нужной краски, сломаются во время фотосъемки для журнала аппараты, у кого-то потеряются листки с черновыми заметками, появится множество неожиданных хлопот. Но двух вещей не будет ни за что: срыва корреспондентского задания и задержек строительства. Материал уйдет в редакцию точно в срок, яхты встанут у пирса в назначенный день. Потому что так было с тех пор, как существует «Каравелла».

...И опять стучат молотки, звенит пила, мелькают кисти с суриком. Трещит еще один сломанный стрингер... И вырастает на стапеле корпус еще одной яхты. Здравствуй, новорожденный «штурман»!

...А среди этого шума, суеты, споров, горячей работы, звонов «рынды», положив руки на эфес шпаги, строго и неподвижно стоит у мачты с отрядным флагом часовой. Флаг поднят, жизнь идет.

Скоро волны и ветер, скоро весна. Скоро шестнадцать барабанщиков «Каравеллы» сыграют для флотилии сигнал начала навигации.

шено путешествие вокруг света. В честь этих небольших, но отважных кораблей назван наш отряд.

«Каравелла» — названия различных клубов, студенческих стройотрядов, ансамблей и т. п. Мы подозреваем, что названия эти все заимствованы у нашего отряда, потому что вышеупомянутые организации возникли позже нас.

«Каравелла» — мебельный гарнитур Харьковского мебельного комбината имени Щорса. К отряду никак не относится, но однажды едва не стал причиной несчастья. История такова. В мае 1981 года наши юнкоры ждали, когда «Комсомольская правда» напечатает их заметки о рейде по группам продленного дня. Командор в это время в больнице лечил сердце, изношенное в трудах и в боях за отряд. Праздничным утром 19 мая пришел ожидаемый номер «Комсомолки». Командор развернул его и на первой странице увидел крупный заголовок:

Лейся, песня, над волнами

УТРЕННИЙ ВЕТЕР

Когда прогонит ветер тишину,
Когда по ветру вытянутся флаги,
Взлетит звенящий корпус на волну
И стаксели упруго выгнут штаги,
Забудь береговую суету —
Теперь за руль и парус ты в ответе.
Тебя поднял в ладонях на лету
Проснувшийся июньским утром ветер.

С ветрами можно спорить и дружить,
Их можно и любить, и ненавидеть,
Но нет в них ни предательства, ни лжи,
Ни злобы, ни стремления обидеть.
У них своя задача на Земле —
Лететь над нашим миром неустанно.
В слиянии ветров и кораблей —
Древнейшее искусство капитанов.

Да здравствуют веселые ветра,
Которые летят по белу свету,
И тот, что начинается с утра,
Зовет навстречу радости и лету!
Становится он дерзок и упруг,
Он гика-шкоты вытянул, как струны.
И, брызги разметавши на ветру,
Расчесывает радуга буруны.

Кидается суденышко твое
На встречную волну, как на качели,
И такелаж натянутый поет
Басовою струной виолончели:
Сейчас пошла совсем иная жизнь —
Она законам суши не подвластна.
Ты знал, на что идешь,— теперь держись:
Во время шквала галс менять опасно.

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

К

«Крушение «Каравеллы»... Оправившись от очередного сердечного приступа, командор собрал остатки сил и прочитал материал. Оказалось, что речь идет о бракованном гарнитуре, а заметки ребят (колючие и зубастые) — на другой странице. Командор отдышался, сказал: «На́ фиг такую жизнь, помирать — так дома» — и под жалобные крики врачей бежал из больницы...

«Кардинал» — название моторной лодки «Прогресс», которая служит в отряде спасательным катером. «Кардинал» появился почти одновременно с яхтами «Атос», «Портос», «Арамис» и «Д'Артаньян», это подарок шефов. Известно, что в романе А. Дюма кардинал был очень нехороший человек и всячески вредил мушкетерам, а у нас — наоборот. Почему ему дали такое название — до сих пор загадка. Но наш славный катерок под номером СМШ-053 не обижается.

Костя Штыков,
восьмиклассник,
матрос яхты «Полюс»

СКАЗКИ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ОЗЕРА

Парусные гонки — это очень здорово. Я думаю, что человек, впервые участвующий в них, не забудет эти дни никогда. Не забыл их и я.

Впрочем, сначала были тренировки.

Я пришел в отряд летом 83-го года, уже после окончания парусной практики, и мой первый выход состоялся 29 июля на яхте «Полюс». Погода в тот день с точки зрения мореходной науки была «так себе». Ветерок лениво шевелил листья на береговых тополях. Яхты двигались еле-еле...

Рулевым на «Полюсе» была Лариса Захарова, первым матросом Слава Козлов. Вооружая яхту, они терпеливо объясняли мне, что такое стаксель-шкот и гика-шкот, чем наветренный борт отличается от подветренного, что такое «задать конец» и «откренивать». Видимо, от волнения я запомнил все это плохо. Когда яхту спустили на воду, я судорожно вцепился в оба стаксель-шкота так, что они натянулись, как гитарные струны, а сам стаксель прижался к мачте и стал совершенно плоским.

— Ты что, спятил?! — закричал Козлов.— Отпусти немедленно правый шкот!

Я отпустил. Ветер потихоньку заполнил оба паруса. Но стаксель начал трепыхаться.

— Держи его на грани заполаскивания,— сказала Лариса.

— А как это? — осторожно поинтересовался я.

Мне тер-рпеливо объяснили.

Вскоре я понял свои обязанности, научился держать шкоты и откренивать яхту при порывчиках ветра. И на поворотах вовремя увертывался от гика. Но однажды не уберегся.

К

«Кар-рамба!» — любимое выражение старых морских волков. В переводе примерно означает следующее: «Ах, кажется, я себя неважно чувствую» или «Извините, но, по-моему, вы неправы...» В 1982 году так именовалась газета во время летнего слета юнкоровского объединения «Звезда». Утверждают, что название родилось, когда главного редактора укусил в шею бесцеремонный комар... Было выпущено десять номеров. Газета пользовалась большой популярностью у читателей и особой любовью у лагерного начальства.

«Клинок и парус» — название киножурналов, которые выпускались в отряде с 1964 по 1981 год. В них рассказывается о всех делах «Каравеллы» — плаваниях и походах, праздниках и буднях, редакционной работе и встречах с друзьями. Сначала эти киновыпуски делались на 8-миллиметровой пленке, а потом на 16-миллиметровой. Сейчас журнал уже не выходит — вместо него каждый год снимаются большие хроникальные фильмы.

Из архивного трюма

КОГДА Я БЫЛ МАЛЕНЬКИМ

Этот случай произошел со мной, когда я, новичок, первый раз помогал разоружать яхту. Снял «форточки», швартовы, стаксель. Вместе с рулевым Геной Ходжаевым мы стали снимать грот. Я держал фал, а Гена расшнуровывал слаблинь. Потом Гена отошел, а я подумал: «Почему он слаблинь не отвязал?» И я решил обрадовать Гену. Отвязал слаблинь, свернул его аккуратно в бухту, и, когда мой рулевой вернулся, я отдал ему бухту со словами: «На, Гена, слаблинь».
(Примечание: слаблинь во время практики никогда не снимается с мачты. Чтобы закрепить его на место, надо забраться на самую верхушку мачты, а это очень нелегко).
Гена машинально положил бухту в рюкзак-«кису», но затем до него дошло. Он посмотрел на меня квадратными глазами и пробурчал что-то неразборчивое. Потом он пришел в себя и сказал:
— Привяжем, и больше не трогай!
Новички, изучайте и не путайте такелаж!

Паша Майоров
(Барабанщики, 1986, № 82)

В тот раз у «Полюса» было тренировочное задание — не доходя до острова Баран, обогнуть буй и идти в сторону плотины. Погода наконец-то была подходящая, «Полюс» шел быстро, рассекая форштевнем набегающие волны. Они гулко шлепались о борта, и этот звук расходился по всему корпусу яхты. Брызги сыпались на меня. От них оставалось неприятное впечатление — как будто в тело втыкали крошечные иглы.

Не доходя до буя, Лариса сказала спокойным голосом:

— Приготовиться к повороту оверштаг.

Я потянулся за правым шкотом. До буя оставались считанные метры.

— Поворот!

Стаксель-шкот я перехватить успел. Но тут гик, согласно законам физики, пошел к противоположному борту и крепко съездил мне по шее.

Меня поздравили с «парусным крещением» и еще раз терпеливо напомнили, что зевать на повороте нельзя: последствия могут быть самые разные — от синяков и шишек до перевертывания судна. На этот раз все обошлось, если не считать, что шея болела целый день. «Но это пустяки. В следующий раз буду осмотрительней»,— решил я...

Для сухопутных жителей Свердловска погода в августе была прекрасной: ясные солнечные дни, дождя нет, ветра тоже. Но вот это последнее нас как раз и не устраивало. И наконец-то повезло не сухопутным жителям, а нам: с северо-запада пришел сильный и плотный ветер. Правда, небо затянули низкие тучи, но мы так радовались ветру, что на небо не смотрели.

В яхте я устроился на своем законном месте — передней банке. И вскоре об этом пожалел. При первом же повороте, когда «Полюс», подскочив на набежавшей волне, с шумом плюхнулся с гребня, меня с головы до ног окатило не очень-то теплой водой. Рубашка и тренировочные брюки стали сразу — хоть выжимай. Я завистливо посмотрел на

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

К

Но старые ленты мы иногда достаем из архива и смотрим. Свою историю все должны знать.

«Колумб» — первое название отрядной киностудии. Под этим названием она успела выпустить два хроникальных фильма. Затем студия стала называться «FIGA» (см.).

Командор — высшее звание во флотилии «Каравелла». Присваивается только одному человеку — главному командиру всего отряда. Все годы командором «Каравеллы» является Владислав Петрович Крапивин, которого остальные члены пресс-центра и флотилии — флагманы, флаг-капитаны, капитаны, штурманы, подшкиперы, матросы и даже кандидаты — называют Слава. Это вызывает справедливое негодование у педагогов и методистов Домов пионеров. И у самого Славы, видимо, тоже, так как он несколько раз пытался уступить свое звание другим и уйти в отставку. Но совет «Каравел-

Из архивного трюма

НА РУЛЕ

(Репортаж с кувырком на Саню)

Куда, куда стремитесь вы, безумцы!..
(Из древнего юмора)

Подумав хорошенько, я решил, что справлюсь с этим делом. Тогда я пошел и устроился на корме «Экватора». Меня сопровождал мой экипаж — Миша и Саня. Они же выполняли роль инструкторов.
Саня сказал, что труднее всего приводиться. Он ошибся. Я очень хорошо привожусь, несмотря на полное отсутствие опыта (КУДА привожусь — это уже детали). Яхта писала «восьмерки», и писала их очень скверно. Для того чтобы усидеть на месте во время крена, от меня требовалось очень многое и всегда что-нибудь прямо противное правилам. Дабы избегнуть погрешностей, я посадил Саню на подветренный борт, а Мишу на ветер. Налетел шквал, и я свалился на Саню. Чтобы не было обидно никому, я поменял матросов местами, а сам сел на подветер. Ветер стих, и я опять упал на Саню. Наконец я пересадил его на слань, и уж не знаю каким образом, но опять свалился на Саню.

Лариску и Славу: до тех, кто сидит в кормовой части яхты, брызги почти не долетают.

Во время перерыва я бросился переодеваться. Но тут столкнулся с проблемой: что надеть? Запасная одежда, конечно, была, без нее на практику не ходят. Но при такой волне и она через пять минут станет мокрая насквозь. А ходить сегодня на яхте в «купальном виде» — не та погодка! Ветер обжигает холодом, и брызги летят, как пули из ковбойского кольта...

Ковбойского? Ура!.. Я вспомнил, что есть еще один костюм. «Каравелла» в те дни решила снять новый фильм «Вождь краснокожих». Я играл одного из жителей дикого Запада и к этому времени приготовил соответствующий наряд: плотные джинсовые штаны и куртку с бахромой на швах, кожаный пояс с кольтом и мамин головной платок вместо галстука. Этот костюм (кроме кольта, конечно) я и надел. Бахрома трепетала на ветру, как перья в петушином хвосте. Мой живописный вид вызвал остроумные реплики у ребят. Но я не обращал внимания. Конечно, к концу дня ковбойский наряд тоже промок, но не так сильно. А главное, на берегу я переоделся в сухое и домой пошел во вполне приличном виде. По дороге Слава сказал мне:

— Не везет тебе, Костя. С тех пор как ты записался в отряд, ни разу не было приличного ветра.

Я вспомнил волны и брызги, передернул плечами и робко спросил:

— А сегодня?

— Сегодня так себе...— невозмутимо ответил Слава.— Бывает гораздо лучше.

То, что «бывает лучше», я узнал на следующий день. Нет, на Верх-Исетском озере не появились цунами и девятого вала тоже не было. Однако погода в этот день решила выдать все запасы ветра, которые экономила раньше. По озеру шли волны с пенными верхушками. Небо выглядело как в кино про кораблекрушение. В снастях свистело. В дополнение ко всему навстречу (обязательно на-

---

К

лы» не отпускает. В свободное от отрядных дел время В. П. Крапивин пишет детские книжки. Некоторые «знатоки» литературы и педагоги утверждают, что он «завел себе отряд, чтобы списывать с него своих героев». Это неправда. Во-первых, отряд появился, когда первая книжка была уже написана. Во-вторых, командор утверждает, что списывать бесполезно: книга получилась бы такой ужасной, что никто ее не решился бы напечатать. Но это он, наверно, шутит...

«Красный кливер» — одна из отрядных газет в конце семидесятых годов. Пришла на смену газете «Петушок» (см.). Много вопросов уделяла отрядной дисциплине и, видимо, поэтому дожила только до 32-го номера.

«Крузенштерн» — так ребята назвали младшую группу отряда в 1967 году, когда несколько юнкоров побывали в Севастополе на четырехмачтовом учебном паруснике с таким именем (судно названо в честь знаменитого

Когда научишься сидеть на руле, можно учиться выбирать путь. Я выбрал безлюдное, тихое пространство. Конечно, идти без моральной поддержки труднее, а Саня почему-то притих. Но я крепился. Во время поворота мне здорово досталось гиком, и я упал на Саню. При следующем повороте мы наскочили на буек, но Саня успел отодвинуться. Зато какой-то дяденька в лодке обещал побить меня веслом. Я вежливо отклонил это предложение. Когда мы шли курсом «фордевинд», хотя Саня уверял, что это «бейдевинд», мы догнали Диму. Предусмотрительный Миша начал Диму извещать о нашем приближении:

— Налево! Сворачивай налево!

Дима повернул.

— Нет, нет, направо! Стой! Не туда! Налево! Направо! Налево... право... лево... пра... Стой, где стоишь, не то тебе крышка! (И т. п., см. рассказ М. Твена «Укрощение велосипеда».)

Тут я врезался Диме в корму и вывалился бы за борт, если бы не упал на Саню. К пирсу я подошел в качестве пассажира.

...Но я еще поймаю того рыбака и перееду его, если он не исправится!..

Сёржик Аладжиков
(БНЦ, 1982, № 7)

встречу) летел мелкий дождь. Но на лицах рулевых было написано радостное нетерпение.

Именно сегодня начинались гонки, посвященные окончанию летнего сезона.

В этот раз на «Полюсе» был новый экипаж — рулевой Сержик Аладжиков и матрос Шура Палкин. Все заняли свои места. Для меня случай с мокрыми штанами не прошел даром — я устроился рядом с Сержиком, подальше от носа. Сержик сказал, что корма перегружена, нос будет задираться на ходу, но я для вида поелозил по палубе и остался на прежнем месте — брызги сюда почти не долетали. Я был рад. Но, увы, я еще не знал, что нам предстоит пережить сегодня.

Как только яхта отошла от пирса, я понял, что мне не придется сидеть на своем уютном месте, аккуратно придерживая шкоты. Именно сейчас я понял, что такое настоящий крен. Ветер давил на нас с такой силой, что подветренный край палубы временами уходил в воду, а наветренный борт задирался так, что видно было днище с килем и красным плавником шверта. Приходилось в буквальном смысле слова вываливаться из яхты, чтобы удержать ее в равновесии. Внутри оставались только ноги, которыми мы цеплялись за страховочные ремни. Выгибаться назад приходилось так, что моя макушка чиркала по воде. Я с горьким юмором вспомнил свои недавние надежды остаться сухим. Сержик, выплевывая воду, сказал, что вот это все и называется «морская романтика». Я отфыркивался... И, несмотря ни на что, мы шли первыми!

Далеко позади растянулись почти ровным кильватерным строем остальные наши «штурманы». Потом мы увидели, как «Горизонт» не выдержал шквала и лег парусами на воду. К нему помчался дежурный катер. Шурик заметил, что «пострадавшим» обеспечена мокрая одежда и последнее место в этой дистанции. Я хмыкнул: будто наша одежда сухая!

Потом и нас настиг настоящий шквал. Наверху тонко гудела мачта, яхта, почти лежа на боку, то

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

русского кругосветного мореплавателя). Группа была боевая, и к семидесятому году из нее выросли наши первые парусные капитаны.

Л

«Лесная звезда» — октябрятская группа, которая была создана в отряде в декабре 1966 года. Ребята впервые получили одинаковую отрядную форму и знаки различия. Именно с этой группы начался отряд — такой, какой он сейчас. «Лесная звезда» занималась охраной леса от пожаров и браконьеров, фехтованием, киносъемками. Через год она влилась в новую группу — «Крузенштерн».

Линейка — торжественное построение отряда, когда выносятся знамена, а барабанщики исполняют свои марши. Линейки проводятся во время праздников, общих сборов, перед началом парусной практики и после ее окончания и в другие важные для отряда дни. Первая

взлетала на гребни, то проваливалась между ними. Один раз она так нырнула, что я подумал: «Ну вот и мы вслед за „Горизонтом“...» Но мое пессимистическое настроение Шура Палкин разрушил одной фразой:

— Наконец-то приличная погода. Давно такой не было.

Скоро дождь и брызги мы перестали чувствовать. Зато у меня начали болеть руки. Во всем виноваты шкоты. При шквальном ветре они врезаются в ладони и оставляют на коже багровые полосы. Я вспомнил старую отрядную песню:

И пускай троса, шершавые, как рашпиль,
С непривычки новичкам дерут ладони!
Прогремит последний раз на баке брашпиль,
И корабль уйдет за сказками в погоню...

Брашпилей на маленьких яхтах не бывает, но «сказок» нам хватило. А главное — про троса́ все очень точно...

К вечеру на ладонях красовались пузырчатые бугры. За ночь боль ослабла, но на следующий день все началось опять...

С ободранными ладонями управлять шкотами трудно, они то и дело выскальзывают из пальцев. А на кисть их наматывать нельзя.

— Руку, что ли, из плеча выдернет...— проворчал я в ответ на замечание рулевого.

Сержик сказал, что руку не выдернет, а суставы в кисти вывихнуть может, если ветер рванет покрепче...

Яхты опять мчались над волнами, и пока «Полюс» никто догнать не мог. Мы лидировали! И вдруг я услышал резкий хлопок на носу. Оказалось, что из переднего угла стакселя с корнем вырвало оттяжку. Галсовый угол полоскал, парус морщился крупными складками. Я подтянул шкот. Не помогло.

— Еще немного осталось,— молвил Аладжиков.

Я приободрился. Но вдруг услышал какой-то

Л

линейка у нас была проведена 9 ноября 1965 года, когда журнал «Пионер» вручил отряду удостоверение юнкоровского пресс-центра. С тех пор эта дата отмечается у нас ежегодно и называется Днем первой линейки.

Линейка параллельная — штурманский инструмент. Служит для прокладки курса на морских картах. Состоит из двух линеек, параллельно соединенных шарнирами. Первая такая линейка была подарена флотилии экипажем парусной шхуны «Кодор» в 1970 году. В отряде эти инструменты используются не только для штурманских занятий, но также для вычерчивания деталей при строительстве яхт (очень удобно!) и для звонкого щелканья по голове (последнее не одобряется).

скрежет. Так и есть — со штага срывались раксы — крючки, которыми парус крепится к тросу. Стаксель замотался, как мокрая простыня на веревке.

— Что делать?! — крикнул я.

Шура Палкин опытным взглядом скользнул по штагу и с присущим только ему хладнокровием произнес:

— Сиди спокойно. Сейчас и так дойдем.

И мы дошли! Дошли первыми! Ура! Ну пусть руки болят! Все-таки от сказки что-то в самом деле есть в нашей парусной жизни.

Из архивного трюма

ЛНВМУ

Расшифровывается это так — Ленинградское нахимовское военно-морское училище. Именно туда я попал в июле этого года.

Даю полный отчет.

14 июля я вылетел в Ленинград, чтобы поступать в ЛНВМУ. Все экзамены (их было четыре) я сдал на четверки. Еще была медкомиссия и нечто вроде экзамена по физподготовке. Все завершала мандатная комиссия, на которой в зависимости от результатов решался вопрос о зачислении. У меня он решился положительно.

Через два дня всех нас остригли «под ноль» и мы поехали в лагерь училища, который расположен недалеко на озере. Практика на шестивесельных ялах прошла без происшествий. Мне было совсем не трудно, потому что хождение на яле — и на веслах, и под парусами — мы изучали в «Каравелле». И морские термины тоже. Один только день был похож на приключение: я стоял вахтенным на пирсе и дул жуткий ветер, а волны на озере — метра полтора. Меня чуть не сдуло, хорошо, что на пирсе была будка...

30 августа мы вновь прибыли в стены теперь уже нашего училища. Начались занятия. Сперва задавали мало, учиться было легко, но потом стали задавать много, и времени стало не хватать. Но недели через две-три я втянулся. А недели за две до отпуска даже стал отличником. Правда, через несколько дней мой средний балл снова пришел в норму: 4—4,25. В нашем училище, как и в «Каравелле», существуют наряды. Эти наряды двух типов — на работу и на службу. На работу — преимущественно после отбоя, а на службу — это заступаешь на сутки дневальным. Ночью два часа стоишь, четыре часа спишь и т. д. Вообще-то наряды — вещь веселая, особенно когда спать не хочется.

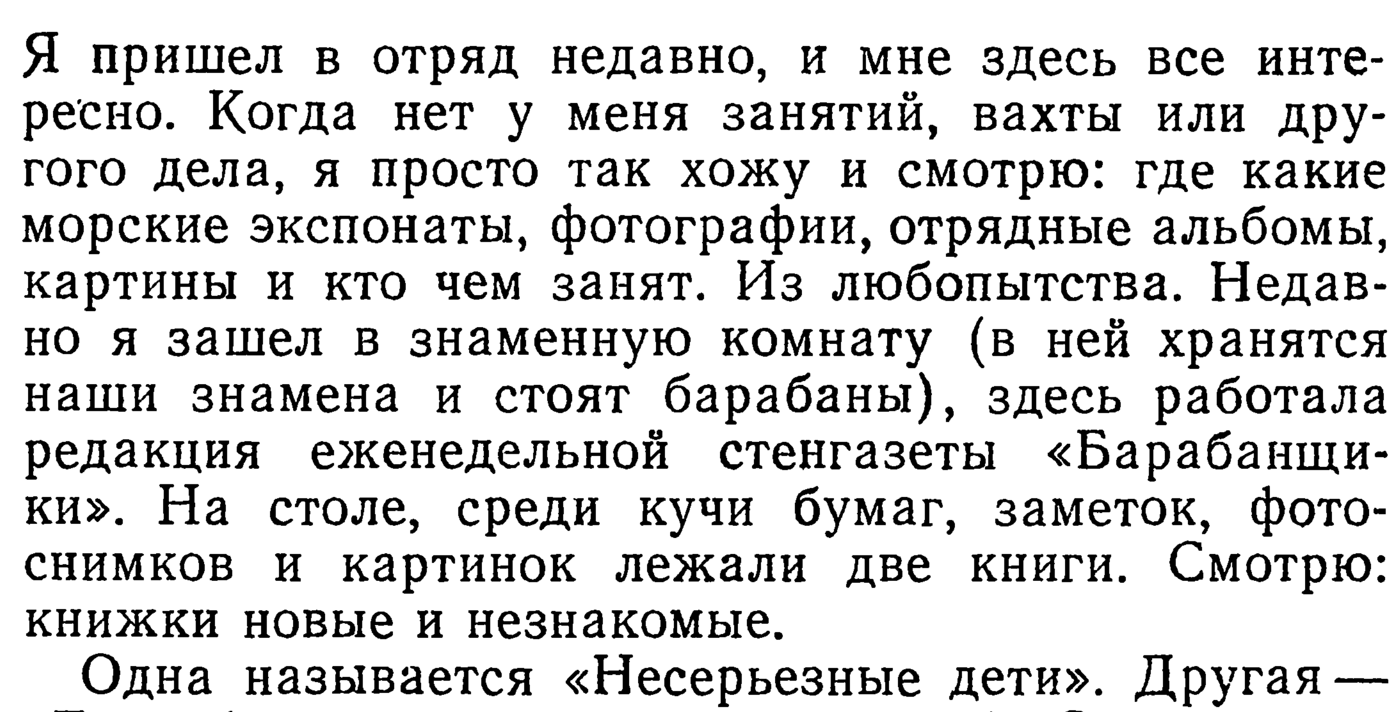
Теперь о форме. За формой надо следить. Все очень просто: не надраена пряжка или не почищены ботинки — в воскресенье в город не идешь. Вот так. Но драить пряжку я тоже научился еще в отряде...

(Бейдевинд, 1981, 22 нояб., № 100)
Слава Гулевич, нахимовец

Максим Седых,
матрос яхты «Полюс»,
семиклассник

КАК ЭТО НАЧИНАЕТСЯ...

Я пришел в отряд недавно, и мне здесь все интересно. Когда нет у меня занятий, вахты или другого дела, я просто так хожу и смотрю: где какие морские экспонаты, фотографии, отрядные альбомы, картины и кто чем занят. Из любопытства. Недавно я зашел в знаменную комнату (в ней хранятся наши знамена и стоят барабаны), здесь работала редакция еженедельной стенгазеты «Барабанщики». На столе, среди кучи бумаг, заметок, фотоснимков и картинок лежали две книги. Смотрю: книжки новые и незнакомые.

Одна называется «Несерьезные дети». Другая — «Если бы я был учителем», автор Н. Соломко. На корочке ребята в школьной форме нарисованы — летят по воздуху и хохочут. А писатель Н. Соломко для меня незнакомый... Я открыл обложку, читаю: «Наталья Соломко...» Сзади подошли ребята, заглянули через плечо, кто-то говорит:

— Ой, неужели это наша Наталья?

— Какая? — спрашиваю.

— Не помнишь, что ли?..

А откуда могу помнить? Я в отряде всего два месяца, ветеранов и выпускников, которые раньше занимались, почти не знаю.

Мне говорят:

— Наш фильм «Остров сокровищ» видел? Так вот, та самая Наташа, которая Бабушку пирата играла.

— А! — вспомнил я.— Про нее и старая кинохроника есть, да? Кажется, за семьдесят второй год. Как она между яхтой и пирсом упала. Брызги во весь экран.

— Но она не только этим знаменита,— говорят ребята.— Она кучу своих рассказов в нашем альманахе «Синий краб» напечатала. До сих пор как читаем — хохот стоит.

— В альманахе многие печатаются,— возразил Володька.— А в то, что она настоящей писательницей станет, мне как-то не верилось. Тут сил надо много...

Из архивного трюма

НЕ ОТВОДЯ ВЗГЛЯД

Однажды я вошла в отряд и первое, что увидела в коридоре, — фотовыставку. Отрядные фотографии старых лет. На них незнакомые лица — ребята тех далеких годов. Но сегодня они близко с нами — на этих фотографиях.
Улыбается Незнайка:
— Ну, как живете?
А Вождь краснокожих подбадривает:
— Не унывайте!
Добрые глаза теперешних ветеранов когда-то давным-давно улыбались фотокамере, чтобы теперь улыбнуться нам — «Каравелле»-85. Как смотрят они на нас — строго или одобрительно? А мы? Можем ли мы честно посмотреть в глаза своим предшественникам? Не отводя взгляд.

Наташа Ломоносова
(Барабанщики, 1985, № 63)

— Силы-то у нее хватает,— сказал я.— Вон как она в фильме на приступ крепости с лестницей на плече бежала.

— При чем тут лестница! Мы про другие силы. Ну, про эти, про творческие...

— Говорят, у нее еще одна книжка готовится. И в «Костре» рассказы печатались...

В это время раздался веселый вопль. Мы кинулись к ребятам, смотревшим книгу «Несерьезные дети».

— Что? Что вы там нашли?

— Во, смотрите! Алексей Усов и Сергей Языков!

— Это кто?

— Сергей инструктором в морской школе работает. Помните, высокий такой...

— А говорили, он студент...

— Он заочный студент, в Литературном институте.

— Алексей тоже там учится. Он прошлым летом на практику в «Уральский следопыт» приезжал. И женился.

— Это разве входит в практику?

— Да нет, это сверх программы... А рассказ у него как называется? А, «Дядя Ваня»...

— А Серегиным рассказом вся книжка названа...

— В классики выбивается народ,— сказал подошедший командор.— Валю Чемезову на областном совещании молодых писателей хвалили, повесть Гали Цветковой в журнале «Юность» напечатали.

— Старательный народ был...— как-то неопределенно сказал редактор «Барабанщиков».— А то бывают некоторые — ходят и ничего не делают.

Я начал быстренько продвигаться к двери, я эти трюки знаю. Сейчас редактор спросит: «Хочешь быть как настоящий писатель?» — «Ну... вообще-то я не против...» — начнет ничего не подозревающий новичок. И редактор, как опытный фехтовальщик, воспользовавшийся промахом противника, наносит

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

«Мева-2» — см. «Андрюшка».

Методисты — люди, которые иногда приходят в отряд, чтобы выяснить «методику работы». Они задают вопросы: «Дети, как вы учитесь? Сколько у вас в отряде «трудных»? Почему про вас говорят, что вы часто спорите со старшими? Почему вы вашего руководителя называете Слава? Нельзя ли посмотреть ваши методички?» (Оказывается, так называются разные планы и программы, как воспитывать детей в клубах по месту жительства). «Дети» охотно отвечают, что учатся они по-всякому, трудные у нас все (каждый по-своему), со взрослыми они не спорят, а наоборот, любят их и слушаются, Славу называют так потому, что полное имя у него Владислав и называть его Вовой или Сережей нелогично, а «методички» у нас есть только по морскому делу — например: «Маневрирование малых парусных судов в штормовой обстановке» или «Проведение такелажных работ при подготовке к летней учебно-па-

К ГЛАВЕ
3
КЛИНКИ
И ПЕРЬЯ

На деревянной стене нашей «морской» базы вывешивается свежий номер стенгазеты, которая продолжает выходить и во время практики (слева вверху). «Гвоздей» в газете много, острых, как клинки уктусских фехтовальщиков 1969 года (справа вверху). За эту остроту и наградили отряд литературной премией имени Льва Кассиля (справа). А перья нужны и на занятиях по морскому делу (внизу).

Из архивного трюма

КРАТКОСТЬ — СЕСТРА ТАЛАНТА

От редакции: Гаврину дали задание — рассказать о яхтенном походе, а он постарался сэкономить время и бумагу. И вот что получилось:

1. Как все хорошо начиналось.
2. Откуда взялись комары?
3. Кто и чем занимался на берегу.
4. Суп с комарами.
5. Почему мы не идем своим ходом.
6. Когда хочется пить.
7. Что значит быть вахтенным в походе.
8. Вечером у костра.
9. Привидения и их назначение.
10. КОМАРЫ В ПАЛАТКЕ!!!
11. Стрелковые соревнования на следующий день.
12. Дождь.
13. Возвращение.

Сережа Гаврин
(БНЦ, 1982, № 5)

укол: «Садись и пиши заметку в газету! Наши писатели с этого же начинали! Давай, давай».

Наверно, я слишком поспешно попятился, редактор меня заметил.

— Иди-ка сюда, Максим,— сказал он ласково.

...И вот я сижу за редакционным столом. Над чистым листом бумаги. Нет, не совсем над чистым. Я уже сделал первый шаг в классики — написал заголовок заметки: «Как это начинается...»

М

русной практике». Не надо? Жаль. Это очень интересно... Методисты сухо прощаются и идут рассказывать про «Каравеллу» своим коллегам. А трудные дети опять берутся красить яхты, готовить съемку ужасного пиратского фильма или сочинять материал для журнала «Пионер».

Митька — тряпичный заяц. Член отряда. Живет у командора, но приписан к яхте «Румб». Можно не верить в приметы и талисманы, но факт есть факт: без Митьки экипаж «Румба» всегда продувает гонки, а с Митькой почти обязательно приходит первым. Во время корабельных аварий Митька не раз страдал, лишался лап и глаза, но быстро возвращался в родную команду. После Митьки появились на яхтах и другие звери: тоже зайцы, а также псы, обезьяны и медвежата, но им до Митькиной популярности пока далеко. И опыт не тот...

Моряки — очень хорошие люди, друзья отряда. Они есть в Свердловской морской школе ДОСААФ и в Сева-

Наталья Соломко,
флагман «Каравеллы»,
детская писательница

УКТУССКИЕ «БОИ»

...Нам сначала это очень нравилось, особенно младшим: приходит журнал «Пионер», или «Пионерская правда», или «На смену!», а там наша статья или репортаж. И подпись: «Материал подготовлен юнкоровским отрядом «Ветер» (а потом — «Каравелла») в городе Свердловске». А то бывало даже, что имена наши стоят и фамилии. И фотографии помещены. Смотри сам, показывай знакомым, гордись (потихоньку, конечно). Но скоро, очень скоро мы поняли, что корреспондентская жизнь — совсем не сахар. Что у нее две стороны, как вообще у всей жизни на свете. И вторая сторона — та, что не сахар,— обходилась нам довольно дорого.

Ну, посудите сами: напечатанному материалу радуешься день-два, а пишешь его сколько! И сколько раз надо переделывать, чтобы безжалостная редакторская группа из старших ребят и командора, вздохнув, сказала: «Ладно, сойдет». Сколько надо учиться, чтобы потом уметь написать коротенькую заметку. На улице ясное лето, ребята на речку бегут, за окном шумит совсем близкий лес — а там и земляника, и заросли для игры в индейцев, и скалы для лазанья,— но юнкоры «Каравеллы» сидят в штабном полуподвале и пытаются постигнуть, чем расширенная информация отличается от простой, а газетная зарисовка от репортажа или заметки...

А когда увидишь свою подпись под заметкой, думаете, обязательно ждет радость?

Это смотря какая заметка.

Первым «пострадал за критику» Саня Бабушкин (потом он много раз в жизни страдал за нее). Нам уже приходилось вспоминать эту историю, мы даже рассказывали о ней в нашей первой книжке «Чем

Лев Сорокин, поэт,
председатель правления Свердловской областной писательской организации

УРАЛЬСКОЙ «КАРАВЕЛЛЕ»

Приветствие на празднике, посвященном 10-летию юнкоровской работы. Ноябрь 1975 г.

Не от пены волн,
От снега белый,
Далеко от всех морей Урал.
Но плывет Уралом
«Каравелла»,
О которой мир еще не знал.

Галстук пионерский —
Парус алый —
Наполняют ветры синих гор,
И стоит бессменно у штурвала
Десять лет бывалый командор.

Видит он ледовые торосы,
Видит рифов острые клыки:
И плывут безусые матросы
Всем штормам и бурям
вопреки.

А когда матросы едут гордо
В строгой своей форме
на Уктус,
То глядит на них с любовью
город,
Зная, что любой из них
не трус.

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

стополе, в Калининграде и Архангельске, в Ленинграде и Владивостоке. Они не раз были гостями отряда. Благодаря их помощи «Каравелла» оснащена морским имуществом и пособиями. И за всю историю «Каравеллы» не было случая, чтобы кто-то из моряков подвел отряд или отказался ему помочь.

«Морское дело» — так называется учебная программа нашей флотилии. В эту программу входит изучение устройства судов, управление парусниками, сигнализация, такелажное дело, элементы навигации — все то, что необходимо во время плаваний по малым и большим водоемам. Сейчас необходимо всем членам «Каравеллы», а в будущем — тем, кто захочет стать моряком или кораблестроителем.

Н

«Нептун Балтийского моря» — морская пионерская операция, которая проводилась журналом «Вожатый»

Было, «Каравелле» угрожали
Затхлые мещанские ветра,
Их встречали шпаги
не из стали,
А из чести, правды и добра.

«Каравеллу» не назвать игрою,
Это жизнь большая для ребят,
На нее и взрослые порою
С завистью хорошею глядят.

...Словно волны —
Над Уктусом крыши,
И трамплин над лесом,
Словно мол...
Жаль, что мне не сделаться
мальчишкой,
Я бы в «Каравеллу» к вам
пошел.

Чтобы ветры встречные ревели,
Чтоб кипели волны за кормой,
Чтобы в нашей дружной
«Каравелле»
Плыли мы и летом, и зимой!

крепче ветер». Но сейчас как не вспомнить снова начало «уктусских боев»!

Отряд впервые «показал юнкоровские зубки», когда вывесил в школе № 32 стенгазету «Тигренок Санька». Стихотворная строчка Маршака «Я тигренок, а не киска» стала в те дни летучим выражением. А заметка Сани Бабушкина «Искусство из-под палки» была посвящена «вечной проблеме»: школьному хору. Проблема эта известна всем, она и сейчас не потеряла остроты.

В журнале «Семья и школа», во многих газетах появлялись и появляются разъяснения работников Министерства просвещения, что хор — это кружковая работа, дело добровольное. Все это знают. Но у школьных дверей после уроков все равно дежурят грозные завучи и учителя пения:

— Ты куда? С хора сбегаешь? Честь школы не дорога? Давай дневник! Давно отметку за поведение не снижали? Сегодня же позвоню родителям!

Зачем это делается? Говорят, чтобы привить детям любовь к хоровому искусству и музыке. Только в это трудно верится. И честь школы тут, нам кажется, тоже ни при чем. Более правдоподобно другое объяснение: надо это для отчета. И чтобы руководитель хора не потерял в зарплате. И чтобы на каком-нибудь смотре добавили очко за «массовость». Иногда так и говорят тем, кто особенно противится хоровому пению:

— Споете на весеннем фестивале искусств, а там убирайтесь на все четыре стороны...

Вот наш Санька и написал еще в 68-м году, что петь — дело хорошее и приятное, но, как говорится, на любителя. А если насильно тащат в «артисты», то радости от искусства — никакой. А еще этот «зарвавшийся семиклассник» утверждал, что тащить и заставлять просто-напросто никто не имеет права...

Ну, конечно, громы и молнии. В роли громовержца — директор школы. Все, как положено: обещания всяких кар, разбор «поведения», конфискация газеты, вызов родителей... Но родители у Сань-

---

в 1969 году в городе Риге. Принимали участие отряды из Риги, Севастополя, Москвы и Свердловска. Операция включала спортивные соревнования по стрельбе, гребле на шлюпках, плаванию и т. д., военную игру «Черные пантеры», прибрежные плавания на учебных судах. «Каравелла» заняла там общее второе место, но отсутствие регулярных морских тренировок чувствовалось. Именно тогда и было решено строить свою флотилию.

«Новости Нептуна» («Нептон-ньюс») — специальный морской отдел в отрядных стенгазетах. В нем рассказывается о жизни на всех морях и океанах.

О

Отряд. Здесь все ясно. Про отряд — вся книжка. Но главное вот что: хорошо, когда отряд не один, когда у него много друзей.

Об отцах и дедах

Готовясь к празднованию 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, юнкоры «Каравеллы» провели экспедицию «Фронтовики в моей семье». Записи участников экспедиции публиковались в отрядной стенгазете.

ДОРОГА ШЛА ЧЕРЕЗ ВОЙНУ

Войну мой дедушка, Борис Иванович, а тогда просто Боря Саксонов, курсант Ленинградского военно-морского училища, встретил в учебном походе в Таллине. 22 июня 1941 года в три часа утра Борис сменился с вахты, а через 40 минут сонных курсантов подняли по боевой тревоге.
Было приказано срочно возвращаться в Ленинград. Когда корабли выходили из бухты, над Таллином показались военные самолеты. Фашисты! Началась бомбежка. Отбивая атаки, курсанты с болью оглядывались на горящий порт, пылающие баржи. Одна бомба упала на то место, где только что прошел их корабль. И в тишине между взрывами кто-то сказал: «Ребята, а ведь это война...»
Мой дедушка сражался в Эстонии, оборонял Ленинград. В 1944 году он на Черном море командовал торпедным

ки понимали, что к чему, и виноватым его не считали. Сам Санька имел пятилетний стаж в отряде и был флаг-капитаном «Каравеллы» — такого человека криком в учительской не заставишь изменить точку зрения. Тем более, что за Санькой стоял отряд — молодой, горячий и яростно верящий в свою правоту.

Обещанные кары на корреспондента Бабушкина так и не обрушились. А «крамольную» заметку мы напечатали еще раз — в пионерской полосе «Всходы коммуны» — тогда в газете «На смену!» как раз готовился первый выпуск этой страницы...

Да, юнкоровская работа поворачивалась к нам разными сторонами. Приятно, конечно, с бригадой «Пионера» участвовать в рейде по Подмосковью, в операции «Цветы на бруствере». Но вот разбираться с сердитыми тетушками в литовском городе Шяуляе, почему они пытаются помешать работе ребячьего клуба «Чайка»,— дело скандальное и утомительное. Интересно и весело писать репортажи о «Зарнице», о походах, о подшефных октябрятах в городе Полевском, о съемках фильма «Три мушкетера», но вот выясняется: в той же школе, где содрали со стены «Тигренка», некоторые учителя прибегают к весьма своеобразным «педагогическим методам». А проще говоря, к подзатыльникам, пинкам, дикому крику на ребят, а то и к публичным осмеяниям на линейке.

Сначала наши ребята думали: это так, отдельные случаи с уставшими, излишне нервными учителями. Потом — вопрос: «Ну, а не много ли таких «отдельных случаев»? И сколько их терпеть?»

Ох, как не хотелось лезть в это дело. Была замечательная весна, готовились походы, поездка в Москву, летняя спартакиада, палаточный лагерь на Исетском озере... Но что было делать? Уже тогда одним из основных пунктов отрядного устава считался такой:

«Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил.

О

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

«Орленок» — Всероссийский пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ. Наши юнкоры бывали в нем не раз. Впервые ребята из «Каравеллы» приехали туда в 1967 году и в дружине «Звездной» организовали пионерский пресс-центр. По последним данным, пресс-центр «Каравелла» работает там до сих пор.

«Остров сокровищ» — 8-миллиметровый двухсерийный фильм студии «ФИГА» (правда, серии по 35 минут). Содержание и герои этой киноленты напоминают сюжет и персонажей знаменитого романа лишь приблизительно. Появляются в фильме Бабушка пирата и ее послушный внук-отличник, которого приходится похищать, чтобы сделать юнгой. У Бена Ганна на острове оказывается внук. Эти ребята с Джимом Хоккинсом составляют дружную троицу, которая покидает остров, когда взрослые «герои» дерутся у сундука с сокровищами, убедительно показывая, что «джентльмены удачи» и просто «джентльмены» — одного поля ягода. А маль-

катером, высаживал десант на побережье Румынии и Болгарии.
После войны дедушка прослужил на флоте еще тридцать лет. Он ушел в отставку в звании капитана I ранга. У него много боевых наград: два ордена Красной Звезды, медаль «За оборону Ленинграда» и другие.

Сергей Малков

ПОДВИГ СОЛДАТА

О подвиге своего однополчанина — рядового Степана Щукина — рассказал мне дедушка.
...Взвод отступал под натиском фашистов.
— Идите дальше! Я прикрою! — крикнул Щукин горстке бойцов — это все, что осталось от взвода.
— Я с тобой! — обернулся Григорий Голенищев. Это был мой дедушка.
— Нет! Иди!
Степан выбрал удобное место на краю поляны. Отсюда отлично просматривалась вся равнина и берег речки.
Внезапно из-за бугорка показались три фашиста.
Степан приподнял голову, чтобы прицелиться. Но фашисты заметили его и дали очередь по кустам. На спину посыпались срезанные пулями листья и ветки...
Одной очередью Щукин уложил всех троих. Но тут же вынужден был переменить место, так как остальные фашисты обнаружили его.
С берега донесся шум мотоцикла. На этот раз Степану не удалось попасть. А

Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня».

Всякое бывало в отряде, и ребята бывали всякие, и грустные истории с нарушением устава случались. Но все же устав никогда не был просто словами. Каждый его пункт мы не придумывали сразу, в одно время на одном месте, а буквально выстрадали за первые годы отрядной истории. Например, параграф об отношении к оружию появился, когда какой-то легкомысленный балбес (так и не выяснили кто) оставил заряженной пневматическую винтовку, и Саня Бабушкин в походе пробил себе литой резиновый сапог. Хорошо, что пуля прошла с краю и не задела ступню... Ну, а пункт, что «вступлю в бой», тоже был включен в устав не для красного словца. Вступали...

И тут вступили. Это оказалось потруднее, чем в случае с «Тигренком». Пришлось подымать на помощь взрослых журналистов. Подняли. Добились своего. В школе навели порядок. Но нельзя сказать, что после этого все учителя полюбили юнкоров «Каравеллы». Поэтому нашего «Тигренка» мы в школе больше не выпускали. Вывешивали его в полуподвале на улице Прониной. Там был наш штаб.

Только покоя не было и в этом штабе. Потому что жильцам не нравилось, что полуподвал стал нашим. Шестиэтажный дом № 30, который возник незадолго до описываемых событий, назывался «самстроевский». Жильцы считали его чуть ли не своим собственным. В полуподвале, именуемом «красный уголок», поставили бильярд. По вечерам там толкались ребята и взрослые. По утрам уборщица выносила оттуда пустые бутылки. Домоуправление передало помещение отряду.

Вот тут-то и началось.

Некоторые местные жители, которые называли себя громким словом «общественность», ополчились на «Каравеллу». Почему? Из-за обиды, что выкинули бильярд и лишили «самстроевцев» «культур-

---

O

чишкам сокровища ни к чему! Для них гораздо важнее настоящая дружба и морские дороги. Об этом и песня из фильма.

Да здравствует остров сокровищ
За то, что к нему дорога
Лежит сквозь пенное море
И черные горизонты!
Да здравствуют дикие джунгли
И радуга в брызгах прибоя,
И крик попугая в чаще!
Но нам не нужны пиастры!

Пиастры, пиастры, пиастры!
А что с ними делать в море?
Не купишь на них ни ветер,
Ни чистые горизонты,
Ни белых стремительных чаек,
Тебя провожающих в поиск,
Ни звонкое золото солнца,
Что плещет в струе за кормою.

фашистские пули сбили с него пилотку и повредили автомат. Степана ранило в руку.
Автомат уже не мог стрелять.
В запасе остались лишь две гранаты-«лимонки». А сколько еще подойдет фашистов?
Уйти? Но фашисты могут нагнать взвод и уничтожить его. Нет! Степан решил, что не уйдет с этого места. Он метнул гранату. Мотоцикл перевернулся.
Через несколько минут послышался рокот мотора и лязг гусениц. Ломая ветки, на поляну выкатился фашистский танк. Взвод Щукина ушел недалеко, километра на два, на три. Если танк пропустить, он догонит солдат...
Степан Щукин, переползая от бугорка к бугорку, сжимал в руках «лимонку». Танкисты заметили Степана. Они дали несколько очередей из пулемета. Щукина тяжело ранило в ногу. С трудом, теряя сознание, Степан подполз к танку и швырнул гранату прямо в бак с бензином...
Степана подобрали местные жители. Они тайком от фашистов выходили его, а потом он вернулся в свою часть.

Виталий Голенищев

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ...

Это было в один из дней затишья. В маленьком деревянном сарае показывали кино. И конечно, по всем известному закону, на самом интересном месте моего деда и его

ного отдыха». Из-за того, что в отряде появились ребята с других улиц — «не наши». Из-за того, что отряд посмел критиковать школу, а среди ее работников были у местного населения близкие знакомые. Из-за сигналов горна и ребячьего шума на недалекой лесной опушке напротив подъездов. Из-за того, что в подъезде «ходят тут и топают». Из-за непривычного вида мальчишек в форме с якорями, нашивками и аксельбантами...

Дело не в причинах. Их, кто ищет, может найти всегда — те люди, кого определяют довольно точным словом «склочники».

Когда-нибудь ученые подробно разберутся в природе склочника. Как устроен у него мозг. Пока это загадка. Мы часто задумывались об этом. Сидим в отвоеванном в очередной раз полуподвале (или у Славы на квартире, когда нас очередной раз из полуподвала выставили) и стараемся понять: чего им надо, этим взрослым людям, которые так «беззаветно» воюют с пионерским отрядом? Почему они налиты злобой, как бутылки ядовитым зельем под самую пробку? Ведь столько сил, столько времени тратят! Наверняка больше, чем у себя на работе!

Потом поняли: им интересно. Такая война придает какой-то смысл их серенькой жизни. Цель появляется... И все же это не главное. Главное, что они боятся.

Они сами этого не понимают, но боятся. Им непонятны бескорыстие, увлеченность ребят и взрослых вожатых, их пугают непримиримый устав, умение дружить, стремление драться со всякой нечестностью. У обывателя и склочника все хорошее вызывает раздражение и страх. Потому что разбивает их привычные взгляды на весь белый свет...

Но вообще-то не так уж много было «активистов» в этой борьбе против юнкоровского пресс-центра. Человек десять. Остальные жильцы квартала с ними просто не спорили (конечно, кроме родителей наших ребят). Зачем ссориться с соседями

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Пиастры, пиастры, пиастры!
А что с ними делать в детстве?
Не купишь на них ни лето,
Ни смех товарища звонкий,
Ни ясную радость утра,
Когда по траве росистой
Сквозь солнечный пух тополиный
Бежишь ты навстречу другу.

Да здравствует остров зеленый,
Лежащий за черной бурей,
Вдали за семью морями,
За искрами южных созвездий!
Да здравствует смех и дорога,
Да здравствует море и дружба!
Да здравствует все, что не купишь
На черное золото Флинта!

П

«Парус» — средняя группа отряда в конце 60-х — начале 70-х годов. Ее ребята были самыми активными

друга вызвали к командиру. Командир сказал, что в лесу неподалеку приземлились два парашютиста. Надо проверить. А у дедушкиного друга как раз была с собой палка колбасы — подарок из дома. Куда ее девать? Ладно. Некогда. Так и пошли.
Когда они уже потеряли всякую надежду найти тех парашютистов, тогда и напоролись на двух немецких диверсантов, вооруженных до зубов. Схватился мой дед за кобуру — а там пусто. И у друга тоже ничего, автоматы в том сарайчике оставили... Тогда дедов друг берет свой подарок из дома наперевес и кричит: «Руки вверх!» Немцы с перепугу подняли руки.
Так и довели их друзья до командного пункта — с колбасой наперевес. Было темно, и не отличили диверсанты тонкую палку домашней колбасы от дула автомата. А когда пришли да увидели!.. Вот такую историю рассказал мне мой дедушка. Смешная история, а я думаю: лучше бы ее вовсе не было. Все-таки это была война.

Настя Глушко

ДЕВЧОНКА ПО ИМЕНИ ЖЕНЬКА

В войну моя бабушка служила во фронтовом госпитале. В части ее очень любили. Особенно к ней привязалась девчонка Женька. Ей было 14 лет, а моей бабушке 19.
Отец у Женьки погиб в 41-м,

по лестничной площадке и гаражу, с сослуживцами и «нужными знакомыми»? И при случае поддакивали. На собраниях охотно голосовали: выгнать «крапивинцев».

«Бои» шли на разных фронтах. Местная «молодежь» взламывала шкафы с отрядным имуществом, била стекла, срезала фалы на отрядной мачте у опушки, натравливала на десятилетних ребятишек своих псов и караулила «пионерчиков» по вечерам в переулках и подъездах.

«Педагоги» громили отряд на родительских собраниях и расписывали дневники ребят красными чернилами. Однажды прогнали знаменную группу «Каравеллы» с репетиции городского пионерского праздника.

Домовая «общественность» писала жалобы.

Сколько этих жалоб написано, мы сосчитать не можем. Да все их наверняка и не знаем. Знаем только — достоверно,— что писались они во все адреса: районные, городские, областные и московские. Начиная от домоуправления и кончая редакцией газеты «Правда». Если бы хоть одна жалоба хоть на один процент оказалась бы правдой, отряд, разумеется, следовало бы разогнать, а командора «Каравеллы» писателя В. П. Крапивина отправить в тюрьму.

Жалобы проверялись всякими комиссиями. Строгие тети, заранее поверившие, что «Каравелла» — организация вредная, а ее руководитель — «ослепленный ранней известностью, использующий приятельские связи с прессой и оторвавшийся от народа автор каких-то там книжонок», допрашивали девчонок и мальчишек. И те десятый и двадцатый раз объясняли, что бутылки на подоконнике — не следы пьянства, а остались из-под олифы после ремонта яхт; что расписывать нехорошими словами стены в подъезде нам нет никакого смысла: каждую неделю к нам приходят и приезжают гости из разных школ, клубов и отрядов, из разных городов, и нам самим стыдно принимать их в таком

П

работниками, когда строились первые суда нашей флотилии. Были первыми матросами и капитанами этих судов.

Парусная практика — то, чего ждет флотилия весь год. Самое лучшее время — время ветров и парусов. Начинается оно 31 мая и кончается 15 июля. Но это — по программе, утвержденной редакцией журнала «Пионер». А на самом деле в первое плавание парусники отправляются, как только от берега отойдет лед. Кончается навигация холодной осенью. Задач у отряда в парусной практике много: обучить новичков матросскому искусству, подготовить к экзамену на права новых рулевых, провести занятия со стажерами, которые приезжают в «Каравеллу» каждое лето из разных городов, снять документальный фильм, организовать парусные соревнования (причем не одни!), сходить в поход на яхтах... А еще помочь работникам базы в благоустройстве территории. А еще — отремонтировать

а мама осталась в далеком Ленинграде. Сама Женька отстала от поезда с эвакуированными и прибилась к санитарной машине, с ней и попала в госпиталь. Там познакомилась с бабушкой, которая учила ее санитарному делу. Понемногу девочка стала незаменимым помощником в работе.
Как-то раз бабушка уехала на передовую, и надолго. Женька очень скучала по ней. Ухаживая за ранеными, все вспоминала бабушку и, случалось, плакала. О Женьке заботились, ее любили, но бабушка все не приезжала.
И вот однажды к госпиталю подъехала машина. Женька, как всегда, выбежала во двор. Из машины вылез какой-то военный. Он подошел к девочке и попросил позвать Женю Гутареву. А когда услышал, что это она и есть, предложил ей поехать с ним в новый госпиталь. Женька, недоумевая, села в машину, и они поехали. Машина остановилась у одного из шатров с нарисованным красным крестом. Из шатра в расстегнутом белом халате выбежала моя бабушка. Она обняла Женьку и заплакала. Женька прижалась к ней и тоже зашмыгала носом...
...С тех пор прошло много лет. Женька выросла и стала уже Евгенией Васильевной. И моя бабушка уже бабушка. Они переписываются, дружат до сих пор. Кстати, Женька нашла свою маму и живет опять в Ленинграде. У нее у самой есть дочь и внуки, с которыми я дружу.

Лена Ходосова

свинарнике; что черный флаг с «веселым Роджером», замеченный тетями в уголке, сшит не для линеек и парадов, а для съемок фильма «Остров сокровищ».

— Приходите на премьеру — сами увидите!

Но ни строгие комиссии, ни местная «общественность» на наши киносеансы (где собирались мальчишки со всех окрестных улиц, в том числе и те, кто делал отряду гадости) не ходили. Зато они тут же отмечали: окна опять завешены черными шторами. Значит, что-то незаконное там творится, «от народа прячутся». И снова шел «сигнал».

Однажды ночью к дому № 30 лихо подкатила милицейская машина. Мужественные члены оперативной группы умело выставили окна и проникли в помещение «Каравеллы», чтобы на месте преступления поймать лиц, виновных в пьянстве и хулиганстве. А в штабе ночевали приехавшие к нам в гости московские юнкоры и их руководитель. Они даже не проснулись. Увидев мирно посапывающих на раскладушках ребят, оперативная группа без шума отступила. Наутро работники милиции позвонили руководителю «Каравеллы» и слегка виноватыми голосами объяснились:

— Нам сообщили, что у вас в клубе ночная пьянка и другие безобразия...

— А кто сообщил?

— Ну откуда же мы знаем...

— Так постарайтесь узнать.

— Видите ли, у нас есть дела поважнее.

— Выходит, с пьянками и безобразиями надо бороться, а с клеветниками — нет?

Работник милиции помолчал и положил трубку.

...И снова шли в разные адреса жалобы. И снова уехавшего из Свердловска командора «Каравеллы» капитаны телеграммами и звонками требовали назад. И мчался Слава то из Севастополя, из отпуска, то из Белоруссии от безнадежно больного отца, то из Москвы, с международного совещания детских писателей. А что делать? Ведь вновь прибольшие шлюпки, которые до практики чинить негде — не влазят в помещение. А еще — много самых неожиданных работ на водной станции: то оборудование пирса, то ремонт яхт после бесцеремонного штормового ветра... И, между прочим, корреспондентскую работу прерывать тоже нельзя.

П

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

«Петушок» (а также «Петух», «Кочет» и даже «Пятух») — отрядная стенгазета, выходившая с 1972 по 1975 год. Вышло сто номеров. Они отличались лихостью в оформлении и разнообразием материалов. Именно в этой газете оттачивали мастерство выпускники «Каравеллы» — нынешние журналисты и молодые писатели.

«Пингвин» — стенная газета, которую отряд выпускал в 60-х годах к каждому новогоднему празднику. В ней печатались веселые стихи, сказки, фантастические рассказы. Название изображалось не только буквами, но и флагами Международного свода сигналов.

Из архивного трюма

ДО ВСТРЕЧИ НА УРОКАХ

У сотрудников этой редакции есть интересная способность — выуживать темы из воздуха. А в воздухе в это время ударили удивленные фразы: «Это что за граждане? Ой, я тебя не узнал! Ну, как дела?» — и тому подобное. Причиной всему — появление гостей-ветеранов.

Видите? Две гражданки вполне симпатичного вида прячутся, смущаясь, за углом. Это, между прочим, флаг-капитан Наталья Гарина (та, что стриженая, а в былые времена ее считали рыжей, чего сейчас не скажешь) и штурман Ольга Папкова. Личности довольно знаменитые. И в гонках, и в турнирах они занимали далеко не последние места. Гарина даже первое-второе. (Так что они только прикидываются солидными дамами, а на самом деле вполне нормальные каравелловки.) Правда, в отряде их сейчас редко встретишь. Однако в скором будущем возможны более частые встречи... где бы вы думали — в школе. На уроках английского языка или математики. Поскольку такую они избрали профессию. Гарина уже имеет опыт по

шла комиссия, грозят который раз «закрыть» отряд. Или объявился молодой и крайне «инициативный» деятель из райкома комсомола:

— Что это у вас тут за подпольная организация?

— Подпольная?! Отряд журнала «Пионер»! Разве вы не читаете пионерские журналы и газеты?

— Как ты разговариваешь со старшими! И почему ты в пионерском галстуке?

— ?!!

— Тебе наверняка больше пятнадцати лет!

— Во-первых, не больше. Во-вторых, я инструктор, вожатый...

— Кто тебя назначал вожатым? А устав ты знаешь? А ну-ка, ответь...

Или пьяный «общественник» врывается в штаб и газовым ключом пробивает голову одному из инструкторов. «Скорая помощь», милиция... Члены опергруппы умело скрутили хулигана и сунули в машину. «Одно хорошо,— утешаем мы себя.— Теперь-то все увидят, кто и как воюет с отрядом...» А наутро выясняется, что... во всем виноват отряд. Следователь сказал флагману отряда Ирине Мезенцевой, что намерен возбудить уголовное дело. Она, мол, со своими ребятами нанесла ни в чем не повинному человеку побои, причем лично била его стулом.

— Я бы и рада была,— в сердцах ответила Иринка.— Но посмотрите сами: как я могу? (Через три недели у Иринки родилась Катька — ныне барабанщица «Каравеллы».)

Вмешалось районное начальство. Разобрались. Хулигана оштрафовали не то на пятнадцать, не то на тридцать рублей. Но он ходил героем, соседи ему сочувствовали. А ребятам говорили:

— Всех не оштрафуете. Этого успели остановить, а другие до вас доберутся...

Нет, эти «деятели» не боялись наказания. Они «знали законы». Среди них были люди, которые умели придать жалобе тон справедливого возму-

П

Подшкипер — одно из званий во флотилии «Каравелла» (следующее после звания «матрос»). Подшкипер — это, как правило, человек с опытом, имеющий юнкоровский и матросский стаж. Он пользуется уважением и доверием, может командовать группой во время какой-то работы, а иногда, если есть у него права яхтенного рулевого, экипажем яхты.

«Последний марш» — одна из самых старых песен в отряде. Однажды в 60-х годах наступило трудное время, когда из помещения отряд выставили и вообще старались доказать, что он никому не нужен. Горнисты сыграли «Ветер с утра!» — тогдашний сигнал общего сбора, и отряд, прервав каникулы, занялся самыми активными делами. Устроили на Исетском озере палаточный лагерь, начали киносъемки. По вечерам у лагерных костров ребята сочиняли сказки и истории. Была и сказка о маленьком горнисте в осажденной крепости. Тогда же появилась и песня об этом отважном маль-

перевоспитанию «трудных подростков», причем не только в экипажах «Каравеллы», но и в детской комнате милиции, где она сейчас помогает. Кроме того, у нее и в школе есть подшефный восьмой класс, который, пожалуй, пойдет за ней на край света, уважительно при этом называя Натальей Станиславовной.
А вот появился... гм, скажем, «молодой человек». В лётной форме. Это же Андрей Зайцев, человек-легенда, неоднократный чемпион фехтовальных состязаний и парусных гонок. Когда он был маленьким, играл главную роль в отрядном фильме «Вратаренок Чип». Сейчас же готовится к лётной жизни и успешно прыгает с парашютом («Мощный пинок — и я вылетаю в открытый люк...»).
Так что года через два можете смело идти на урок и летать самолетами Аэрофлота.

Галя Лобастова
(Барабанщики, 1986, № 70)

щения, снабдить ее цитатами, высказать в ней заботу о подрастающем поколении. Они умели продиктовать хулигану юридически безупречное письмо для следователя — и хулиган превращался в невинную жертву. Они умели в плавных, правильно построенных фразах так обрисовать двенадцатилетних мальчишек, что те выглядели отпетыми правонарушителями. Этим фразам поначалу охотно верили. И очередная комиссия задавала отряду вопросы:

— Почему вы себя противопоставляете местным жителям? Почему не берете в отряд их детей?

Мы доказывали, что детей из окрестных домов в отряде полно.

— Да, но вот этот...

Мы объясняли, что «этот» исключен за обман. Все юнкоры сдавали зачет по фотоделу — сами снимали, проявляли, печатали, а этому милому и воспитанному мальчику (которому наверняка известно, что врать — нехорошо) его папа, преподаватель вуза, проявил пленку в институтской лаборатории. Интересно, как папа относится к шпаргалкам у студентов?

— А вот этот...

С «этим» было еще хуже. Ему верили, брали в походы и поездки, доверяли управление яхтой. А он тайком от отряда водил дружбу с местной шпаной. И однажды разболтал им, что готовится юнкоровский рейд и статья о хулиганах под названием «Сережа играет на трубе»...

— А эти два брата...

Два брата провели в отряде неделю. Днем они вместе со всеми оборудовали в лесу костровую площадку, а вечером привели туда компанию и все разгромили. В том числе и маленький обелиск с красной звездой, который ребята поставили в память о моряках, не вернувшихся из плаваний...

— Да, но вы должны перевоспитывать таких ребят!

Что тут можно возразить? Должны. Но сначала

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

П

чишке-трубаче. Название «Последний марш» ей дали потому, что беспокоила нас печальная мысль: «Живем, воюем, костры жжем, а не последнее ли это у нас лето, не последняя ли песня?» Отряд выстоял, и песня оказалась не последняя, а, наоборот, одна из самых первых. Но любят и поют ее до сих пор — этот суровый и немножко грустный марш о горнисте, не умевшем отступать:

Под ветрами нам плыть, по дорогам шагать,
Штормовые рассветы встречать.
Нам коней горячить, догоняя врага,
Карабины срывая с плеча...

Пусть проснется горнист,
Протрубит общий сбор —
Нам пора выходить на тропу.
Будет ветер и снег, будут пули в упор
И слова посвинцовее пуль.

И быть может, в траву упадем мы с тобой,
И рассвет не пробьется в ночи,

Из архивного трюма

МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ

Когда эсминцы и тральщики
Уйдут в штормовые воды,
Пусть вспомнятся им барабанщики,
Играющие тревогу.
И пусть капитаны знают:
На нашей уральской земле
Тоже растут капитаны
Будущих кораблей.

Такие строчки прозвучали со сцены. Ну и что же, что приветствие областной конференции ДОСААФ длилось всего несколько минут? Зато как здорово слушали наших ребят.
...Сашка и Олег кончили читать стихи. Выступили наши барабанщики. Я все время смотрел на командира Пашу Полюхова. У него температура большая, голова разболелась, но он не захотел оставить своих барабанщиков. Может, поэтому марш получился у них здорово.
В общем, наши ребята не подвели морскую школу и отряд на этой конференции.

В. Ветров
(Эспада, 1976, 12 дек.)

нужно перевоспитать их пап и мам. Так мы и отвечали. И нам говорили:

— Опять вы за свое! Снова критикуете взрослых!

* * *

...Мы прочитали то, что написано в этой главе, и спохватились: может быть, хватит? Сто́ят ли наши враги того, чтобы столько рассказывать о них?

Да, но написано-то всего несколько страниц, а продолжалась такая жизнь по меньшей мере девять лет — с 1967 по 1976 год. Девять лет — натянутые нервы, ощущение опасности, необходимость тратить массу сил не на какие-то полезные дела, а только на то, чтобы отстоять существование отряда.

Но все-таки дело не в нас. Мы-то выдержали. Дело в десятках и, может быть, сотнях других отрядов, которые возникают в разных городах и очень скоро гибнут под напором местных жалобщиков и всякого рода недругов. Сколько их, безвестно сгинувших «Бригантин», «Чаек», «Алых парусов», «Искателей»! Сгинувших потому, что отобрали помещение, потому что руководитель не выдержал напора всяких писем и «сигналов»... Во многих городах, во многих пионерских лагерях ребята поют нашу песню о барабанщиках: «Как бы крепко ни спали мы, нам подниматься первыми...» Но немногие знают, что написана эта песня в 70-м году, когда отряд очередной раз был на грани гибели, и что есть в ней такая горькая строфа:

Это слова прощания,
Это песня привета
Всем, кто шагал с нами рядом,
От ветра не щуря взгляд.
Горьким горнов молчанием
Будет память пропета
Всем сгоревшим отрядам —
Маленьким кораблям...

...Вот и сейчас, когда пишутся эти строки, в отряде раздался звонок. В Каменск-Уральском у

П

Но горнист никогда не сыграет отбой —
Не смогли мы его научить.

Мы учили его — если грянет беда,
Звать в атаку друзей за собой.
Наш горнист никогда,
никогда,
никогда
Не слыхал о сигнале «отбой».

Скоро день расцветет, словно огненный клен,
Голос горна тревожный певуч.
Поднимайся, мой мальчик: рассвет раскален —
Бьется пламя под крыльями туч.

Почетный командор «Каравеллы» — звание, которое присваивается самым надежным, испытанным и многолетним друзьям отряда. Тем, кто постоянно заботится об отряде и помогает ему. Наша история насчитывает пятерых почетных командоров.

Из архивного трюма

НАШИ ВОИНЫ

Многие выпускники нашего отряда прошли службу в рядах Советской Армии. Многие служат и сегодня. Заканчивает военно-морское училище в Ленинграде Слава Гулевич. Несет боевую службу в Афганистане один из первых капитанов «Каравеллы», ныне капитан Советской Армии Александр Бабушкин. В разных концах страны охраняют ее мирный покой Дима Стражников, Валера Сосновский, Юра Курмаев. Все ребята, приходя из армии, говорят, что занятия в отряде помогли им в нелегкой службе. Поздравляя их и всех мальчишек с праздником, желаем будущим нашим воинам так же поддерживать честь отряда на защите Родины.

Редакция
(Барабанщики, 1986, № 71, 23 февр)

юнкоровского отряда «Эврика» отобрали помещение. Но теперь у нас больше опыта и больше сил, мы не даем в обиду ни себя, ни друзей. Помещение «Эврике» вернули в тот же вечер. Отдали ключи со словами: «Зачем же так сразу — газета, корреспонденты?..»

А куда еще обращаться, если трудно? Мы юнкоры, и мы знаем справедливую силу советской печати. Именно это помогало нам в самые трудные дни..

В уставе «Каравеллы» есть слова:

«Я буду помнить, что если в трудном деле, в борьбе один на один с опасностью или бедой потерплю поражение, «Каравелла» придет на помощь. Если победа не по силам «Каравелле», помогут ее друзья».

Однажды Слава, которого по тревоге из поездки вызвали в отряд, поехал не в Свердловск, а в Москву. И пошел в редакцию «Правды». И там рассказал о нелегкой жизни «Каравеллы».

— Поможем,— сказала член редколлегии Таисия Владимировна Матвеева. И газета помогла. Жалобщики на какое-то время притихли.

А был случай, когда казалось — всё! Нет уже ни сил, ни нервов, ни желания продолжать работу. Отбой, ребята? И тут буквально с неба свалился (примчался на самолете) Валерий Гринберг, корреспондент журнала «Вожатый» с командировкой ЦК ВЛКСМ. И сказал кому надо:

— Имейте в виду: «Каравеллу» в обиду не дадим.

Затем, когда нависли очередные тучи, прилетел заместитель главного редактора «Пионера» Владимир Матвеев...

Да и в самом Свердловске были защитники: журналисты, писатели. Коммунисты. Те люди, кто знал нас близко, а не понаслышке. Кто видел все наши дела, был знаком с ребятами, понимал, зачем мы живем и работаем.

Спасибо им.

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

П

Евгений Иванович Пинаев — профессиональный моряк, художник и писатель. Плавал на промысловых и учебно-парусных судах по многим морям и океанам. Постоянный инструктор и художник «Каравеллы», автор многих стенных росписей и картин в отряде.

Захар Абрамович Липшиц — капитан дальнего плавания. Познакомился с отрядом в 1969 году, будучи третьим штурманом на парусной шхуне «Кодор». Не раз бывал в Свердловске, в гостях у «Каравеллы», очень много помогает флотилии в подготовке юных моряков. К моменту составления КЭК — капитан океанского лесовоза «Нарвская застава».

Ольга Петровна Крапивина (1904—1981). Работала в «Каравелле» с момента приезда в Свердловск в 1965 году до последнего дня жизни. Будучи педагогом по образованию, имея большой опыт руководства тимуровскими группами (в г. Тюмени), была постоянным наставником и опекуном всех ребят в отряде. Вела литературные занятия, готовила постановки. Ее квартира

РАЗНЫЕ БЫВАЮТ ЛЮДИ...

Часто случается так: заходит в отрядную «штабную квартиру» с улицы взрослый незнакомый человек. Оробев при виде вахтенного у флага, останавливается, потом смущенно здоровается с подошедшими командирами. Объясняет:

— Проходил мимо, посмотрел в окно. Так интересно у вас... Можно посмотреть?

Его водят по морским классам и кают-компании, показывают тренажер с компасом и штурвалом, подшивки стенных газет, комнату, где хранятся отрядные знамена и барабаны... Он нерешительно трогает штурманские инструменты, оглядывает стены с морскими картами и картинами и порой задумчиво, а порой чуть завистливо говорит:

— Да, хорошо у вас... А откуда у «Каравеллы» такое помещение?

Гостю объясняют, что «такое» помещение появилось у отряда не так уж давно: на девятнадцатом году его жизни. А до этого было всякое: полуподвалы, комнатки с печкой, а то и вообще ничего. И нужно было, чтобы первые капитаны отряда выросли, выучились, отслужили в армии и на флоте, пошли работать на большой завод, стали там авторитетными людьми и тогда убедили заводское начальство, что «Каравелле» нужны шефы, нужна зарплата для одного-двух инструкторов и главное — штаб. Заводские руководители оказались людьми понимающими и чуткими. Но без стараний наших ветеранов они про нас просто не узнали бы...

— А эти вот взрослые ветераны, они по-прежнему бывают у вас?

— И бывают, и помогают, и занятия с ребятами проводят. Особенно на парусной практике, где нужны люди сильные и опытные. И по журналистике...

— Значит, вы сами выращиваете своих инструкторов,— полувопросительно замечает гость.

П

на Уктусе фактически была вторым штабом отряда.

Евгения Ивановна Стерлигова — художница, участница многих отрядных дел, постоянный иллюстратор отрядных газет и альманахов, художник-оформитель при съемках фильмов, автор оформления многих дипломов и грамот «Каравеллы».

Евгений Алексеевич Медведев — художник, иллюстратор многих детских книг (живет в Москве). Постоянно помогает отряду в юнкоровской работе, автор трех выставок «Остров Робинзона», которые устраивались в отряде, и многих иллюстраций из жизни «Каравеллы».

«Приключения Незнайки» — фильм студии «ФИГА», выпущенный в 1967 году. В главной роли — Сережа Стадухин. В фильме рассказывается, как жили коротышки в Солнечном городе, как отправились в дальнюю экспедицию, попали в плен к злым муравьям-людоедам и как Незнайка выручил из беды друзей. Интересно то, что наша студия тогда впервые применила в работе ма-

Из архивного трюма

ЗДЕСЬ НАС ЖДУТ

В Свердловске есть областная детская больница, там лежат ребята из других городов. Ох и скучно им бывает! Друзей в Свердловске нет, никто их не навещает. И книг в больнице мало. Здоровые дети по улице носятся, свободе рады, а тут лежи себе, как Буратино, когда его папа Карло еще из полена не вырезал...
И все-таки нашлись у больных ребят друзья. Там работает молодой доктор Андрей Смирнов, который еще в студенческие годы бывал в «Каравелле». Вот он и пригласил нас выступить в больнице.
В каникулы мы поехали показывать в больнице фильм «Вратаренок Чип». На машине «медицинская помощь» заехал в отряд бородатый доктор Андрей и повез всех вместе с кинопроектором и книгами, которые собрали для больничной библиотеки (нормальные книги собрали: приключения, фантастику, всего 56 экземпляров).
В машине бородатый Андрей немножко повозился и поупражнялся в боксерских приемах с Матвеем Пищальниковым и Димой

— По-разному бывает. Есть такие, кто в отряде с детства. А случается, что приходит уже взрослый человек. Заглянет к нам разок, познакомится с ребятами, потом придет еще и еще. И наконец спрашивает: «А могу я что-нибудь полезное сделать для отряда?» Но это уже потом. А сперва просто так заходит, в гости, из интереса. Вроде вас...

Гость почему-то оглядывается на дверь и с сомнением произносит:

— Но, чтобы у вас работать, надо, наверное, очень любить детей...

«Дети», пробегая мимо, украдкой хихикают. Они-то знают, что «любить детей и курица умеет». А чтобы стать инструктором, этого мало. Надо еще многое знать и уметь научить других.

— Но остаются в «Каравелле» именно те, кому у вас нравится, не правда ли?

Это так. Но и здесь надо уточнить. Инструкторами делаются далеко не все, кому у нас нравится. Некоторым хорошо и весело с ребятами, а работать они не умеют. Вернее, и не стараются. Это люди, которые приходят в отряд, чтобы вспомнить собственное детство. Как бы снова окунуться в него...

— Разве это плохо?

— Это совсем не плохо. Но мало окунаться в детство, его еще надо беречь. А если, например, взрослый дядька, не имея парусного опыта, уведет тайком в плавание мальчишек, тогда что? В нем, видите ли, в самом проснулся мальчишка, и он решил поиграть? Причем настоящему мальчишке у нас такая мысль и в голову-то не придет, а «взрослому мальчику» кажется, что детство — это сплошные нарушения правил и запретов... Но это, так сказать, драматический пример. А бывает проще: понравилось студентке в отряде, она приходит и давай скакать с пятиклассницами на равных...

— Но вы же сами говорили, что инструкторы и ребята у вас на равных!

— Да. Но это прежде всего в работе, в серьезных делах. Впрочем, и поскакать можно. Но ин-

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

П

кеты и комбинированные съемки. Солнечный город, лесные заросли и муравейник снимали в помещении.

Программа отряда. Отряд пионерский, и во всех своих делах он следует Законам юных пионеров, Положению о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и направлениям Всесоюзных пионерских маршей. Но у каждого отряда есть свои характерные особенности, у «Каравеллы» тоже. Это морской корреспондентский отряд. Создавая его, ребята придумали три пункта программы, которые помогают нам в беспокойной юнкоровской и парусной жизни:

Открытие

Мир громаден, интересен, сложен и неспокоен. Каждый человек открывает этот мир для себя заново, как Колумб открыл Америку. Все знания, науки, сокровища искусства — как новые острова и континенты для тех, кто вступает в жизнь. Мы хотим знать мир, в котором живем, как можно лучше, глубже, шире. Мы назвали наш отряд «Каравелла»,

Пыхтеевым. Ну, они его быстро загнали в угол. А Слава ничего не мог сделать для восстановления дисциплины — его нарочно посадили в кабину к шоферу. Он только кричал Андрею в окошечко:
— Вот будешь теперь знать, как с ними связываться!
В больнице показали ребятам фильм. Им очень понравилось, даже несмотря на то, что наш старый проектор барахлил, а я устроил такой «салат» из ленты на магнитофоне, что ее потом полчаса распутывали. Ребята сказали: «Приезжайте еще». Ну, мы взяли и потом еще приехали. А бородатый Андрей теперь опять все время в отряд ходит. Говорит, до тех пор буду ходить, пока Матвея, Димку и братьев Шардаковых не перевоспитаю. Значит, придется ему ходить к нам до пенсии.

Сергей Казанцев,
инструктор отряда
(Бейдевинд, 1981, 22 нояб., № 100)

Примечание редакционной группы
«Перевоспитать» Андрей Смирнов никого не сумел и, видимо, поэтому остался в отряде инструктором, «корабельным лекарем» и даже артистом. В фильме «Вождь краснокожих-83» он играл роль незадачливого похитителя Билла.

структор всегда помнит, что мало только «радоваться детству». Он каждую минуту отвечает за отряд, за ребят. Он — один из старших командиров.
— Но ведь таких тоже надо воспитывать...
— Надо. Конечно, молодых инструкторов мы учим тонкостям командирской работы. Но смешно, когда взрослого человека надо учить не премудростям морского дела, а человеческим качествам. Причем «с нуля»!.. Бывают грустные случаи. Звонит какая-нибудь мама: «Возьмите на работу сына, он связался с нехорошей компанией, а у вас перевоспитается...» Но ведь поздно воспитывать, как маленького, человека, который по возрасту и по должности уже сам должен быть командиром...
— И все же пробовали?
— Да, но без успеха. Таких надо воспитывать по-другому, не в пионерском отряде... Впрочем, это опять крайний пример. А случалось и так. Вроде приживается в отряде «благополучный» человек. Даже с вожатским опытом. И с ребятами, казалось бы, нашел общий язык. А что-то не то... И потом оказывается, что он просто болтун. Пообещает и не сделает. Возьмется — и провалит. И вот работа запущена, дела трещат по швам... Грелся человек «в атмосфере веселой ребячьей жизни», а серьезности этой жизни не понял.
— Кто же из взрослых у вас все-таки работает?
— Те, кто думает прежде всего не о себе, а о ребятах. Старается, чтобы хорошо было отряду, а не «мне в отряде».
— И где вы таких берете?
Опять кто-то хихикает. И слышится реплика, что «падают с неба».
Может быть, так и есть?
Жила в Тобольске Наташа Смарцелова, работала закройщицей, потом учила в школе девочек домоводству. Прочитала в каком-то журнале про «Каравеллу» и приехала в Свердловск. Очень нерешительно спросила, не найдется ли для нее в отряде какого-нибудь дела?

потому что он, как корабль, который плывет к новым открытиям.

Становление
Настоящий человек не может быть в жизни зрителем. Он должен быть строителем и борцом. Чтобы стать таким, ему нужен настоящий характер. Воспитание характера — прямого, смелого, упорного — мы считаем важной задачей.

Вмешательство
Характер воспитывается не только лекциями и книгами. Он крепнет в делах. Мы — корреспонденты. Уже сейчас мы должны активно участвовать в жизни. Мы должны рассказывать людям обо всем интересном, полезном и важном, что знаем и видим. Мы обязаны вступать в борьбу, если встретим на своем пути несправедливость. Вмешательство в жизнь, активное участие в ней — наше главное правило.

Р

Рапира — спортивное оружие, с помощью которого ребята в отряде осваивают премудрости фехтования. На

Из архивного трюма

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ ПЕСНЯ

Как-то раз я ехала в троллейбусе и пела (про себя) свою любимую песню: «Все выше, и выше, и выше...» Рядом сидели толстая тетя и толстый дядя. Я неожиданно забылась и запела в голос. Дядя повернулся и уставился на меня, а тетя возмущенно сказала:
— Смотреть надо, куда поешь! Стало грустно и обидно. Но тут я снова услышала мелодию: «Все выше...» Она звучала печально, потом стала скачкообразной, не похожей на прежнюю. Я не знала, откуда взялась она. И тут я вспомнила слова стихотворения про наших летчиков в Испании:

Не трогай,
не трогай,
не трогай
Товарища моего...

Это была та восходящая мелодия. Все выше, все прозрачнее. Первые две строчки были готовы! Остальное мне хотелось сделать так: поднять вверх, опустить и снова поднять до самой первой ноты, с которой начиналась мелодия... И вот песня готова...

Галя Цветкова
(Петушок, 1974, 9 дек.)

— А что вы умеете делать? — поинтересовались у нее.

Умение кроить и шить — это хорошо, пригодится для парусов и киносъемочных костюмов. Но разве этого достаточно?

Она осталась на парусную практику и научилась многому: ремонтировать яхты и водить их в свежий ветер, оформлять стенгазеты и писать в них репортажи, руководить отрядными вахтами и устраивать с ребятами веселые праздники. А главное — быть командиром. Для этого надо было сперва доказать всем в «Каравелле», что она умелый человек и надежный товарищ. Другого ребята командиром не признáют.

Или вот Саня Палкин. Приехал из Тюмени поступать в институт, не повезло, а домой не вернулся. Как и Наташа, остался в отряде. Казалось бы, зачем им это? Далеко от дома, в общежитии, с маленькой зарплатой... Наверно, затем, что они нужны ребятам. И оставлять «Каравеллу» им нельзя, даже если приходится нелегко.

— А были такие, что оставляли?

— Увы... Причем не просто так оставляли, а с «объяснениями». Набравшись опыта, получивши все, что можно получить от «Каравеллы», вдруг заявляли, что «не согласны».

— С чем?

— Со многим... С жесткой дисциплиной, например. С тем, что ребята пишут критические материалы и лезут в споры, когда видят несправедливость,— это, мол, делать им рано... С тем, что от всех требуем прямого отношения к людям, к добру и злу. «Жесткие требования травмируют детские души»... А потом выяснялось, что все проще. Не в «детских душах» дело, а в собственных. Не хотят эти люди лишних осложнений в жизни. И трудно воспитывать прямоту в других, если сам где-то начал вилять... Зато там, где это выгодно, удобно, они и сейчас не прочь вспомнить, что были в «Каравелле».

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Р

первом же занятии новичку дают в руки рапиру и начинают обучать его основным приемам боя. Иногда рапирам приходится изображать и боевое оружие: в фильмах нашей студии героям нередко нужно защищать добро и отстаивать справедливость в поединках и групповых схватках, и клинки звенят, как в прежние «мушкетерские» времена. Эти клинки как бы вспоминают своих воинственных предков. Ведь не всегда рапиры были спортивным оружием. Вспомните сцену из романа «Двадцать лет спустя»:

«...д'Артаньян вскочил в седло легко, точно после недельного отдыха.

— Эй! — крикнул он Планше.— Мою боевую шпагу!

— А я взял придворную,— сказал Портос, показывая свою короткую, с золоченым эфесом шпагу.

— Возьмите лучше рапиру, любезный друг.

— Зачем?

— Так, на всякий случай. Поверьте мне, возьмите ее».

К ГЛАВЕ 4

ХОТИМ САМИ!

С этого снимка (слева вверху) начинается в «Пионере» отрядный материал о школьной форме. Острых проблем у юнкоров хватает (справа вверху): «Значит, взрослые всегда правы?..» Дежурная редакция (справа) проблемные заметки печатает на ярко-красной бумаге. А на снимке внизу — дискуссия, готовится очередной материал в «Пионер».

— Я прочитал у вас в газете заметку «Барабаны стучат непримиримо». Это о них?

— Да.

— А... что это за люди? Где они сейчас?

— Мы не называем их имен. Пусть... Кое-кто из них когда-то делал в отряде хорошие дела. Мы это помним. Но помним и другое и знаем, что от кого можно ждать... В общем, люди бывают разные. Но верных отряду — гораздо больше. Жаль только, что и они уходят.

— Почему?

— А что делать? Поступают на такую работу, где времени в обрез. Разъезжаются... Закончила факультет журналистики Анюта Мясникова. Володя Колесников, наш неизменный фотограф, тоже выпускник УрГУ. Пять лет обучал ребят фотоделу, а скоро уедет в обсерваторию, далеко от Свердловска. Надо возвращаться в Тюмень Сане Палкину — поступать в институт...

— Трудно вам будет?

— Скорее, грустно. Всегда грустно расставаться. А без командиров «Каравелла» не останется. В этом году у нас целая группа стала студентами, а с отрядом расставаться не думают... А потом смотришь — и прямо с улицы завела судьба хорошего человека...

Гость опять смотрит на дверь.

Разные бывают люди...

Диалог гостя и командора «Каравеллы» 7 мая 1984 года записал М. Конев, инструктор с 1980 года

Р

Редколлегия сменная — группа из шести-семи человек, на плечи которой ложатся заботы о выпуске очередного недельного номера отрядной стенгазеты. Срок выпуска группе известен заранее — за месяц, а то и за два. Времени, чтобы не спеша подготовить для интересного номера большие материалы — проблемные, литературные, морские, а также подобрать фотографии, рисунки, заголовки,— полным-полно. Его так много, что никто не испытывает беспокойства. А за три дня до выхода газеты начинается крик, звон, аврал. И тут на сцену во всей красе и грозной силе выступает редактор.

Редактор — очень вредный человек. Вокруг него всегда некоторый вакуум, потому что редактор никогда не смотрит на людей как на людей, он видит в них только авторов. И каждый, кто попадает ему на глаза, неизменно слышит: «А напиши-ка, дорогой мой, матерьяльчик в газету. Небольшой, страничек на пять...» И тут уж никуда не денешься, потому что отказываться от

Из архивного трюма

РЫЦАРСКАЯ НАУКА

Фехтование дается мне не очень легко. Когда смотришь бои «старичков» со стороны, кажется, все очень просто, а как сам возьмешь рапиру в руки... Хотя научиться этому трудно, я думаю, нет такого мальчишки, который бы не любил этот спорт. Шпага — оружие мушкетеров. Фехтование — рыцарская наука. А кто не хочет стать рыцарем? Я тоже люблю фехтование!

Вот прозвучал сигнал, и началось занятие. Как всегда, десятиминутная физкультурная разминка, потом раздали клинки. Наблюдая за нами, инструктор Боря Грехов не мог удержаться от улыбки. Особенно его веселили наши выпады. Он даже сделал несколько пародий. Теперь улыбались мы.

Начали изучение защит. Боря все популярно рассказал и показал. Мы немного потренировались, и Боря стал проверять. Он никак не мог убедить партнеров, что его не надо искать ни на полу, ни на потолке.

Мы крепились. Взять защиты хорошо почти никому не удалось. Но Дима Марков это сделал. И я не теряю надежды, что мне это тоже удастся.

Володя Кроткий
(БНЦ, 1982, № 10)

Андрей Игнатьев,
капитан флотилии «Каравелла», командир первой эскадры, семиклассник

ИЗ ОДНОЙ СТАЛИ

Не думайте, что во время «уктусских боев» мы только защищались. Для одного этого отряду и жить бы не стоило. Просто смысла не было бы. Мы, несмотря ни на что, жили весело и по-боевому. Спросите ветеранов отряда, они вам столько порасскажут!.. Ходили в походы — в сухопутные и «морские». Проводили военные игры — вроде операции «Черный остров», когда пришлось даже предупредить соседнее военное училище, чтобы ночью не поднимались по тревоге: на острове будут взрывы, пальба, шум настоящего боя и ракетные сигналы. Мы ездили к друзьям в Москву, в Севастополь, в Калининград. Снимали фильмы про Золушку, Незнайку, Остров сокровищ и Робин Гуда. Участвовали в морской пионерской операции «Нептун Балтийского моря» в Риге. Плавали на пароходе по Волге. Шефствовали над октябрятами. Охраняли лес от браконьеров и любителей костров. Устраивали спартакиады и парусные гонки...

А еще успели написать две книги о своих делах и друзьях, чтобы поделиться опытом с другими отрядами и пионерскими лагерями. О наших недругах там не упоминалось. Разве что вскользь, между строк. Не потому, что боялись, а потому что это было для нас все-таки не главным...

Конечно, когда я пишу сейчас «мы», это я не про себя, а про тех, кто был в отряде пятнадцать или десять лет назад. Сейчас эти ребята выросли. Пионерами мы их видели только в отрядной кинохронике: как они строгают первую мачту, как преодолевают «каравелльскую» полосу препятствий (с висячим мостом из волейбольной сетки), как рисуют заголовок «древней» газеты «Петушок». Но все

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Р

редакционного задания в отряде нельзя никому и никогда.

«Робин Гуд» — двухсерийный цветной фильм отрядной студии. Рассказывает о приключениях знаменитого предводителя вольных стрелков. Приключения примерно те же, что и в известных английских легендах, только все герои фильма — мальчишки и девчонки и в события часто вплетаются игры и сказка. Злой шериф в конце фильма оказывается не то колдуном, не то кощеем — он жутко скалит на Робин Гуда зубастый череп. И тогда уже не до игры. Маленький Робин Гуд, которого по-настоящему зовут Олежкой,— в отрядной форме и с настоящей саблей — кидается на врага и в бою срубает ему башку. И небо становится синим-синим...

Родители. Гости отряда и разные посторонние люди часто спрашивают: «А как к «Каравелле» относятся родители ваших ребят?» Вопрос очень странный. Ребята

равно они и мы — одно и то же. Отряд. Мы видим их на экране и фотографиях в такой же, как у нас, форме, с такими же ссадинами на локтях и коленях, с теми же обшарпанными боевыми барабанами. И кажется, они пять минут назад стояли с нами в одном строю на линейке.

Да и сейчас, когда они — такие здоровые усатые дядьки — приходят в отряд (иногда в военной форме, иногда с институтскими значками, иногда со своими сыновьями и дочками), они все равно такие же, как мы. На турнике кувыркаются. На них и верхом можно покататься. Можно сказать: «Ну-ка возьми скребок, надо днище у «Полюса» ободрать для ремонта...» А они канючат так же, как мы:

— Слава, можно мы посражаемся на шпагах? Ну маленько. Мы давно уже не пробовали...

— Вы бы еще ночью пришли! — рычит Слава.— Давно по домам пора.

— Мы чуть-чуть...

— Брысь! А то вклепаю по пять нарядов каждому...

— Ну, ладно... Ну, пять... А посражаться можно?

Потом звон клинков начинается. И свист. И мельканье. Ух и «режутся» на фехтовальной дорожке наши друзья-ветераны! Иногда даже завидно...

Но в общем-то не так уж завидуем. Мы тоже кое-что можем. Потому что фехтование у нас в отряде — это обязательное дело для всех. Любому новичку в первый же день занятий дают в руки рапиру:

— Смотри, как правильно держать...

В больших соревнованиях фехтовальщиков мы не участвуем. Разве что с юнкоровскими отрядами из других городов. Но «мушкетерская наука» нам все равно нужна. Для киносъемок — там у нас хватает всяких трюков. Для развития быстроты и подвижности — без этого на яхте далеко не уплывешь.

Р

Родители. Ребята поступают в отряд и занимаются в нем только с согласия родителей. Те родители, которые относятся к «Каравелле» плохо, своего сына или дочь туда просто не отпустят. А те, кто отпустили, всегда помогают отряду. Найти машину, чтобы вывезти яхты на базу,— обращаемся к родителям. Сделать ремонт в отряде — родители вместе с нами берутся за кисти и краски... Трудно перечислить все дела, где родители — наши лучшие друзья и помощники. И на отрядных праздниках самые желанные гости — родители.

Рулевой яхты — квалификация, которую получает член отряда, когда сдает экзамен на права яхтенного рулевого и получает удостоверение. Из состава рулевых назначаются командиры эскадр (каждая эскадра — три судна), первые и вторые командиры экипажей на яхтах. Но «командир» и «рулевой» — это все же разные понятия. Чтобы стать командиром, мало иметь удостоверение рулевого. Надо еще быть надежным человеком, таким,

Из архивного трюма

ДАВАЙТЕ ПОЗНАКОМИМСЯ

Вот мы и встретились. Познакомимся. Меня, нашу новую газету, зовут «БэНЦ». Только не путайте с тем самым бенцем, который кое-какие «рыцари» используют для знакомства с девочками: портфелем по спине — бенц!

«БэНЦ» — BNC по трехфлажному коду Международного свода сигналов — значит «атака». Так и переводится мое имя: «АТАКА».

BNC можно еще перевести и так: «Браво-Новэмбер-Чарли». Браво, «Новэмбер Чарли»! Браво, сигнал опасности! Значит, мы где-то нужны, атакуем, идем на помощь.

Расскажу о своих предках. Я имею в виду не родителей — редколлегию,— и вообще неправильно так родителей называть, ведь предки — это далекие пра-пра-пра...

И до меня в отряде выходили стенгазеты. «Тигренок Санька», «Красный кливер», «Петушок» — «Пятух»... Передо мной два года работал «Бейдевинд». Все они ушли не на пенсию. Просто у нас традиция: отработал сто номеров — уступи место другому названию. Вот так после сотого номера «Бейдевинда» мои родители схватились за

И еще — просто для характера. В самом деле! Когда подержишь в руках клинок, научишься им владеть, как-то увереннее делаешься. Не только на фехтовальной дорожке, а вообще. Во всей жизни. А нам уверенность обязательно нужна. Ну, и смелость тоже. В корреспондентской работе случается всякое. У нас в стенгазете была даже такая статья: «Клинки и перья — из одной стали».

Однажды «Пионерская правда» дала задание провести рейд по группам продленного дня. Под общим для всех отрядов названием «Как живешь, продленный день?»

— Ничего себе...— сказали ребята и стали чесать затылки.

Конечно, можно было просто «не заметить» такого задания в газете, как «не заметил» соседний юнкоровский отряд. А можно было поступить просто: зайти в пару школ и рассказать потом, как весело на продленке малышам, как они разучивают песни и танцы, как радостно ходят парами в столовую и на прогулку, любят свою воспитательницу и прекрасно готовят уроки. В общем, «тра-ля-ля» и «ладушки».

Но мы сами учимся в школах и знаем, как непросто с продленкой. Знаем, как во многих группах ребята выматываются от тесноты, шума, усталости. Как на самоподготовке ничего не решают, а сдувают задания у сильных учеников (а учительница довольна — все приготовили). Знаем, как многие эту продленку не терпят, но их заставляют ходить: иначе группа будет неполная и пострадает зарплата воспитательницы.

И сами воспитательницы, и завучи, и директора знали, что мы это знаем. Думаете, они всегда с радостью встречали в школах юнкоров?

Да зачем повторяться? Лучше прочитайте на следующих страницах две заметки, которые были напечатаны после рейда «Как живешь, продленный день?» в пионерской странице «Комсомольской правды» 19 мая 1981 года.

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

которому доверяют матросы и который чувствует ответственность за экипаж и судно.

С

«Свет звезды» — стенная газета, которая выпускалась юнкоровским объединением «Звезда» журнала «Пионер» на слете юнкоров в Свердловске в январе 1983 года. В ней ребята из разных городов обменивались опытом работы, вносили предложения, как сделать более активной деятельность юных корреспондентов в школах. Было выпущено два номера и готовился третий. В нем среди других материалов была помещена корреспонденция «Машина 00-73» — о водителе, который не довез до больницы и высадил перед заснеженным пустырем тяжело заболевшего мальчика и сопровождавшую его учительницу (шофер сказал, что ему надо везти на совещание начальство). Третий номер газеты не успели вывесить: он таинственно исчез со стола редакционной комнаты. Поиски не привели к успеху.

голову и стали ду-у-умать, ду-у-умать...
Идею предложил Сергей Новоселов, а затем под рык командора (шло строительство, и командор, как всегда, рычал) из тумана многих предложений прорисовались буквы BNC. И вот я говорю вам — здравствуйте!
Много событий произошло за время между сотым номером «Бейдевинда» и первым «БэНЦем». Мы отметили двадцатилетие отряда, и нас по-прежнему в упор не замечает горком ВЛКСМ. Вышел 19-й номер нашего альманаха «Синий краб», и ушел его временный редактор, а вслед за ним «увели» и самого «Краба» (люди! отдайте!). ЦК ВЛКСМ наградил Славу знаком имени А. П. Гайдара. Заканчивается, наконец, конкурс на лучший фантастический рассказ, и сегодня, может быть, Виталий Иванович Бугров, зав. отделом фантастики «Уральского следопыта», подведет итоги. Заранее поздравляем победителей! И главное событие, главнее всех главнейших — строительство. Лариса Коробицына, Сержик Аладжиков и Володя Шардаков поедут через неделю в Артек, на юнкоровскую смену. Их выбрал весь отряд. Они повезут с собой точную копию этого номера газеты — ее мы подарим Артеку.
Итак, будем работать вместе. Жду ваших атакующих, острых и метких, как шпаги, заметок.

(Передовая статья — БНЦ, 1982, № 1, 21 марта)

Почему его не всегда любят?

На общем сборе мы составили анкету из нескольких вопросов, чтобы задать их ребятам, посещающим продленку.

И вот перед нами 360 анкет из 25 школ. Стали мы их читать и увидели, что продленку не любят многие. Правда, ребятам в начальных классах группа продленного дня нравится больше. Так и должно быть, ведь они маленькие и иногда даже квартирную дверь открыть не могут. Да и родители волнуются. А вот начиная с четвертого класса 54 процента ребят ответили, что продленка им не нужна. И вот почему.

Во-первых, многие ребята надеются на продленку как на помощь в выполнении уроков. И очень часто зря: на продленке все шумят и мешают сосредоточиться. Приходится доучивать дома. К тому же ребята часто не могут выполнить домашнее задание, так как у них нет с собой нужных на завтра учебников.

Во-вторых, многие ребята на продленке скучают. Несколько месяцев подряд изо дня в день они сидят в надоевших за учебный день классах, играют в настольные игры, а потом под присмотром учителей гуляют в пустом дворе.

В-третьих, человек в группе продленного дня не может даже немного побыть наедине с собой! Там читают вместе, в кино идут вереницей, уроки делают сообща...

И наконец, продленка не учит самостоятельности! Ведь когда-нибудь мы станем взрослыми! Придется идти работать, поступать в институт, служить в армии. А что будет уметь человек, привыкший ходить только парами и выполнять лишь то, что ему приказано, который ничем не может занять себя и других, потому что никогда этого не делал?

Матвей Пищальников,
5-й класс

«Синий краб». Сначала в отряде появилась песенка с таким названием. В ней рассказывается о любопытном мальчишке, который всюду ищет таинственного синего краба, чтобы «просто так посмотреть и отпустить». Песенка так понравилась ребятам, что ее название они дали своему рукописному литературному альманаху, где помещали свои стихи, сказки, рассказы и даже повести. Первый номер вышел в 1972 году, а всего до 1986 года было выпущено двадцать номеров, не считая всяческих приложений и экстренных дополнений. Кое-какие выдержки из «Синего краба» приводятся в этой книжке.

«Сказка о мальчишках из картонного города» — фильм отрядной студии. Это киносказка о ребятах, поднявшихся на войну против злых и глупых законов, которые жестокий Канцлер установил в их городе. Сценарий создан по мотивам повести В. Крапивина «В ночь большого прилива». Фильм начали снимать в 1980 году, но

Из архивного трюма

ХРОНИКА

В прошлое воскресенье к нам приезжали подшефные третьеклассники из 145-й школы вместе со своей учительницей. Мы принимали их в пионеры. Командирская группа повязывала им галстуки. Их октябрятские звездочки прикрепляли на красное полотнище, которое будет висеть у них в классе.
Вместе с этими ребятами приняли в пионеры и нашего Андрюшу Грехова.
После линейки все пошли фотографироваться в лес.

(Петушок, 1975, 28 апр.)

И чтоб никто не догадался...

Как только учительница в школе услышала, что меня интересует продленка и я хочу провести об этом анкету, она сразу насторожилась: «Надо спросить разрешения у директора...»

Когда я рассказал об этом у нас в пресс-центре, отовсюду послышалось:

— У нас так же!

Оказалось, что из всех ребят, писавших ответы, 40 процентов ходит на продленку только потому, что их заставляют. Кого — мама, кого — классный руководитель.

Видимо, взрослые думают, что мы не читаем газет и журналов! А зря! Во 2-м номере «Семьи и школы» за этот год ясно сказано, что по закону продленка — дело вообще добровольное. Только учителю не хочется говорить это ребятам, потому что все тогда разбегутся. Вот они и смотрят строго на юнкоров, боясь, что кто-то узнает о «добровольности-обязательности» в их школе.

Дима Пыхтеев,
5-й класс

Конечно, насчет того, что «смотрят строго на юнкоров», в заметке сказано мягко и так, между прочим. А на самом деле... К одному из авторов даже специально приехала тетушка-учительница. Чтобы образумить: «Как ты смеешь критиковать порядки в родной школе!.. Не только в родной? Тем более!»

И при этом надо было выполнять задание: ведь мы сейчас были не просто четвероклассники и пятиклассники, а корреспонденты центральной газеты. И старались не для себя, а для важного общего дела. И надо было, как корреспондентам, оставаться всегда вежливыми и спокойными и в то же время проявлять настойчивость и решительность. И было иногда потруднее, чем в рапирном бою.

С

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

отложили: слишком сложной оказалась работа над характерами и показалось, что ничего не получится. Через четыре года недоснятую ленту извлекли из архива, просмотрели и увидели: а ведь что-то все же получилось! Тогда фильм решили доснять. И досняли с новыми исполнителями, потому что старые «актеры» уже выросли. И показали первый раз при встрече нового, 1984 года.

Стажеры — так называются ребята, которые приезжают к нам летом на парусную практику. А как их называть? Не «гости» же, если они работают наравне с нами, а некоторые даже состоят в отряде и у них есть командирские звания. Стажеры приезжают из разных мест: из Москвы и Первоуральска, Ленинграда и Каменска-Уральского, Киева и белорусского города Молодечно, Обнинска и Симферополя. Некоторые уже выросли, учатся в институтах, работают вожатыми, но отряд не забывают. Когда писалась эта заметка, в «Каравеллу»

Из архивного трюма

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В одном из номеров «БэНЦа» мы критиковали некую несознательную группу, состоящую из инструкторов семейного возраста. Эта группа частенько торчала в тамбуре входной двери, из-за чего сей тамбур стал называться «курятником» (не потому, что собиравшиеся там петушились, а потому, что там стоял табачный дым столбом). Те, кто входил в отряд, пролетали через «курятник» пулей, чтобы не отравиться.
Критика возымела некоторое действие. Один из инструкторов — С. Казанцев — бросил курить (надолго ли?).
Кто следующий? Не то опять выступим.

Редакция
(БНЦ, 1982, 7 окт.)

И в то же время — похоже. Клинки и перья — из одной стали...

Но критиковать, конечно, мало. Надо что-то предлагать, мы этот закон знаем, и вот я ходил среди ребят в школах, ходил по нашему пресс-центру и всех спрашивал: какая им нужна продленка?

Нужна такая, чтобы на нее хотелось идти. Чтобы отстающий мог там всегда найти человека, который объяснит трудную тему, поможет (но только когда надо!) выполнить домашнее задание. Чтобы нам можно было самим делать куклы и в специальной комнате показывать кукольные спектакли. Проводить КВН, соревноваться, готовить выпуски стенгазет. Чтобы ребята ходили на прогулку сами: кто хочет — играть, кто хочет — заниматься с подшефными малышами в ближнем детском саду или кто хочет — состязания устроить на спортплощадке. Чтобы тут же, в школе, можно было записаться в кружок в какой хочешь, и никто бы тебе не говорил: «Сегодня ты получил тройку и вертелся на уроке, ни в какой кружок не пойдешь!»

Хорошо, если на школьной продленке будут вожатые-комсомольцы, которые все понимают, с которыми все интересно. И побольше бы настоящих, нужных пионерам сборов, а не тех, которые ничем не отличаются от классного часа!

Когда я заполнил почти весь листок, один из наших ребят заглянул ко мне через плечо и сказал:

— Так это же не продленка получается, а настоящий пионерский отряд!

А я ответил:

— Вот и хорошо!

приехал Володя Глотов, выпускник Московского пединститута. На практике у нас он был в 1973 году. «Был всего месяц, а оказалось, что зарядка на всю жизнь,— признался он.— После этого и решил, что буду работать с ребятами». После института ему предлагали остаться в Москве, но он выбрал место учителя в деревне, в Псковской области.

Т

«Тигренок Санька» — первая регулярная стенгазета отряда. Отличалась веселым и зубастым характером (в соответствии с названием). В 1968 году заняла первое место во всесоюзном конкурсе стенных газет, проводимом «Пионерской правдой».

«Том Сойер» — яхта типа «кадет», второй парусник, самостоятельно построенный в отряде. Служил долго и надежно, на нем было воспитано немало парусных экипажей. Когда яхта обветшала, ни у кого не подня-

Из архивного трюма

КАК ДЕЛАЕТСЯ «СИНИЙ КРАБ»

(Почти по Чапеку)

— Трах!
Немая сцена.
Вокруг поверженного стола (он оказался трехногим) в невыразимых позах застыли работники редакции «Синего краба»-82.
На полу огромнейшая лужа. Сине-зеленого цвета (художник как раз рисовал море и необитаемый остров). А в луже... Ой-ей! Там, мигом превратившись в абстрактное произведение, лежит, развалившись на листочки, наш милый журнальчик, почти готовый «Синий краб»...
Почти весь перепечатанный, разрисованный, готовый отправиться в переплет...
Но в «переплет» попала редакция. Выход один — реставрация.
Паники не было. После небольшого потрясения решили считать это очередным приключением.
Ну, а чем кончаются такие приключения — известно всем. Это значит — беготня и крики «Каррамба!», бешено пляшущие над машинкой руки и бессонные художественные ночи... Не привыкать!
Случай этот обещает стать

СЛЕТ ЮНКОРОВ

Этот слет состоялся в Свердловске в январе 1983 года. Официально он считался областным, но на самом деле оказался гораздо шире — съехались ребята не только с Урала, но и из Калужской области, из Пятигорска, Симферополя, Череповца, Кировской области.

Были встречи, пресс-конференция, живые энергичные выступления по наболевшим вопросам юнкоровского движения, смотр стенных газет, юнкоровская учеба, фехтовальный турнир, где участвовали команды разных городов, выступления концертных бригад, встречи с журналистами...

Не все получилось, как было задумано. Не все отряды оказались согласны друг с другом в вопросах о работе юных корреспондентов. Да и некоторые взрослые, которые должны были помогать юнкорам в их делах, не всегда понимали ребят и помогали как надо. Кому-то казалось, что слет должен походить на обычное парадное мероприятие с докладами и линейками...

Но в трудностях закаляются характеры, а в спорах рождается истина. Ребята убедились, какая это громадная армия — юнкоры, и сколько важного могут они сделать. Юнкоровское объединение «Звезда», куда входит отряд «Каравелла», еще больше окрепло после слета и подготовило новые материалы.

В этой книге мы печатаем несколько выступлений наших ребят на слете.

Лариса Захарова,
штурман «Каравеллы»,
восьмиклассница

ГАЗЕТЧИК — ДОЛЖНОСТЬ БОЕВАЯ

Выступление на слете

Все знают, что когда проходят выборы пионерского актива, обязательно выбирают и редактора отрядной стенгазеты. Чаще всего этот несчастный человек сперва отказывается, потом обреченно вздыхает, но скоро успокаивается. Думает: «Ну и ладно. Газета дело такое — два-три выпуска к празд-

---

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Т

лась рука, чтобы разобрать или сжечь ее. Так и оставили на берегу. Ее подобрал хозяйственный местный житель, и корпус «Томика» еще много лет служил рыбачьей лодкой.

«Три мушкетера» — первый игровой фильм отрядной киностудии. Снят в 1966 году. Несмотря на солидный возраст, сохранился неплохо, и ребята смотрят его до сих пор.

«Трэмп» («Бродяга») — парусник типа «гафельный тендер». Был перестроен из старой шлюпки «ял-4». На нем ходил специальный экипаж, именуемый «трэмпачи», — инструкторы и взрослые друзья отряда. «Трэмп» давно рассыпался, а экипаж остался. Командует им ветеран отряда Сергей Новоселов. Мачта «Трэмпа» стоит на высоком берегу спортбазы. В дни практики и соревнований отряд поднимает на ней свои флаги.

фольклорным. Ввиду чрезвычайной остросюжетности. Но подобные вещи, только в меньших масштабах, происходили почти в каждой редакции альманаха. Лишь с некоторыми изменениями в списке действующих лиц и исполнителей.
Как делается «Синий краб»? Скоро узнаете, скоро восчувствуете. Если вас уже сегодня не бросает в дрожь при виде личностей с горящими глазами, скромно именующих себя «очередной редакцией». Если уж вы взвалили на себя (или на вас взвалили — что одно и то же) почетную обязанность — подготовить заметку для «Синего краба», то отступать вам некуда. За провал редакционного задания вас ждет небольшой воспитательный... разговор. И прочие приятные вещи. Причем возмездие придет в любом случае, независимо от вашего положения и роста.
Пример? Пожалуйста! Представьте себе лист альманаха. На нем — физиономия. Сияющая! С кучей веснушек. А рядом — подпись: «Гражданин, проваливший редакционное задание». И ехидные реплики: «А мы-то вам верили!», «Мы-то думали...» И крупно: «Стыдно, товарищ Крапивин!» Ну как? Вам уже страшно?
Вредность редакции измеряется в «крабах». Ветеран, набравший два «краба», уже опасен для окружающих. Самый опасный — главвред (извините, ред.) Он же — самый грамотный и ответственный товарищ. Наличествует могучая кучка художников — отчаянных

никам нарисуем, и сойдет». Разве не так? Разве мало таких вот газет — к Восьмому марта или Новому году, с громадными заголовками, цветами, елочками и каким-нибудь стихотворением (чаще всего списанным с календаря или из книжки)...

Зачем такие газеты? Зачем редакторы и художники тратят на них свое время?

Потому что считается: в отряде должна быть стенгазета!

Но если просто потому что «должна», потому что так полагается, ради формы, то лучше не надо. Потому что проку от нее никакого.

Настоящая газета — дело горячее и боевое. И юнкор — должность тоже боевая.

Правда, есть люди, которые думают не так.

Летом у нас был сбор юнкоровского объединения «Звезда» и мы жили в одном пионерском лагере. Мы-то жили ничего, все-таки спецотряд, свой режим, свои командиры. Но других ребят в лагере иногда просто было жаль, особенно младших. И кричали на них вожатые, и толкали, и скучища там была. Несколько раз наши ребята вмешивались, заступались за маленьких, а потом написали в свою стенгазету фельетон «Замки на качелях». Дело в том, что в 68-м году кто-то из ребят сорвался с качелей и с тех пор качели эти заперты большими замками. На всякий случай.

Старшая вожатая увидела наш материал и очень рассердилась. Вот тогда и состоялся с ней разговор, который мы вспоминаем до сих пор.

Вожатая сказала, что мы еще не доросли, чтобы критиковать взрослых. Ишь какие отыскались! Кто дал право?

— Мы юнкоры,— говорим мы.

— Мало ли что юнкоры! Юнкор должен писать то, что скажут взрослые. А потом взрослые решают, помещать это в газету или нет.

Между прочим, мы с грустью узнали, что эта вожатая работает в школе.

«Туготрон» — специальная стенгазета, выпущенная в 1968 году для участия в «Турнире смекалистых», который проводила «Пионерская правда». Награждена редакционным дипломом.

«Тяф» — специальная стенгазета младшей группы, выпущенная в 1966 году. Посвящалась замечательным ребячьим друзьям — Шарикам и Пиратам. Вместе с «Тигренком Санькой», «Пингвином», «Туготроном» и другими газетами тех лет она была одной из первых ступенек, по которым шагали наши юнкоры, обучаясь журналистским премудростям.

У

Устав отряда. Он рождался самой жизнью «Каравеллы», отдельные пункты появлялись после разных историй и случаев (иногда печальных и поучительных). Например, пункт об обязательности выполнения корреспондентских заданий был написан после того, как из-за каприза

любителей сюрреализма, кубизма и прочих видов абстрактной живописи. Все они с громкими басами и острым глазом (одним на всех). Как человек чаще всего попадает в художники? А вот как. Идет ремонт. Или строительство. Стоит человек у яхты и что-то царапает карандашом на непокрашенной палубе. Приглядишься — шедевр. Редакция тут как тут: «Вот и художничек!» Так открываются таланты.
Самое массовое заведение — техотдел. Все почему-то хотят постучать на машинке. Но лица, умеющие лишь «давить клопов» одним пальцем, здесь не принимаются. Даже на стажировку.
...Между прочим, из авторов «Краба» вышло немало известных творцов. Незабвенная Анюта Мясникова начинала в альманахе с ужасной «Баллады о гномоиде», а сегодня ее песнями озвучены почти все отрядные фильмы. Наш бывший бессменный главред Наталья Соломко стала детским писателем...
Бывает, гости удивляются: зачем вам еще и журнал? Не довольно ли еженедельной газеты? Маловато... Яркий пример тому — знаменитый газетный роман Виталика Голенищева «Шел Ёжик по дорожке», растянувшийся в длинном ряду номеров «Барабанщиков». Читаешь продолжение, а начало успело стереться из памяти...
Так что «Краб» — дело полезное во всех отношениях.

Галя Лобастова,
Лариса Захарова
(Барабанщики, 1985, № 43)

Вот мы и думаем: может, потому и мало настоящих пионерских газет в отрядах, что у многих взрослых такая точка зрения на юнкоров?

Настоящий юнкор — это тот, кто активно вмешивается в жизнь. Он старается рассказать ребятам про все хорошее и не должен проходить мимо плохого. Тогда и газета будет отражать настоящую жизнь отряда и дружины. Тогда она действительно будет нужна. Она будет настоящим голосом пионерской организации.

Иногда ребята говорят:

— А чего там отражать? Мы все вместе учимся, все на глазах друг у друга. Мы и так всё знаем, что у нас в отряде происходит.

Ну, начнем с того, что не всё мы знаем. Иногда очень мало знаем друг про друга. Потому и коллектив слабенький. А ведь у каждого из ребят — своя жизнь.

Один занимается в изостудии и получил премию на выставке рисунков.

Другой выступал в концерте своей музыкальной школы.

У третьего дома целая армия пластилиновых солдатиков и картонные крепости.

Четвертый строит большую модель парусника.

Пятый, оказывается, у себя во дворе устроил кинотеатр с диафильмами для младших ребят.

Тут можно сто примеров привести и даже больше...

Мы знаем наших товарищей по классу и отряду в основном только по школьной жизни. А как они дома живут? Есть ли у них братья и сестры? Где они были летом? Что любят и не любят?.. Даже дни рождения и то не всегда знаем. Газета про все это может рассказать. И не ради любопытства. Просто когда лучше знаешь товарищей, лучше и понимаешь их. Больше уважаешь. Интереснее с ними. И жизнь становится дружнее, и отряд — крепче.

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

У

одного третьеклассника пришлось отказаться от важной телепередачи. Окончательно устав сложился к 1971 году и сейчас выглядит так:

Устав пресс-центра и флотилии «Каравелла»

1. Ветер и волна не прощают никаких ошибок, и во время шквала учиться поздно. Учись морскому делу заранее.
2. На судне только один командир. Слово его — железный закон.
3. Ночью и днем, в любое время года, в любую погоду каждый из нас готов к выполнению задания редакции, пресс-центра и флотилии.
4. Я сделаю все, чтобы выполнить задание точно в срок.
5. Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня.
6. Я никогда не обижу того, кто меньше или слабее. Всегда буду помощником и защитником младшим товарищам.
7. Если мне когда-нибудь станет страшно, я не отступлю. Смелость — это когда человек боится и все-таки не сворачивает с дороги.

В стенных газетах нашего пресс-центра «Каравелла» мы стараемся рассказывать не только об отрядных делах, но о жизни наших ребят вообще, об их школьных проблемах, об их увлечениях. Даже появляется такая рубрика — «Кошкин дом». Это о разных животных, которые живут у ребят дома: интересно ведь — у кого собаки и кошки, у кого ручные мыши, у кого попугайчики или рыбы в аквариуме. Человек, когда он дружит с животными, как-то добрее делается...

Но, конечно, знакомство друг с другом — это только одна из задач стенгазеты. Даже не самая главная.

А самая главная — это организация отрядной жизни. Не все сложные вопросы и не каждый день можно обсудить на сборе. А в газете можно поставить этот вопрос как следует. Обдумать его и взвесить. И заранее, чтобы было время потом принять решение.

Вопросов множество:

Как провести очередной праздник?

Как организовать военную игру, чтобы не была похожа на прошлогоднюю?

Как сделать дежурство не скучной обязанностью, а интересным пионерским соревнованием?

Что выбрать из дел, предложенных Всесоюзным пионерским маршем?

Почему в классе обижают тихого ученика, который никому не может дать сдачи?

Почему джинсы и магнитофон кто-то ценит больше дружбы?

Чтобы быть настоящей, газета должна выходить часто: не меньше одного раза в неделю. И писать в нее надо разнообразно. Надо разбираться, что такое репортаж, заметка, зарисовка, корреспонденция.

Газету очень трудно начинать. Сначала можно наткнуться на равнодушие. Может быть, даже на

8. Я буду помнить, что если в каком-то трудном деле, в борьбе один на один с опасностью или бедой я потерплю поражение, «Каравелла» придет на помощь. Если победа не по силам «Каравелле», помогут ее друзья.

9. Везде и всегда буду помнить, что я состою в «Каравелле», и никогда не сделаю ничего такого, что может подвести отряд.

10. Я буду с гордостью носить форму и знаки различия «Каравеллы», не обращая внимания на завистливые взгляды, насмешки и разговоры. Я не позволю никому грубо коснуться нашивок и значков пресс-центра и флотилии.

11. Везде и всегда всеми силами я буду охранять и беречь знамена и флаги флотилии и пресс-центра.

12. Взяв в руки оружие, я буду помнить, что в нем заключена смерть. Поэтому я никогда не направлю даже незаряженное оружие на человека, не обнажу клинка против соперника, не защищенного маской, если только эти люди не будут настоящими и опасными врагами.

13. Никакие причины не освобождают от ответственности никого из членов «Каравеллы», если он, находясь в силах и

Из архивного трюма

МЫ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ!

Мы думали, что через две минуты уже разойдемся по домам. Мишку с Сашкой, которые подрались вчера на перемене, разобрали.
С двоечников очередное обещание не срамить больше честь класса взяли. Чего еще сидеть?
И вдруг Валентина, председатель совета отряда, поднимается и говорит:
— У нас в плане записано, что мы должны вести борьбу с грубостью. Предлагаю начать с завтрашнего дня.
— В шестом «Б» уже целую неделю борются! — добавила звеньевая Люся (попросту — Люстра).
— А как с ней бороться? — радостно спросил с задней парты признанный силач нашего класса Андрей Медведев.
— Очень просто,— строго сказала Валентина.— Надо забыть слово «дурак», всегда всем говорить «пожалуйста» и оставить эти ваши дурацкие прозвища. Нарушителей Люстра, фу, то есть Люся, будет записывать и докладывать про них на классном часе.
Всю следующую неделю мы

насмешки. На такие слова: «Тебе надо, ты и выпускай», «Тебя выбрали, а мы при чем...»

Юнкор должен уметь разорвать этот круг равнодушия. Приложить все силы, чтобы первые несколько номеров вышли несмотря ни на что. Потом будет легче.

Сперва может оказаться, что не все ребята будут довольны. Одни — насмешливы, другие — равнодушны. Третьи — обижены.

Кстати, про обиду. Не надо делать газету листком для одной только критики двоек и беспорядков. Не надо всех этих «Колючек», «Кактусов», «Крючков» и «Острых перьев». Острота пера не в том, чтобы обижать товарищей по отряду. Плохо, когда у свежего номера собираются читатели с одной мыслью: а не продернули ли меня там, не изобразили ли в карикатуре? Ребята должны знать: газета — их друг.

Между прочим, неплохое название для отрядной газеты — «Твой друг»...

Пионерская стенгазета должна смотреть на жизнь глазами самих ребят, а не глазами воспитательницы с продленки, которая устала за день и на всех сердится.

Если человек получает двойки — это его беда. Надо не клеймить, а осторожно и спокойно разобраться — почему?

Плохо себя ведет? Тоже почему? Ведь не враг же он ни учителям, ни товарищам. И хорошего у него в характере немало.

Но вот, скажем, газета стала выходить регулярно, все наладилось, заметок хватает. Все равно могут возникнуть трудности.

Вспомним, какие недавно перечислялись вопросы для газеты. Не всегда их встречают спокойно.

Как провести праздник? «Все уже обсуждено, не надо лишней возни!»

Как организовать военную игру? «Я все уже распределила. Есть распоряжение...»

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

сознании, нарушил МППСС* или правила безопасности в плавании.

14. Я могу поссориться с друзьями, обидеться на всех ребят, но даже в этом случае я не покину «Каравеллу» в трудном деле, походе или плавании, потому что это — предательство.

15. Я готов немедленно оставить все дела и мчаться на сигнал «Тревога». Такой сигнал никто никогда не имеет права подавать зря.

16. В любом деле, в любом шуме, в любом споре я немедленно замолчу и стану слушать человека, сказавшего: «Внимание, циклон!» Это сигнал — особой важности. Он тоже никогда не подается зря.

Ф

«ФИГА» (FIGA) — давнее и прочное название отрядной киностудии. Возникло в ответ на заявление скептиков, что «ни фигá у вас не выйдет с вашими фильмами». Филь-

* Международные правила предупреждения столкновения судов в море.

жили как в цепях. Куда ни попытаешься спрятаться — везде торчит Люська-Люстра с карандашом в руках. Мы скрипели зубами и мечтали, как отомстим ей при помощи канцелярских кнопок, раздавленного таракана и дохлой жабы.
И вот начался очередной классный час. Люстре дали слово.
— Пермяков! — начала Люська свою обвинительную речь.— Ты действительно считаешь, что твой товарищ— козел?
— Нет, я так не считаю,— подумав, ответил Пермяков.
— Тогда извиняйся. Извинись немедленно! Теперь о Курочкине. Ты, Курочкин, и сейчас будешь утверждать, что Шаров — дурак? — Люстра зловеще улыбнулась.— Может, ты думаешь, что все вокруг тебя дураки, а?!
Курочкин от испуга стал жевать авторучку.
— Сам ты дурак! — на весь класс гремел Люськин голос.— Извиняйся немедленно перед Шаровым!
— А вот эти гаврики,— указала она на первую парту,— называют друга друга по кличкам!
«Гаврики» растерянно заулыбались и хором произнесли:
— Мы больше не будем!
— А ты, Палкин, помнишь, что ты сказал мне вчера? Ты сказал: «Катись отсюда!»
— Но я же добавил «пожалуйста»,— робко возразил Палкин.
— Не имеет значения! — Люськин голос прямо звенел от возмущения.

Кого-то обижают в классе? «Нечего об этом писать, мы уже разобрались. А то придет комиссия, скажет: у вас нет дружбы».

Выбирать дела из марша? «Все дела! Мы не можем быть в отстающих!»

Или стала, например, редакция разбираться с чьей-то двойкой. Выяснилось, что ученик не виноват, болел, не знал, что надо было принести тетрадь. А учительница сгоряча — трах, «два».

Написали про это. И тут шум: «Кто позволил? Как посмели?! Снять немедленно!»

Таких примеров за годы нашей работы было достаточно.

Но дело в том, что юнкору, так же, как и взрослому журналисту, приходится *сметь*. Иначе нельзя. Школа — это же очень сложный организм. Писатель Михаил Коршунов даже писал, что это целая вселенная. В жизни такой вселенной много хорошего и много недостатков. Они переплетаются. И отношения взрослых и ребят тоже переплетаются. Отношения пионеров, комсомольцев и педагогов. Газета должна решать сложные вопросы, всерьез должна их разбирать. А как решишь, если тебе говорят: про это пиши, а про это — не твоего ума дело.

Редакция отрядной и дружинной стенгазеты должна знать: у нее есть право выступать на те темы, которые она считает нужным поднимать. Иначе ни о каком самоуправлении в школе и речи быть не может.

Нужно наконец четкое положение об отрядной и дружинной стенгазете, о правах и обязанностях юнкора. Не общие слова, что юнкор — самый активный, самый смелый и еще всякий самый... А четко — его обязанности и его права как представителя пионерской прессы.

Попытка такая сделана в Центральном совете пионерской организации. Инструктор ЦК комсомола Сергей Цымбаленко показал нам проект такого положения. Там очень много правильных мыслей.

мы стали выходить один за другим, поэтому приставку «ни» мы убрали, а остальные четыре буквы оставили в насмешку над маловерами. Расшифровывается название вполне солидно: «Фильмы исторические, героические, артистические».

«Флибустьер» — стенная газета, которую в 1969 году отряд выпускал в Риге для участников операции «Нептун Балтийского моря». За две недели вышло десять номеров. Именно с ее страниц впервые прозвучал клич: «Каравелла»! Даешь свои корабли!»

Флотилия. Когда отряд занимается корреспондентскими делами, он — пресс-центр. А когда морскими — флотилия. Впрочем, и в юнкоровской работе порядки морские. Суда и экипажи разбиты на три эскадры. В каждой эскадре — три яхты, на яхте — два экипажа, они занимаются посменно. Кроме того, иногда создаются шлюпочные экипажи и команды для дежурных катеров.

Она еще не знала, что лежит у нее в портфеле... Мы считали, что имеем полное право на месть, потому что неделя борьбы с грубостью кончалась со звонком, до которого оставалось пять минут.

Сережа Сомов,
ученик шестого класса
(В 1973 г. напечатано
в стенгазете «Петушок»,
затем в «Пионерской правде»)

Проект надо срочно доработать и вводить в жизнь.

Отрядные и дружинные газеты действительно нужны. Они могут стать настоящими организаторами пионерской жизни. Только надо, чтобы и пионеры, и вожатые, и учителя знали, что газета — очень важное пионерское дело. Не менее важное, чем все остальные дела. И что редактор — это один из пионерских командиров. И что писать в свою газету, поддерживать ее — это обязанность члена пионерской организации. Отказываться от этого — значит отказываться от поручения, которое дает тебе организация.

При таком подходе к делу газета станет частью общей пионерской работы. Станет постепенно необходимостью. Будет волновать и ребят, и взрослых. Будет вызывать на спор: кто с чем-то не согласен — не требуй снять, а тоже пиши, доказывай, отстаивай свою точку зрения. Что-то волнует — тоже пиши.

Когда ребята почувствуют, что без газеты им трудно — тогда, значит, юнкоры делают свое дело как надо.

Андрей Нахратов,
капитан флотилии «Каравелла»,
командир редакторской группы,
семиклассник

ГЛАВНОЕ ДЕЛО

Множество дел у нас было за 20 с лишним лет. Но с 65-го года самым главным всегда оставалось юнкоровское. Оно и сейчас самое важное для нас. Потому что оно — для многих людей. Для целых миллионов читателей.

Бывает, что мы соберемся с ребятами, вытащим старые подшивки журналов и газет с нашими материалами, листаем альбомы, перечитываем сцена-

Ф

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

Форма членов отряда. Форма появилась в 1966 году, а раньше ребята носили нарукавные нашивки на обычных курточках и рубашках. Нашивка тех времен — зеленый или голубой щиток со скрещенными шпагами и пионерским значком. Сначала форма часто менялась, но к началу семидесятых годов стала постоянной и сохранилась почти без изменений до сих пор. У ребят синие шорты от обычной пионерской формы, только с широкими флотскими ремнями, рубашки — зимой черные, летом оранжевые (черный цвет — традиционный у морской формы, а оранжевый — лучше других отражает солнечный свет в жаркую погоду), береты с якорями у матросов и «крабами» у командиров. На черных погончиках (а точнее — наплечных шевронах) также якоря и цветные полоски — одна у матроса, две — у второго командира яхты, три — у первого командира, четыре — у командира эскадры. Цвет зависит от номера эскадры: белый — у первой, красный — у второй, желтый — у третьей. Нарукавные нашивки с золотыми уголь-

Из архивного трюма

ХРОНИКА

Младшая редакционная группа побывала у третьеклассников детского дома № 14. Ребята рассказали об отряде, о парусниках, спели отрядные песни. Больше всех третьеклассникам понравился Максим Гареев, он интересно рассказывал об «Орленке», из которого недавно приехал. А еще Максим смешил октябрят забавными историями, изображал различных зверей. После выступления наши ребята помогли третьеклассникам оформить новогодние газеты.

* * *

Евгений Иванович Пинаев подарил отряду еще три свои картины. Первая называется «Город у моря», она усилиями Бори Грехова повешена в зале. Вторую картину — «В высоких широтах» — еще не повесили, надо покрасить раму. Третью все видели в кают-компании, но не все знают, как она называется. Одни, глядя на занесенные песком обломки парусника на этом полотне, говорят, что это «Каравелла» после практики. Более сведущие знают настоящее название — «Остров командора». Тов. Крапивин

рии давних телепередач. Просматриваем пачки стенгазет, выпущенных на разных операциях, юнкоровских слетах, артековских и «орлятских» сменах и у себя в отряде. Жалеем, что некоторые материалы потеряны, но и того, что сохранилось, хватает.

Хватает, чтобы понять, о чем писали юнкоры «Каравеллы» два десятка лет подряд, что старались рассказать читателям, о чем спорили, что доказывали.

Понаписано, конечно, немало. Стихи и сказки в «Кораблике» — литературном разделе журнала «Пионер», репортажи о военных играх и лагерных приключениях, материалы под рубрикой «Орден в твоем доме», итоговый очерк о конкурсе юных мо-

Ф

никами, вензелями и якорями говорят о звании члена флотилии: матрос, подшкипер, штурман и т. д. Вензель появляется только после того, как человек прошел парусную практику. У яхтенных матросов он из узкого галуна, у яхтенных рулевых — из широкого. У старших ребят и инструкторов своя форма, похожая на форму штурманов морфлота, только со своими знаками различия. У барабанщиков, знаменосцев и ассистентов — аксельбанты и дополнительные нашивки.

Иногда нас спрашивают: «А почему у вас не обычная морская форма? Ее носят в клубах юных моряков». Это спрашивают люди, не знакомые с парусным делом. Широкие синие воротники красивы, но цепляются за снасти во время хода яхты. Широкие клеши, может быть, и придают человеку бравый вид, но бродить в них по колено в воде, когда спускаешь или вытаскиваешь яхту, не очень-то удобно. А еще меньше интереса быть в таких штанах, когда яхта улеглась и ты — за бортом.

И еще. Когда ребята надевают настоящую морскую

утверждает, что название символичное, хотя Евгений Иванович говорит, что имел в виду остров Беринга.

* * *

Героическими усилиями инструктора Грехова и Димы Тараканова, который приехал из Молодечно, сколочены стенды для фотографий и юнкоровских материалов, предназначенные для слета юных корреспондентов.

* * *

В среду Андрей Игнатьев привел для знакомства в отряд шестимесячную собаку Найду. Веселым характером и подвижностью Найда напоминает хозяина. Она укусила за палец командора.

* * *

За невыполнение редакционного задания С. Берсенев был отправлен редактором домой, а А. Игнатьев, который отвлекал Берсенева от важного дела, посажен в фотолабораторию под арест.

* * *

Пришло письмо от наших друзей — юнкоров из Обнинска. Они рассказывают, как наладили выпуск стенгазеты в классе.

* * *

Из Кирова приехала в «Каравеллу» Света Миклютина, представитель клуба старшеклассников «Гренада». Это клуб типа агитбригады. Света рассказала о работе «Гренады» — о кукольных спектаклях, концертах, маевках, которые они устраивают для ребят.

(БНЦ, 1982, 22 дек.)

ряков, рейды, рассказы о друзьях — взрослых и ровесниках... А есть еще журнальные и газетные корреспонденции, подписанные взрослыми журналистами, но сделанные с помощью юнкоров, по нашим материалам — работа со стороны незаметная, но для печати необходимая.

Но больше у нас коллективных корреспонденций и статей, которые ставят какие-то вопросы. В журналистике такие материалы называются «проблемные». Вопросы эти — из школьной и пионерской жизни. То, что всегда волновало юнкоров пресс-центра «Каравелла».

За два десятка лет накопилось таких выступлений столько, что все не вспомнишь и не перескажешь. Но о последних сказать стоит. В 1981 году отряд открыл в «Пионере» своим материалом «Хочу и надо» новый раздел «Дискуссионный клуб «За и против». Потом мы еще несколько раз выступали в этом клубе. Эти наши коллективные репортажи и дискуссии говорят о жизни «Каравеллы» сами за себя. Поэтому мы и решили их поместить в книге. Но не только поэтому. Главное в том, что все эти «за и против» по-прежнему волнуют многих ребят.

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

форму, нам кажется, что они ее как бы берут взаймы у взрослых моряков. Ведь не заслужили еще. А наша форма — она н а ш а. Мы знаем ей цену, это форма пионерского морского отряда. И всегда на ней пионерские галстуки.

«Фор-трюмсель» — маленькая стенгазета, предшественница знаменитого в отряде «Петушка». Называлась так же, как называется самый маленький и самый верхний парус на передней мачте большого судна. Это были задиристые выпуски с морским уклоном.

Ц

Цунами — наступление высокой разрушительной морской волны на сушу. На Верх-Исетском озере наблюдалось только один раз — при случайном падении инструктора Бори Грехова со шлюпки. В переносном значении — явление командора в отряде, когда вахта бездельничает.

ЧТО ТАКОЕ ТВОРЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ?

Пресс-конференция в отряде «Каравелла» и разговор после нее

Как выяснилось позже, гостью все в своем воображении рисовали примерно одинаково: солидная тетенька в черном костюме, в очках, с портфелем или папкой в руках. Впрочем, никто всерьез не надеялся увидеть ее своими глазами. Как-то не верилось, что такой занятой человек, как Зоя Яковлевна Егорова — бригадир маляров-отделочников, член ревизионной комиссии Свердловской областной партийной организации, делегат XXVI съезда КПСС — выберет время и откликнется на приглашение юнкоров пионерского отряда: ей и от взрослых корреспондентов нет отбоя. Но Зоя Яковлевна пришла.

Про семью, где двадцать две дочки

И конференция состоялась.

Что такое пресс-конференция?

Если коротко, то это когда все на одного. И не просто все на одного. «Все» эти вооружены. Вооружены ручками и блокнотами.

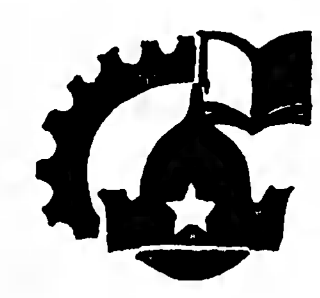
Зоя Яковлевна оказалась не такой, как ждали. Портфеля у нее не было, очков тоже. И начала она с того, что речи говорить не умеет, а в жизни ее ничего выдающегося нет. И вообще показалось, будто она немного стесняется оттого, что ею интересуется такая большая неспокойная компания.

А спрашивали ее наперебой.

— Можно? — вскидывал очередной раз руку Тима Губанов.— Как вы относились к своей профессии раньше?

И сразу все сорок человек с ручками наготове бросались к своим блокнотам, где появлялась

Об отцах и дедах

Во Всесоюзном заочном пионерском сборе «Берем с коммунистов пример!», начатом журналом «Пионер», принимает участие морской и юнкоровский отряд «Каравелла», г. Свердловск.

— Мой дед так говорит: настоящая жизнь тогда начнется, когда все люди научатся думать друг о друге,— сказал Генка Даниленко.— Это, говорит, и будет настоящий коммунизм. Только недалекие люди считают, что коммунизм — это когда бесплатно берешь всего сколько хочешь. А коммунисты не такие. Они всегда жили и трудились ради всех людей...
И мы сразу про своих дедов, отцов, просто знакомых вспомнили, про коммунистов, которые были и есть. Так родилась отрядная газета про людей, которые жили и живут по-коммунистически.

Из отрядной газеты

ПОЛЕ БОЯ

Шла война, и все уходили
на фронт. Дед тоже просился,
но ему сказали:
— В тылу сейчас тоже фронт.
Дед был хорошим трактористом — вот его и оставляли.
Он не хотел, говорил, что
не сможет смотреть в глаза
людям, у которых отцы,
братья, сыновья воюют.
А ему в ответ на это:
— Вы коммунист. И все вас
должны понять.
И он очень скоро понял,
как это трудно — работать
в тылу. В поле выходили

запись: «Когда была в шестом классе, думала, что труд маляра легкий. Честно говоря, не нравилась мне эта работа. Маляры ходили грязные, все в краске. А после школы я переехала из Талицы в Свердловск. И первое, что увидела в городе, были новые, еще не заселенные дома около вокзала. Мне очень понравилось. Я зашла туда: удобные, красивые квартиры. Тогда я, наверное, и задумалась впервые о своей будущей профессии».

— А вот вы долго уже работаете,— сгибая от волнения и ответственности в руках тетрадку, начал Сережа Туранский.— За это время изменилось что-нибудь на стройках?

Оказалось, что изменились условия труда. Если раньше маляры уходили с работы в заляпанных спецовках, то сейчас после рабочего дня и не догадаешься, что этот человек имел дело с известкой и краской. У каждой бригады есть бытовки, где можно умыться, переодеться, поесть. От стройки к стройке теперь ездят на специальном автобусе. Механизирована побелка, на верхние этажи бригада поднимается на специальном лифте.

Чего только не спрашивали ребята! «Жалко расставаться со стройкой? Бывают ли простои? Страшно ли работать на высоте? Какой ваш самый любимый объект?»

Рулевой и командир барабанщиков Дима Каменщик задал вопрос, соответствующий его званию: «Какие у вас трудности как у руководителя коллектива?»

В заботах и сложностях руководителей оказалось много общего — будь то вожак пионерского отряда или бригадир маляров. И те и другие отвечают за свой коллектив, за атмосферу, в которой работают люди.

В бригаде Зои Яковлевны двадцать два человека. Все разные: и по возрасту, и по характеру. У каждого есть семья, а значит, свои заботы, свои радости и неприятности. Поэтому, считает Зоя Яковлевна, бригада должна быть вторым домом, где

Ч

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

«Чем крепче ветер...» — первая книга, написанная юнкорами «Каравеллы». Вышла в Свердловске в 1972 году. Кто хочет подробнее узнать о первых годах жизни отряда, о его истории, пусть эту книжку и читает. Для названия ее взята строчка известных в отряде стихов.

Если в безветрии парус повис,
А это тебя не трогает,
И если ты равнодушен и тих
Перед дальней дорогою,
И если ты перед шквалом дрожишь,
Кто за это в ответе?
Ты сам!
Ты не понял,
что жить
Тем лучше,
чем крепче ветер!

чуть свет и возвращались, когда совсем стемнеет. Часто работали по ночам. Ведь остались в колхозе в основном дети, женщины да старики, а работать им приходилось за десятерых.
Ребятишки работали на тракторах, да только обращаться с ними не умели. Заведет им дед утром двигатель — они пашут, а как заглохнет мотор или сломается — мальчишки в рев от беспомощности. И приходилось деду по всем полям мотаться, чтобы всем помочь. Нельзя, чтобы работа останавливалась: солдат кормить надо, хлеб на войне важен так же, как порох.
Ночевали в вагончиках. Деду и тут не до отдыха: все нужно проверить, подготовить. Времени для сна у людей оставалось совсем мало, а наутро — снова поле. Так они и выдержали всю войну. И хоть мой дед не был на войне, он был настоящим командиром.

Геннадий Даниленко

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Утром я проснулся, открыл глаза... У кровати стоял отец. Обгорелый, грязный, рука перевязана.
Я испугался, но отец сказал:
— Ничего. Теперь все нормально.
Поздно вечером на заводе начался пожар. Горела смола и резиновые изделия. За папой примчалась машина. Вместе с товарищами он всю ночь боролся с огнем. К утру

человеку поднимут настроение, успокоят, делом помогут, если что-то случилось. Ее бригада и живет как большая дружная семья.

Однажды Зоя Яковлевна привела в бригаду девушку, которая только что окончила школу, но летом сидеть сложа руки не хотела. Галя не заметила, как сработалась, сдружилась со всеми членами бригады, и осталась там, хотя раньше не задумывалась о профессии маляра.

Все мамы добрые. У Зои Яковлевны тоже есть дочка-семиклассница. Но приходится быть добрее и отзывчивее любой мамы в двадцать два раза. Потому что есть бригада. «Это вся моя жизнь, моя работа. Без нее я, может быть, не стала бы бригадиром, коммунистом, не поехала бы на съезд».

Поделилась Зоя Яковлевна и главной своей заботой — нехваткой молодежи. Ведь едут за романтикой и трудностями на БАМ, на другие крупные стройки! А о своих родных городах забывают. А здесь интересной работы и романтики ничуть не меньше...

Прошел час. Корреспонденты так увлеклись, что могли бы до вечера бомбардировать Зою Яковлевну вопросами. Но вахтенный командир пресек эти замыслы.

— Вы приходите к нам летом на парусную практику. На яхтах покатаем! — сказали на прощание ребята. Любознательная аудитория уже успела выяснить, что Зоя Яковлевна когда-то занималась греблей на байдарках.

Кто двигает пятилетку?

Зоя Яковлевна ушла. Но разговор о рабочих делах и профессиях только начинался. В затихшей кают-компании осталась редколлегия отрядной стенгазеты. Перелистывая блокноты, ребята обсуждали, как писать о прошедшей пресс-конференции. Рядом толпились те, у кого мысли после встречи рвались

Шквал — сильный порыв ветра, часто со стороны, противоположной той, с которой ветер только что дул. Иногда предшествует штормам и грозам. В парусном деле очень важно умение управлять судном во время шквала. Важно и другое — уметь распознавать приближение шквалов. И во время плавания, и вообще в жизни. Матросам и капитанам «Каравеллы» приходилось постигать такую науку на практике.

Шкоты — снасти бегучего такелажа, предназначенные для управления парусами. О близком знакомстве со шкотами лучше всего могут рассказать ладони новичков, украшенные сперва пузырями, а потом крепкими мозолями.

Штурман «Каравеллы» — звание, которое дается в отряде человеку, усвоившему основные морские премудрости по нашей программе, умеющему командовать группой или экипажем, а главное — такому, которого

пожар потушили и стали
восстанавливать цех.
Это была не война, но, как
тогда, в минуту опасности
на заводе прозвучал призыв:
— Коммунисты, вперед!

Игорь Конев

КТО-ТО ДОЛЖЕН ЛЕТЕТЬ...

Погода была нелетная —
сильный снегопад. И вдруг
поступило срочное задание:
в соседней деревне немедленно
требовалась помощь тяжелобольному. Кто-то должен был
лететь — от этого зависела
жизнь человека. Полетел
мой отец.
Вести самолет, когда вокруг
слепая пелена снега, тяжело.
Долетев до назначенного
пункта, отец увидел, что
аэродрома нет. И он решил
посадить самолет на опушке
леса. Хорошо, что самолет
был на лыжах — он запрыгал
по сугробам, как мячик.
Подвезли больного и уложили
в самолет.
На обратном пути начался
ураган. Машину в полете
болтало во все стороны.
Несколько раз отцу казалось,
что он теряет направление.
Наконец показались сигнальные огни аэропорта. Больной
был спасен.
Отцу не раз приходилось
совершать такие полеты.
Многих людей удалось спасти
благодаря таким полетам.
Отцу за это присвоили звание
ударника коммунистического
труда.

Максим Языков

Если холод, дождь или
снег, если это трудно, даже

наружу, а значит, их надо было кому-то высказать. Хотя бы своей редакции.

Сергей Гаврин тоже был рад вступить в разговор, но его прогнали к планшетам с пособиями по морскому делу. Планшеты уже неделю стояли в коридоре около фотолаборатории, дожидаясь, когда их прибьют к стене.

Возня с гвоздями особой радости Сереже не доставляла, и через несколько секунд голова его уже торчала в дверном проеме.

— А я говорю,— возбужденно доказывал барабанщик Дима Каменщик,— что пятилетку делают ученые. Ну вот представь себе, сделал ученый открытие — его весь мир узнает, и все сразу вперед продвигаются.

— Ну уж нет! — вспыхнул Женька Левитин, член знаменной группы.— Я считаю, что пятилетку двигают водители.

— ???

— Да! Вообще всякие водители: шоферы, летчики, капитаны. Если они перестанут работать, то всё, где лежало, там и останется. Ну, не знаю, я лично шофером буду.

— А я — физиком-ядерщиком,— не успокаивается Дима.— Это более творческая профессия, даже ближе к артисту. Я в книжке одной такие слова читал: «Он стал поэтом, потому что для математика у него слишком мало фантазии». И вообще мне нравятся те профессии, где надо самому фантазировать и придумывать — творческие профессии.

— По-твоему выходит, что маляр — не творческая профессия? Да ты посмотри, Зоя Яковлевна со своей бригадой отделывала самые красивые здания в Свердловске — ТЮЗ, кино «Космос», Дворец молодежи, цирк! А за Дворец молодежи Зое Яковлевне присуждена премия Совета Министров СССР. Так высоко только настоящего художника могут оценить.

— Да,— вступила в разговор неизвестно откуда появившаяся Наташа Гарина.— Ты думаешь, что

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

остальные считают надежным человеком и хорошим товарищем. Чаще всего штурманы имеют права яхтенных рулевых, но бывает, что такое звание заслуживает и «недипломированный» четвероклассник. Штурман носит нарукавную нашивку с двумя золотыми угольниками.

«Штурман» - тип спортивного парусника, разработанного в отряде. Всего построено девять яхт этого типа: «Экватор», «Горизонт», «Меридиан», «Пионер», «Тропик», «Полюс», «Пеленг», «Румб», «Азимут». Сейчас это основные суда нашей флотилии. На парусе они несут знак, изображающий штурманский шеврон.

Щ

Щелега — по «Морскому словарю» К. И. Самойлова — подводный камень. Вспоминается эпизод из парусной практики 1981 года, когда впередсмотрящий на шлюпке Максим Гареев хладнокровно сообщил:

опасно для жизни, но людям нужна помощь, то говорят:
— Есть добровольцы?
И коммунисты выходят вперед.
Так рождается история.

(Пионер, 1976, № 3)

МЫ СЛУШАЕМ СЪЕЗД

Со всей страны собрались делегаты на XXVII съезд КПСС, который открылся 25 февраля в Москве. На съезде обсуждаются важнейшие вопросы жизни нашего государства. Все старое, мешающее развитию общества, устраняется, заменяется новым, более полезным и эффективным. Наверное, символично, что съезд проходит весной, и мы ждем от него больших перемен к лучшему.
В отряде по-своему был отмечен проходящий съезд — сбором, состоявшимся второго марта. На сборе обсуждалась работа XXVII съезда КПСС и наша работа и задачи на ближайшее будущее, ведь у нас теперь появляются новые корреспондентские темы.
Все выступления, которые мы слышим со съезда по радио и телевидению, читаем в газетах, призывают нас активнее включаться в жизнь нашей страны, стремиться к тому, чтобы слово не расходилось с делом.

Илья Шевелев
(Барабанщики, 1986, № 74)

цирк красить неинтересно? Алешка Тюшняков, который к нам в гости приходил, помнишь, спросил ее, что она в цирке красила? Гостиницу для зверей! Звери тоже гастролируют, и жилье им тоже надо. Думаешь, это не интересно — красить комнату, в которой будут обитать умный слон или дрессированные медведи? Нам вот неизвестно, как устроено жилье для таких артистов, а она знает.

— Я тоже маляром хотел бы быть! — вскочил Дима.— Но не двадцать лет! Это вам сейчас смотреть интересно на прекрасные здания, про слонов умных рассуждать. Но поймите, что двадцать лет замазывать одни и те же трещины — нудно и скучно!

— А Зое Яковлевне не скучно! — Кто сказал эти слова, понять было невозможно, потому что за спиной Сергея, забывшего о планшетах и заслушавшегося умными разговорами, толпилось около десятка товарищей.— Ха! Интересную профессию-то каждый полюбит. Где сплошное творчество и фантазия, там интересно потому, что все время надо новое придумывать. А если работа физическая или просто каждый день одинаковая? Такую не каждый полюбит.

— Да тут просто надо понимать, что ты для людей работаешь,— сообразил Тима Губанов.— Даже если для слонов. Слоны-то тоже для людей.

— Да.— Женя Левитин уже сидел на спинке стула.— Это только сначала кажется, что в обычной работе негде проявить свое творчество. Вот Зоя Яковлевна говорила, что у них, маляров, еще мало механизации, пыль цементная кругом, запах краски, сквозняки, часто материалы не подвозят вовремя. Трудно им? А ведь бригада без простоев работает, ни разу план не сорвала! И трудится сейчас в счет восемьдесят третьего года. Значит, получается, что пятилетку двигает тот, кто творчески относится к своей профессии! Это даже глупый вопрос, кто двигает пятилетку: ученый или шофер. Здесь дело в том, как люди разных профессий по-

---

— Впереди камень. И, между прочим, близко...

Больше он ничего сообщить не успел.

Шлюпку починили быстро, а Максиму до сих пор вспоминают эту фразу.

Ы

Предметов, понятий и явлений на эту букву в «Каравелле» нет. Редакция КЭК сумела вспомнить лишь одно подходящее высказывание инструктора Бори Грехова, который играл морского царя Нептуна в отрядном спектакле. «Ых, какая у нас веселая жизнь!» — сказал он и стер с чела обильный трудовой пот.

Э

Эмблема отряда — голубовато-серебристый щит, на котором бушприт старинного корабля, а над ним три красных кливера — треугольные паруса, похожие на пионерские галстуки. Потому что пионерский галстук можно назвать парусом нашего детства. В правом верхнем

нимают свой труд. И если они стараются для людей, то они и двигают пятилетку.

— Вот что еще интересно,— сказал Андрей Зайцев.— Если ты свою квартиру раскрасишь, то можно день радоваться, ну месяц. А потом надоест. И гордиться особенно нечем. А мимо дворца, театра или цирка хоть через двадцать лет проезжай, если ты его строил — все равно гордость.

— Это, Андрей, понятно, а вот мне Анюта рассказывала, что как-то в шестом классе строители ей дали четыре кирпича уложить на раствор. Там строили подсобное помещение для детского садика. А через год получилось, что в этот садик пошла ее младшая сестренка. Так та потом всю группу таскала с детской площадки показывать эти кирпичи — вклад старшей сестры.

— Да, конечно, четыре кирпича — это не пятилетка! — весело заметил Сережа Гаврин.— Если Зоя Яковлевна пойдет всем своим знакомым показывать отделанные ею здания, то они долго ходить будут. А если каждый строитель пойдет показывать?

— Но только,— остановил его Андрей,— не все дома — вклад в пятилетку. Если дом красили-красили, а штукатурка через неделю на тротуаре валяется — это не вклад. Качественно надо работать.

— И много,— значительно произнес Гаврин.

— Да, Сережа,— язвительно заметил Валера Сосновский.— Много. А ты иди хоть три гвоздя вбей.

— Уй, всегда так! — И Сережа пошел искать молоток.

Юнкоры «Каравеллы» не раз встречались с художниками и учеными, писателями и артистами — с теми, кто своим творчеством радует людей, дарит им новые книги и песни, картины и спектакли. Теперь круг знакомств еще больше расширился: мы узнали еще одного творческого человека.

(Пионер, 1981, № 10)

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

углу щита — девиз «Каравеллы»: «¡TAMBORILEROS, ADELANTE!» По-испански это значит: «Барабанщики, вперед!» Почему по-испански? Отряд родился в год Кубинской революции. А через десять лет командор «Каравеллы» побывал в Гаване. Там он рассказал об отряде кубинским революционным поэтам, которые пишут для детей. Показал им снимки с нашими барабанщиками.

— О, тамборилерос! — оживились поэты.

— Это значит «барабанщики»? — спросил Крапивин.— У наших ребят есть команда: «Барабанщики, вперед!» Как это звучит на испанском языке?

Поэты с удовольствием перевели и попросили передать ребятам. С тех пор эти слова на нашей эмблеме.

«Эспада» — стенная газета, выходившая в отряде после стенгазеты «Красный кливер». «Эспада» — по-испански «шпага», и есть про это в «Каравелле» песня, родившаяся в трудные для отряда дни:

ДИСКУССИОННЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ
«ЗА И ПРОТИВ»

Внимание!
Внимание!
На страницах журнала «Пионер» открывается дискуссионный пионерский клуб «За и против». Приглашаем всех ребят, все пионерские отряды, дружины и штабы — всех, кто имеет свое мнение и хочет научиться его высказывать, всех, кто не привык оставаться равнодушным и прятаться за спины товарищей, и тех, кто пока еще робок и нерешителен в своих суждениях, тоже приглашаем. Приходите!
Предлагайте тему разговора — острую, волнующую вас и ваших друзей, спорьте, отстаивайте свою позицию, думайте вместе. Итак, кто «за», кто «против»? Надеемся, воздержавшихся не будет.

«ХОЧУ» И «НАДО»

Этот разговор — со спорами, сомнениями, случаями из жизни и выводами — состоялся в морском корреспондентском отряде «Каравелла», который работает в городе Свердловске.

Как это начиналось...

В нашем отряде есть свой устав. В первом пункте написано: «Ветер и волна не прощают никаких ошибок, и во время шквала учиться поздно. Учись морскому делу заранее». Этот пункт сразу же разъясняют всем новичкам. Без него нельзя: что-нибудь не усвоишь зимой — летом это может обернуться аварией. Пострадают и сам виновник, и товарищи, и судно. Поэтому с посещением занятий у нас строго. И если кто-то из новичков за минуту до построения не пришел (со «старичками» такого не бывает), командир экипажа нервничает.

Вот и сегодня:

— Димы Стражникова нет. Что случилось?

Новичок Димка влетел за несколько секунд до команды: «Экипажи — в линию».

— Зашел в пионерскую, а вожатая спрашивает: «Ты кто в отряде?» Я говорю: «Флаговый...» А она: «Вот и хорошо! Будешь ассистентом у знамени, а то ассистента сегодня нет. Сейчас пойдете учиться маршировать...»

У наших ребят, как говорится, глаза на лоб. Ассистент у знамени — такая должность! Это заслужить надо. Надо, чтобы ребята доверили, чтобы выбрали. А тут забежал случайно — и становись...

— Я говорю: «Не могу, у меня занятия в «Каравелле». А она: «Ничего не знаю... Там у тебя личное дело, а здесь общественное, пионерское».

— Вот это да! — разозлились ребята.— У нас, значит, дело не пионерское!..

— Просто я доказать ничего не мог. Она говорит: «Свое хочу нужно подчинять общественному надо».

Э

Пока закаты багряны.
Пока покой не настал,
В ребячьих клинках деревянных
Пусть крепнет упругая сталь.
Не верьте, когда вам скажут,
Что мы свой спустили флаг.
Сжимаются экипажи
В тугой упрямый кулак.
Вставать нам на мертвый якорь
Еще не пришла пора.
Тяжелые рукояти
Качаются у бедра...

И газета была ничего, соответствовала названию.

Эволюция — по «Морскому словарю» К. И. Самойлова — маневр, производимый находящимися в строю судами. Производится путем «поворотов, применения способа кратчайших расстояний и захождений».

В «Каравелле» эволюции часто сопровождаются

Из архивного трюма

КОМЕДИИ НЕ ВЫШЛО

В пятницу Петя Паньков решил разыграть комедию.
— Петеньки не будет на занятиях в отряде, он болен,— сообщила по телефону мама.
И Петя, довольный, что всех перехитрил, пошел с классом в театр.
В отряде решили, что «болезнь» у Пети очень опасная. Его отчислили из отряда.

(Эспада, 1976, 26 дек.)

Тут Юра Кондратьев, командир яхты «Д'Артаньян», капитан-инструктор «Каравеллы», двумя-тремя фразами разгромил эту точку зрения, потому что высокими словами про «общественную» деятельность нельзя прикрывать неумение работать. И нарушать пионерское самоуправление тоже нельзя. Потом он принялся объяснять Димке суть настоящих «хочу» и «надо». И так увлекся, что потерял бдительность. А в это время к собеседникам походкой рыси подобралась Лена Орлова — главный и бессменный редактор каравелльской газеты «Бейдевинд».

— Юрочка...— пропела она.— Как здорово! Напиши заметочку на тему «Хочу» и «надо». А то у нас в последних номерах одна хроника.

Юра поперхнулся, но было поздно. Редактор Е. Орлова обладает железной хваткой и несгибаемой волей, когда дело касается газеты.

Юрина заметка

Свой корреспондентский материал Юра принес через два дня. Лена тут же зачитала его вслух — в присутствии капитанской группы и двух основных экипажей, которые собрались на занятия фехтовальщиков.

Сто́ит привести эту заметку целиком, в точности, как она написана.

«ХОЧУ» И «НАДО»

Этими двумя словами, по существу, можно определить все наши поступки, все наши дела. В жизни очень часто сталкиваются два эти иногда совпадающие, а иногда совершенно противоположные слова.

Мы школьники, и потому «хочу» и «надо» сталкиваются у нас именно в школьных делах.

С самого начала дня уже возникает противоречие: в школу идти надо, а вставать с постели не хо-

---

Краткая энциклопедия «Каравеллы»

треском, плеском и энергичными восклицаниями типа: «На «Экваторе», ослепли, что ли?! Эй, на «Горизонте»! Куда прешь, салага!»

Ю

Юнкоры — юные корреспонденты. Отношение к этому понятию у разных людей неодинаковое. Одни считают, что главное из двух этих слов — «юные», и потому юнкоры должны вести себя тихо, выпускать красивые газеты к праздникам и по заданию старших рисовать карикатуры на отдельных нетипичных двоечников и нарушителей дисциплины. Вот и всё. Другие утверждают, что главное слово — «корреспонденты». Юнкоры «Каравеллы» придерживаются этой, второй, точки зрения.

Я

Я — личное местоимение первого лица единственного числа. Очень хорошее слово, когда употребляется к месту. В отряде рекомендуется произносить его, когда вы-

Юнкор поднимает вопрос . . .

ЕСТЬ ЗАДАНИЕ. А ЖЕЛАНИЕ?

На пионерском сборе стоял один вопрос, который обсуждали уже более получаса: кого выбрать шефами к третьеклассникам? Ребята горячились. Кандидатуры назывались одна за другой. В конце концов остановились на двух мальчишках. Но те отказались.
— Что мы будем делать с малышами? Тут надо хоть немножко уметь и чтобы желание было!
— Никто вас не спрашивает! — сказала председатель совета отряда.— Вы пионеры? Значит, вот вам пионерское задание. Собрание закончено.
Раздалось громкое «ура», и все, схватив портфели, бросились из класса.
Мальчишки же работать, конечно, не стали. Их за это потом не раз ругали на совете отряда, но какой смысл?
Когда дают пионерское поручение, надо всегда считаться с желанием ребят, с их интересами и умением. Иначе получится, как в этом классе. Все шумели, увлеклись обсуждением «нарушителей», а о третьеклассниках, которые ждут вожатых, как-то и не вспомнили...

Лариса Гостевских
(БНЦ, 1982, 29 мая)

чется. А в школе надо работать, а желание тоже есть не всегда. На уроке очень хочется поговорить с товарищем, а не надо...

Конечно, не у всех и не всегда такие проблемы — у многих их просто не возникает, потому что идти в школу, учиться — для них радость. «Хочу» и «надо» сливаются тогда в одно целое.

Однако не всегда нужное совпадает с нашими желаниями, с нашими «хочу». И тогда человек должен уметь преодолевать все «хочу» и делать то, что «надо»...

зываются добровольцы на трудное дело. В других случаях следует использовать его с осторожностью.

Якорь — приспособление для удержания судна на месте путем цепляния за грунт. Изображение якоря, как правило, служит эмблемой флота во всех странах. Кое-кто думает, что стоит надеть ремень и нашивки с якорем, и можно считать себя человеком, имеющим отношение к флоту. Суровая отрядная жизнь подсказывает, однако, что это мнение легко потерять. Вместе с ремнем и нашивками.

Яхты — про них в этой книге написано столько, что больше объяснений не требуется. Хотя, конечно, приятно лишний раз упомянуть о яхтах, построенных своими руками. Мы считаем, что у каждого человека в жизни должен быть кораблик, который он строит сам. Пускай не парусный. Пускай даже не кораблик, а что-то другое. Главное — сам.

Из архивного трюма

ПЕСНИ В БОРЬБЕ ЗА МИР

В нашей школе есть ансамбль политической песни «Уленшпигель». Руководит им учительница Эльвира Юрьевна. В университете она занималась в ансамбле «Аванте» и, придя к нам в школу, решила не расставаться с песней.
И теперь мы поем. Нам очень хорошо друг с другом. Наши песни посвящены борьбе за мир. Мы выступаем и в своей школе, и на заводах...
Еще нам помогает учительница истории Елена Владимировна. Она придумывает разные композиции и сценки. Пока мы еще не очень профессиональны, но все же...

Наташа Ломоносова, Лена Ходосова
(Барабанщики, 1986, № 84)

Но всегда ли «надо» так уж нужно, так обязательно? Иногда оно превращается просто в формальность. Когда вожатая хватает на бегу пионера, дает ему задание, не разобравшись в его делах, в его интересах, в его занятости, она свое «хочу гладко провести мероприятие» прикрывает словами «надо вести общественную работу». Или взять хотя бы требование коротких стрижек у школьников. Неужели действительно надо, чтобы в школе ходили мальчики с торчащими из-под коротких причесок ушами?

Всегда надо уметь совмещать свое «хочу» и «надо» (если оно настоящее), будь то в школе, дома, на работе. Многие на свою работу смотрят только как на «надо», без «хочу». А в работе должны быть и необходимость, и желание. И наша работа — занятия в школе — это тоже и «хочу», и «надо»...

Народ у нас в «Каравелле» языкастый. Но тут иронических замечаний и добавлений к заметке не последовало. Только Володька Локтин произнес:

— Умные мысли приятно слушать...

Но за внешней усмешкой была серьезность.

А четвероклассник Сережа вдруг заспорил:

— Тебе говорят «надо», «надо», а ты подумал, кому это надо? Прежде чем что-то делать, нужно подумать еще: правда ли это надо кому-нибудь...

— Об этом у Юрки тоже написано,— возразил Володька.

— Там мало написано, надо подробнее! Потому что если по-настоящему «надо», то и делать приятно. Нам вот задали в школе набрать природного материала в лесу, а мне в лес всегда ходить нравится...

— Здорово рассуждаешь! — сказал шестиклассник Коля Боднар.— А если что-то не хочется, а все равно нужно? Бывает дело самое тяжелое и неинтересное, а оно необходимо людям. Тогда что? Тут вопрос «хочу или не хочу?» даже стоять не должен! Во вступлении к нашему уставу сказано: «Иногда будет очень трудно и очень неинтересно...» Значит, тяжелые будни, упорные занятия, борьба со своей усталостью, с чужой завистью и глупостью...

— И со своей,— вставил кто-то.

— Ну и со своей... А когда работу хорошо сделаешь, она все равно приносит радость, если даже раньше не хотелось.

— Правильно! — поддержала Колю Лариса Коробицына.— Разум дан человеку, чтобы управлять своими чувствами. Иногда не хочется, а понимаешь, что надо...

— А например?

— Ну, например, хочется телевизор смотреть, а уроков целая куча. Или надо посуду мыть...

Раздались возмущенные голоса: нельзя же серьезные вопросы сводить к тому, что уже надоело до чертиков! И так в каждой «воспитательной» беседе слышишь: «Кино или уроки, телевизор или посуда...»

Из архивного трюма

НЕ ТАК БЛЕСТЯЩЕ...

Когда я прочитала заметку Наташи и Лены, мне захотелось рассказать, как организован хор в нашей школе. Мягко говоря, не так блестяще...

Вот, например. По воле случая нам надо было в школу к четвертому уроку. Мы с подругой Наташей, беспечно переговариваясь, вошли в раздевалку. И тут нас перехватила веселая восьмиклассница: «Послушайте, деточки, вы в хоре?» Я простила ей «деточек» и спокойно ответила: «Нет». Вообще-то пришлось покривить душой. Мы с Наташей были записаны в хор, но ненавидели его от всего сердца. Да и сегодня надо идти на занятия в отряд.

Я вытащила растерянную Наташу из раздевалки, и мы пошли в класс. Сегодня у нас контрольная по географии.

В классе нас встретили криком: «Малкова и Фролова, в актовый зал!» Мы, предвкушая, как будем писать контрольную отдельно, может быть, после уроков, уныло поплелись на второй этаж. Руководитель хора раздраженно говорила: «Значит, так. Придете в пять часов красивенькие, с бантами... Кто не придет, будет разговаривать с директором». Я помнила, что мне в четыре надо быть в отряде, и думала, что кого-кого, а меня в пять часов в этом зале не будет. Многие юные таланты пытались отпроситься на кружковые занятия и тренировки.

Я посмотрела на непроницаемое лицо руководительницы хора и поняла, что просить бесполезно...

Вера Малкова
(Барабанщики, 1986, № 85)

— По-моему, мы не о том спорим,— серьезно сказал один из наших штурманов, семиклассник Алешка Краснокутский.— Надо в самой основе разобраться: что такое «хочу», что такое «надо» и когда как поступать...

Слишком уж гладко и упорядоченно изложен этот разговор. А на самом деле он был горячим и шумным. Говорили, наверно, не такими законченными фразами, перебивали друг друга. Кое-кто уже сгоряча выразил сомнение в умственном развитии собеседника, а тот, хотя и в шутку, но решительно пообещал использовать для доказательств не только слова, но и кое-какие приемы...

И, наконец, решили: чем зря шуметь и отрывать время от занятий, пусть каждый напишет все, что думает про эти самые «хочу» и «надо», а потом устроим что-то вроде пресс-конференции при газете «Бейдевинд». А Слава предложил: «Давайте перенесем наш спор в клуб «За и против». Он только что вернулся из Москвы и знал, что на страницах журнала «Пионер» открывается такой пионерский дискуссионный клуб. Ребята обрадовались и согласились.

Теперь, когда споры и разговоры отшумели, заметки ребят собрала редакционная группа. Попытаемся привести их в порядок. Выбрать главные мысли и темы...

«А все-таки это не пустяк...»

Да, спор о мытье посуды и других домашних делах оказался совсем не мелочным. Он задел многих.

Из архивного трюма

НАШ ДРУЖОК

Имя этой собаке мы придумали сами. Она случайно забежала к нам во двор и осталась. Это была невысокая, симпатичная, черная с белыми пятнами дворняжка, очень умная. Она прожила у нас больше года.

Мы сделали конуру, в которой Дружок пережил даже холодную зиму. Распоряжалась всем Вера. Казалось бы, что особенного в кормлении собаки? Нет, Вера завела такие порядки, что подчиняться им было интересно.

Дружок был настоящим другом. По утрам он провожал нас в школу, днем встречал, участвовал в наших играх. Ни один пьяный или хулиган не мог пробыть в нашем дворе больше минуты.

Когда Дружка убили, я написал стихотворение, в котором были такие строчки:

Жил во дворе хороший пес
По прозвищу Дружок.
От хулиганов и колес
Весь двор его берег.
Дружок не знал своих врагов,
Да и не мог он знать,
Что жил на свете Вотяков.
Ему мешал он спать...

Вотяков — житель нашего двора. Он уничтожил Дружка подло: поручил своему шоферу поймать и сдать собачникам. Два дня Вотяков обманывал нас, говорил, что Дружка увезли в деревню, обещал дать адрес. Когда мы показали фотографию Дружка собачникам, они его узнали. Но Дружок уже был убит.

Мы выпустили газету. Там были фотографии Дружка и Вотякова, были факты, были мои стихи. Она висела во дворе десять дней...

Миша Выходец
(БНЦ, 1982, № 1)

Больше всего нам понравилось, что написали об этом Женя Баранов и Сережа Гаврин.

Вот Женины слова:

«Если ты хочешь гулять, а у тебя не вымыта посуда или пол, то надо сделать самое важное вперед, а гулять потом. Если ты это не сделаешь, придут с работы усталые родители, и им же еще придется возиться с домашними делами, а ты в это время весело бегаешь на улице. Они моют посуду, готовят ужин. Когда ты придешь, тебя, конечно, спросят, почему ты ничего не сделал дома. А ты будешь стоять и краснеть. Лучше сделать, что полагается, сразу, чтобы родителям было легче после работы».

Женю во многом повторяет Сережа:

«Например, сижу я у телевизора и смотрю кино, но тут меня зовет мама и просит, чтобы я помыл посуду и вынес мусорное ведро. Маме нужно на работу, и ей нельзя опаздывать. Если бы я остался смотреть фильм и не помог сделать уборку, то маме пришлось бы все делать самой и она опоздала бы на работу, а работа у нее очень важная. И я иду...»

Эти две заметки написаны очень просто, и в них, в общем-то, нет ничего нового. Никаких открытий. Однако бывает, что правильные слова ребята повторяют и пишут с легкостью и умением (потому что знают, каких фраз от них ждут взрослые), а на деле поступают далеко не всегда, как рассказывают.

А этих ребят — Женю и Сережу — мы видели в серьезной работе. Они не боятся самых неприятных дел. В летнем лагере, например, наиболее тяжелым и «неромантичным» было дежурство на кухне. И если случался «прорыв», всегда шли на помощь Баранов и Гаврин. Потому что они привыкли добросовестно относиться к любой работе, а совсем не потому, что они самые «дисциплинированные и послушные».

Когда же вдруг мама захотела увезти Сережу в деревню к бабушке, потому что боялась оставлять его одного дома на пару дней, он воспротивился. Сумел доказать маме, что в отряде важные дела и он не имеет права бросать свой экипаж. **Не хочет** и **не должен**, хотя мама и говорила, что **надо**.

А если «не надо»?

Значит, бывают случаи, когда следует спорить с некоторыми «надо»?

Перечитываем выступление Алеши Краснокутского:

«Бывает, говоришь учительнице, что на продленку сегодня пойти не можешь, потому что должен быть на занятиях в спортивной секции. А тебе отвечают, что секция потерпит и отпустить тебя не могут, так как сегодня приезжает комиссия и все ученики с продленки должны быть на месте.

А почему должны? Кому это надо? Комиссии, чтобы видела, какой в школе порядок? Учителям, чтобы не было неприятностей? Ученику? Ему-то уж

Из архивного трюма

ОДИССЕЯ КОТА ТИМКИ

У меня есть котенок Тимка. Однажды я решил покатать его на велосипеде. Положил в рюкзак и поехал. Кот вертел головой и глядел по сторонам. На большой скорости он начинал мяукать и пищать мне прямо в ухо. Но, видно, ему понравилось. С тех пор он, как только я выкатываю велосипед, ищет рюкзак, залезает в него и ждет, когда я возьму его с собой.

Как-то раз мы поехали на озеро Флюс и кота прихватили с собой. Там захотели покататься на лодке. Тимка, когда его втаскивали в лодку, шипел и выпускал когти, но вскоре уже любопытно выглядывал за борт. С того дня он любит воду.

Он любит также соленые огурцы, горох и дошел даже до того, что пьет газированную воду.

Когда он был совсем маленький, то любил шелестеть бумагой и рвать ее. Однажды я оставил на столе открытую книгу «Одиссея капитана Блада» и ушел гулять. Возвращаюсь и слышу — кто-то рвет бумагу. Я похолодел. Ворвался в комнату и застал бандита на месте преступления. Тимка был отшлепан, но когда мой пыл прошел, мне стало жалко кота. Я взял его на колени, погладил, и мир между нами был восстановлен.

Володя Иванов
(Барабанщики, 1985, № 56)

точно не надо. Пока он сидит в классе для «полного процента», в секции срывается тренировка, нервничает тренер (а он, как и учителя, взрослый человек и педагог и тоже на работе)...»

— Продленка только отучает от самостоятельности,— с обидой сообщила наш флагман Анюта Мясникова.— Наша Лелька две недели ходила в группу и теперь сама совсем не может уроки учить. Привыкла с нянькой и все по указке...

— Ага, «с нянькой»! — горько возразил Алеша Шарков.— Нас учительница оставит в классе одних, все галдят, заниматься невозможно. А потом она приходит и давай: «У тебя неправильно, перепишешь дома! У тебя написано грязно — переделать!» Домой придешь в полседьмого — вся голова гудит, а надо еще уроки учить. Ни погулять, ни почитать...

— В группе продленного дня режим...— послышалась ироническая реплика.

— К режиму тоже надо относиться по-умному,— заметил Алеша Васильев.— В продленке один режим на всех и на каждый день, а в жизни одинаковых дней не бывает. Надо умело своим временем распоряжаться... На флоте, например, тоже режим, но надо ведь и к неожиданностям быть готовым: то шторм, то аврал, то срочная разгрузка-погрузка в порту. И продленка, по-моему, не должна быть какой-то монотонностью. Тут и самого школьника нужно спрашивать: что он хочет успеть сделать за день?

— Точно! — согласился Андрей Зайцев (мы его зовем Андреем Сергеевичем в отличие от другого Зайцева — Андрея Владимировича).— А то никогда не спрашивают! «Надо, надо!» А зачем?

Перечитываем его заметку:

«Наш класс так не любит, когда проводят смотр строя и песни. «Налево, направо, кругом» — надоедает... Учителя говорят: «Это запланированное мероприятие, и вы не имеете права его пропускать». Но строевым приемам нас на уроках физкультуры учат, а потом еще будут на военной подготовке...»

Андрея поддерживает Алеша Кузнецов:

«Эти смотры совсем не нужны, потому что неинтересно».

В те годы, когда в школах только начинали устраиваться ежегодные смотры строя и песни, это были яркие пионерские праздники. Ребята все готовили сами, командовали там не учителя, а пионерские командиры. Это было здорово! Во многих школах это и сейчас так. Но кое-где — как у Андрея и Алеши — смотры превратились в мероприятия для отчетности. Чтобы «школа не выглядела хуже других».

И некоторые учителя заставляют ребят заниматься неинтересными делами, грубо нарушая пионерское самоуправление.

А может быть, Андрей и Алешка просто кислые нытики, которым неинтересны пионерские дела?

Но мы помним, как лихо маршировал на май-

Из архивного трюма

Я ЛЕТАЮ

Осень... Сколько поэтов посвятили ей свои творения.
Осень... Золотая, унылая, дождливая...
Сегодня на улице теплынь — бабье лето. А мы идем в школу. У порога дежурные: сменка!
— Нету, ведь на улице...
— Дневник!
На уроке сижу, обратив свой взор к окну, смотрю на бегающих по двору малышей и думаю, что я буду делать после занятий (кстати, идет только первый урок). Как сквозь вату, слышу голос учителя:
— Где ты летаешь?
Я молчу. А знаете, наша географичка говорит, что Южная Америка и Африка когда-то были одним материком. Может, это правда? Хорошо было бы посмотреть, как он раскалывался...
— Ты меня совершенно не слышишь! Садись!
Я сажусь. И снова летаю. Хорошо бы побывать в Бразилии. Или хотя бы в Перу.
Но тут:
— Просклоняй причастие!
Я вздыхаю, выхожу к доске и думаю: «Интересно, как в Вест-Индии детей учат?»

Света Нужина
(Барабанщики, 1985, № 56)

ских парадах Алеша Кузнецов. Он был тогда самым маленьким в отряде и по традиции шагал впереди колонны.

И как торжественно и радостно отбивает марш на отрядных линейках наш барабанщик Андрюша Зайцев...

Разговор о ненужных «надо» продолжается.

Олег Тимченко:

— Конечно, необходимо собирать макулатуру и металлолом. Но, когда спрашиваешь, почему лом ржавеет на школьном дворе, а макулатура гниет, нам говорят: «Ваше дело — собрать, а дальше без вас разберутся». Тут сразу начинаешь думать, нужным ли делом занимался...

Андрей Казаков:

— Еще очень часто говорят «надо», когда выбирают в председатели совета отряда того, кто не хочет. А тут одним «надо», по-моему, не обойдешься. На такой работе без желания нельзя.

Володя Локтин:

— Дело в том, что, когда тебя заставляют, всякое желание пропадает и никакие «надо» не действуют. А вот в третьем классе у нас была учительница Нина Александровна, так она никогда не командовала, а все делала с нами. И всем было весело даже в трудных делах. Я считаю, надо не заставлять, а заинтересовывать ребят...

Володя высказал интересную мысль. Из его слов следует, что обязанность и желание далеко не всегда противоречат друг другу.

«Может быть, это счастье...»

В самом деле, разве обязательно «хочу» и «надо» должны противостоять друг другу?

Сережа Рыжков:

«Иногда они противостоят, но это не настоящее, кажущееся несогласие. Со мной случилась такая история: мы с товарищем, с Вадиком, записались в судомодельную секцию во Дворце пионеров. Там все было интересно, и мы с первого дня решили строить свою модель. Работа закипела. Но, когда посмотрели на то, что построили, произошло полное разочарование. И руководитель уже в четвертый раз посоветовал ходить на теоретические занятия, «на уроки». Но Вадик считал, что это скучно, и мы не ходили. А в этот раз остались. Теперь мы уже знаем две расчетные формулы и можем сами рассчитать корпус судна. Я понял, что если хочешь построить хорошую модель, надо идти через разные мелкие нежелания, лень и прочее. Тут желание и необходимость тесно связаны. А ведь человек всю свою жизнь чего-то хочет. Хочет кем-то стать, сделать открытие, людям пользу принести. И это его «хочу» порождает другое — то, что мы называем «надо». Иногда эти понятия стоят далеко друг от друга и трудно уловить между ними связь. А ее очень важно, по-моему, уловить, когда идешь к цели».

Из архивного трюма

ДНЕВНИК... КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...

В понедельник все должны были принести свои дневники. После построения Слава начал их собирать, и тут выяснилось, что из всей первой эскадры с дневниками только восемь человек, то есть одна треть. В эскадре были распространены такие оправдания: «Забыл. Потерял. Взяла учительница на проверку...» До каких пор мы будем так безответственны! По-моему, этот вопрос надо поставить на совете. И в последний раз! За невыполнение любого задания надо спрашивать строго, невзирая на звание и стаж.

Антон Добрачев
(Барабанщики, 1985, № 58)

Митя Кононов:

— «Хочу» и «надо» не стоит употреблять только в виде выбора. Лучше всего делать так, чтобы и тебе хотелось, и людям было это надо. Такое встречается в жизни не так уж редко.

Игорь Годовых:

— Правильно! Мне сегодня нужно было идти в отряд на занятия по морскому делу. Это и надо, и очень хочется... Ну а вдруг нужно что-то делать, а не хочется? Тогда надо думать не только о себе, а считаться с другими.

Павлик Крапивин:

— Когда человек понимает свои обязанности и четко выполняет их, даже если не хочется,— это проявление силы воли. Но Митя прав: нередко желание и обязанность совпадают. Например, любимая работа — ее нужно делать и это доставляет радость. Наверно, если человек сумел в жизни найти любимую работу — это самая большая удача. Может быть, это и есть счастье.

Инна Депутатова:

— Я с этим тоже согласна. В любом деле надо найти интересную сторону. Но... Игорь вот только что сказал: бывает же, что до ужаса не хочется, а надо...

— Опять «уроки или телевизор»?

— Да нет, я не об этом. Иногда просто не знаешь, какой сделать выбор.

Надо выбирать

Вот как рассуждает Инна:

«Иногда выбирать бывает не так-то просто. Можно даже запутаться между многими «хочу» и «надо». Например, в школе субботник, а в секции ответственные соревнования — в одно время. И туда и сюда надо. И туда и сюда хочется. И там и здесь можешь подвести ребят. Вот и крутишься...

Или другой пример. Идешь в школу и видишь, как здоровые лоботрясы обижают малыша. А уже звонок. Можно подумать: «Мне надо без опоздания прийти в школу, потому что моя главная обязанность — учиться». Но тут и другая мысль: «Человеку надо помочь». И желания самые спорные: одно — «Мне хочется обойтись без синяка и без выговора за опоздание», а второе — «Мне хочется считать себя честным человеком и не мучиться потом, что оказался трусом».

И так далее. Столько «надо» и столько «хочу», что сразу не разберешься».

— И долго ты разбираешься в таких случаях? — спросил кто-то из новичков.

Ребята развеселились. Они-то знают, что, столкнувшись с хулиганами и обидчиками маленьких, Инна разбирается после схватки, когда противник «зализывает раны».

Вот о таком умении отбросить все колебания, когда жесткое неотвратимое «надо» требует от

Из архивного трюма

ЗАМЕТКА О ЗАМЕТКАХ

Вы не приглядывались к заметкам, которые поступают в редакцию? Какой у них внешний вид? На лоскутке бумаги, без названия и подписи автора. Редакция бегает по всему отряду, размахивая листком, и спрашивает: «Твоя, нет?» Наконец находится тот, кто отвечает: «Ну, моя». На вопрос, почему не подписал, каждый отвечает, что забыл. Ладно, раз забыл, другой, но нельзя же это превращать в систему!
Название — это, наверно, самое трудное в подготовке заметки, потому-то у большинства заметок название отсутствует. Вот и приходится редакции ломать голову, в то время как автор отговаривается: «Придумаете сами!»
А вот уже и редакция выдумала новшество: заметки на свободную тему. О чем писать? — редакция не знает, вот и говорит: «О чем угодно!» Ну и будут все рассказывать об одном и том же — о том, что все в отряде видели...

Виталик Голенищев,
Толя Свечников
(Барабанщики, 1985, № 65)

твоей совести быстрого справедливого решения, тоже шел разговор.

— Бывает ведь, что человек и не думает, «хочу или не хочу»,— сказал Алеша Краснокутский.— Иногда такое случается, что надо все бросать и делать главное.

— Случается,— согласился Андрей Казаков.— И у взрослых, и у ребят...

Случается... Надо защитить товарища от несправедливого обвинения — и встаешь...

Грохает среди ночи тревожный выстрел ракетницы — и вылетаешь из палатки...

Кого-то «придавило» шквалом — и ты под злорадное штормовое завывание рывком перекладываешь руль, чтобы успеть на помощь.

— Бывало такое, братцы?

— Бывало... И, наверно, еще будет.

Так, может быть, только об этом и стоило говорить? А то собрали все в одну кучу: и о прическах, и о телевизоре, и насчет макулатуры.

Нет! Все важно. Каждый день сталкиваешься с маленькими «хочу» и «надо». С ними тоже нелегко. А кроме того, многие крупные сложности начинаются с мелочей. И воспитывать характер надо постоянно.

Ну и до чего же договорились? Какие выводы?

А выводы такие

Если действительно НАДО — значит, надо. Делай и не пищи.

Но бывает, что «надо» ненастоящее, придуманное для показухи, для отчета, для внешнего благополучия. Чтобы кому-то спокойнее жилось за счет других. С такими «надо» н а д о бороться.

«Надо» и «хочу» очень связаны. К большой цели часто приходится идти через маленькие «не хочу, но надо». И идешь, если добиться цели действительно х о ч е ш ь.

Самое лучшее, если «надо» и «хочу» совпадают. Это приносит человеку радость.

«Хочу» без «надо» не бывает. Даже пословица есть: «Любишь кататься — люби и саночки возить». Если это поймешь, тогда полюбишь «возить саночки» и твое «надо» превратится в «хочу». Чем умнее человек, тем скорее он это понимает.

— А чтобы стать умнее, надо, дети, учиться,— вздохнули в задних рядах нашего «пресс-зала».

— В том-то и дело. Даже если «не хочу»...

— К этому, братцы, все и шло... А у меня алгебра не сделана. Дома мне устроят «пресс-конференцию»...

— Но материал-то для газеты н а д о было готовить!

— А мама скажет: «Не х о ч у ничего знать. Марш за уроки!»

— А что делать? Н а д о...

(Пионер, 1980, № 1)

ДИСКУССИОННЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ
«ЗА И ПРОТИВ»

Что такое самостоятельность?
Что такое самоуправление?
Какое оно в пионерском отряде?
Об этом в пионерском пресс-центре «Каравелла» шел разговор за редакционным «круглым столом»

ХОТИМ САМИ!

Стола у нас в кают-компании нет. Его вытащили, чтобы сделать на полу чертеж треугольного паруса — стакселя: отряд оснащает к новой навигации сразу восемь новых яхт. Это результат той самой самостоятельности и самоуправления внутри нашего пионерского отряда, никуда от них не денешься. Взрослые инструкторы, считая себя людьми наиболее здравомыслящими, осенью утверждали: для начала хватит и четырех новых парусников. И слышали ответ:

— Восемь! Надоела теснота на яхтах!

Это дружно кричали экипажи. Самостоятельные и самоуправляемые. Во главе со своими капитанами, недавно получившими права яхтенных рулевых.

— Ну хотя бы пять...— жалобно молили инструкторы.

— Восемь! Голосовать! Общий сбор!

— Голосовать — не строить! — отбивался командор «Каравеллы».— Вы что? Столько судов за одну зиму!

— Восемь!

Проголосовали. Построили. Теперь все помещения забиты еще не покрашенными корпусами «штурманов» (это яхты нашей собственной конструкции). Разместиться для разговора негде. Впрочем, можно устроиться и на яхтах, но попробуй что-то выяснить, если по наболевшим вопросам хотят сразу высказаться семьдесят три человека. Вот и решили, как обычно: пусть сперва каждый дома напишет, что думает, а потом обсудим эти репортажи и рассказы. И разговор будет не с бухты-барахты...

Робинзон — это не то...

Казалось бы, о чем говорить? И так каждый день слышишь: «Большой уже. Самостоятельнее надо быть». Все-все: и вожатые, и директора школ, и начальники пионерских лагерей, и воспитатели продленных групп, и даже строгие завучи, когда речь идет о самостоятельности,— «за». Да, но ребята полностью согласны с ними! Почему же тогда взрослые считают, что школьники нынче несамостоятельные?

— Это смотря где! — обижается Максим Гареев.— Пришли бы к нам в отряд. Посмотрели бы, как пятиклассник обучает группу новичков, которые старше его. Или как ребята мачты клеят и строгают...

— Или как вахта работает!

— Или редколлегия...

— В конце концов, что такое самостоятельность? — солидно вступил в разговор девятиклассник Костя Тихомиров.— Это когда человек САМ СТОИТ, то есть способен найти правильное решение, доказать свою правоту, сделать задуманное. А где он этому научится? В коллективе, где все равны и управляют сами. А если за тебя и за твоих

Из архивного трюма

ОДА КУХОННОМУ НАРЯДУ

При слове «практика» все, конечно, представляют яхты, паруса, шкоты, моторки... Я хочу сказать о кухонном наряде.

Какая польза от него — объяснять не надо. Все сами убедились в этом, когда уставшие и изголодавшиеся выстраивались у киндейки с мисками и ложками в руках.

Со стороны кажется, это очень просто: встать раньше всех, приехать в столовую, получить уже приготовленный обед и привезти на базу. Но жизнь «нарядная» — не сахар и не торт. В столовой надо долго ждать, томясь в темном, душном подсобном помещении. А на улице в это время светит солнышко, листва шелестит. На базе начинают подниматься паруса...

До базы еще надо доехать. Трамвай трясет, из ведер плещется. Это ведь не просто плещется — это чья-то добавка уходит! Обнимаем ведра, как родные. А они по-родственному делятся с нашими брюками листьями вареной капусты или компотом.

И все же трамвай вспоминается с нежностью, когда он не ходит и до базы приходится топать пешком. Вот представьте себе хотя бы один такой поход. Самое тяжелое ведро несут по очереди Антоша Бушмелев и Паша Нехно, меняясь через сколько-то столбов. Потом кому-то приходит в голову, что проливаться будет меньше, если нести ведро вдвоем, растянувшись в разные стороны. И вскоре визовские рыбаки с интересом наблюдают, как четверо ребят в отрядной форме идут по дороге вдоль берега, раскинув руки, словно в греческом танце «сиртаки», и между ними «танцуют» три ведра. Сзади спотыкаюсь я,

друзей все решено заранее — «Делайте это так, а это вот так»,— то не приходится ни о чем беспокоиться. Тебя держат — значит, не упадешь... Но и стоять не научишься. Вот когда я был во Всероссийском «Орленке», мы там всё сами...

— Так это в «Орленке»!

— Слышали уже про «Орленок»! Вот если бы везде так!

...Но право на самоуправление у ребят как раз есть везде. На принципе самоуправления основана вся пионерская организация. Поэтому пионеры должны пользоваться этим правом в своих отрядах: сами придумывать интересные дела, выбирать командиров, давать поручения товарищам, оценивать их поступки. Кто лучше самих ребят знает, как сделать интересной и полезной для людей жизнь в отряде? И есть полная возможность стать по-настоящему самостоятельными. Так всегда должно быть в пионерской жизни. И зимой, и летом.

— Должно-то должно. Но...

Невеселая история

«Прошлым летом я был в лагере...

Перед каникулами я ходил веселый: думал, что поеду в деревню и там увижусь со старыми друзьями. Но судьба (то есть мама) распорядилась иначе. Она говорила, что в лагере будет мне лучше: там много ребят, к тому же есть речка, мы будем купаться. Я заметил, что и в деревне у меня друзей полно, и купаться, и загорать я там смогу сколько хочу. Но не уговорил...

И вот лагерь. На линейке стали выбирать председателя совета отряда. Мы хотели, чтобы им стал один мальчишка: мы его знали еще раньше и уважали, он был хороший товарищ. Но вожатая сказала, что в школе он учился «не очень», и выбрала девочку, которая стояла и чуть не ревела — так ей не хотелось.

Начались лагерные дни. В столовой на большом планшете висел заранее придуманный начальством план на всю смену. Мы предлагали свои дела, но слышали в ответ: «Мы лучше знаем, что вам нужно». По плану ежедневно было выделено два часа на культмассовые мероприятия. Сиди и слушай беседу или разучивай песни. А иногда и этого нет, просто ребят заставляли находиться в главном корпусе. За неявку туда водили к начальнику и грозили отправить домой. «Здесь пионерский лагерь. Поэтому делайте, что говорят!»

Один раз наш отряд все же решил проявить инициативу: сходить в поход. Стали готовиться, наметили план, составили маршрут. Оставалось уговорить вожатых. Но еще до этого кто-то сообщил о наших планах. «Заговор» был раскрыт, и поход отменили.

А разве мы хотели плохого? Если бы мы ходили в походы, то многие бы научились ставить палатку, разжигать костер, варить обед, появились бы у нас

нагруженная сумками, и время от времени предупреждаю о приближении машин. А неугомонный Митька Нужин бегает вокруг с кастрюлей в руках и суется под ноги... Так что, вспоминая практику, не забудьте и добрые слова о кухонном наряде.

Марина Казанцева,
инструктор отряда
(Барабанщики, 1985, № 52)

новые друзья из окрестных лагерей. И стали бы мы в чем-то немного самостоятельнее. Но некоторым, видимо, не нравится, когда жизнь у ребят шумная и беспокойная. Боятся неприятностей. Поэтому даже купаться не разрешают. Некоторые вожатые, когда крепко припекает, разрешают искупаться, но только, чтобы этого не видел никто, а то им сделают выговор. Даже за то, что иногда ходим с вожатыми за грибами, ругают на линейке.

Четвертый, пятый, шестой отряды решили провести дружеские встречи по футболу. Судьей выбрали физрука. Об этом узнала начальник лагеря. После второй встречи запретила проводить остальные матчи. Так мы их и не провели.

Ребятам все надоело. Несколько человек пошли утром порыбачить к речке, что в двадцати метрах от ворот. Возвращались веселые, хотя поймали и немного. Первый раз у нас было интересное дело. Но в лагере «рыбаков» встретили сурово: отобрали снасти, а самих два дня не выпускали гулять!..»

Вот такой рассказ. Грустный, да? И самое грустное, что у него не один автор. Он составлен из заметок разных ребят: Димы Феклистова, Димы Махонина, Васи Мартынова, Димы Каменщика, Ларисы Коробицыной, Сережи Мальчикова, Кости Уварова, Ларисы Захаровой. Эти ребята не похожи друг на друга ни характерами, ни возрастом, они из разных школ и главное — были в разных лагерях. А заметки одинаковые. И не только у них.

Правда, рассказывают и о других лагерях.

Женя Левитин — о походах с ночевками и об «огромном» концерте, который устроили ребята в конце смены.

Егор Коновалов — о лагере «Мирном» под Первоуральском: там было множество кружков, никто не запрещал отрядам ходить в лес, заниматься любимыми делами, и начальник лагеря всегда стремился помочь пионерам.

А Стасик Ивакин написал про Всероссийский лагерь «Орленок». Если бы все лагеря были такие!

А почему «обычные» лагеря часто пугают ребят скукой?

Юнкоры считают: потому что взрослые «сами знают, что им (ребятам) нужно».

Случайность

Итак, ребята утверждают, что в пионерских лагерях самоуправление порой нарушается. Но, может быть, пионеры встречаются с этим явлением только летом? Только на каникулах? Может быть, это случайность для всей пионерской жизни?

— Ничего себе — «случайность»! — зашумело собрание.— А разве в школе так не бывает?

Хотели мы этого или нет, а разговор все равно коснулся школы. Потому что в ней должны воспитываться самостоятельность и навыки самоуправления. И все заговорили об одном.

Классный руководитель решает, кого из семи-

Есть мальчишки, которые думают, что они очень самостоятельные и взрослые. Начинают курить, ругаться и так далее. Это не самостоятельность, а дурость.

Саша Шардаков

Самоуправление — это не то, что делают по принуждению, а свобода обдуманных действий.

Максим Гареев

Если человека постоянно тыкать носом и заставлять делать то, что он должен делать без всяких напоминаний, он становится безответственным. И если такой человек попадет когда-нибудь на ответственный пост, где не надо ждать подсказки, а надо действовать самому, он просто завалит дело.

Коля Боднар

классников принимать в комсомол. Он назначает представителей для участия в заседании совета дружины. Он заявляет четвероклассникам: «Ни в какие зоопарки не пойдем, а пойдем в оперный театр». Он говорит: «Семенов будет в «Зарнице» стрелком, а Кондратьев пожарным. Не спорьте, я лучше знаю... Не придешь на игру? У тебя что, давно в дневнике записей не было?»

Но разве есть такая должность — классный руководитель — в пионерской организации? В **самодеятельной** и **самоуправляемой** детской коммунистической организации! Ею по поручению комсомола руководят вожатые. Учитель может быть помощником, советчиком пионеров, но быть у них командиром он просто не имеет права.

Это, если по правилам. А на самом деле?

Как же на самом деле?

— Учителя считают: дай нам самостоятельность, и мы обязательно что-нибудь натворим,— вздохнул Сережа Аладжиков.

— Да все взрослые так,— поддержали его.

— Но они же за нас отвечают,— снисходительно заступился за взрослых Андрюшка Игнатьев.— Вот и боятся, чтобы чего-нибудь не случилось.

Что же, случиться может всякое. Дима Емельянов об этом даже небольшой рассказ написал, как он самостоятельно варил ужин. В итоге сгорела не только каша, но даже кастрюля, остатки которой пришлось сдать в металлолом.

Видимо, вот почему...

— Им удобнее, когда дети просто подчиняются...

— Они все знают сами! Зачем им считаться с ребятами...

— Да нет. Тут дело серьезнее...

В самом деле, серьезнее. И среди шумных рассказов о «несправедливостях», воспоминаний про обиды, язвительных реплик и убедительных призывов вспомнить, что «не все взрослые такие», в конце концов прорезается конкретная мысль:

— Теперь командиры главным образом кто? Наши учителя. Они привыкли работать в школе. Привыкли, что тут поделаешь. Они ведут уроки, а на уроке — как?..

На уроке как? Один говорит, все слушают. Тебе говорят: делай так, и ты делаешь. Это, наверное, правильно, когда урок. Но вот приходит учитель на сбор и начинает его тоже вести как урок. Или приезжает летом в лагерь, делается воспитателем (а то и вожатым) и хочет, чтобы опять всё, как в школе. А ведь класс и пионерский отряд — это не одно и то же, тысячу раз об этом писали и говорили. Об этом и Положение о пионерской организации. И вожатый — это вовсе не то, что учитель.

К такому выводу пришли все юнкоры «Каравеллы».

А что же делать тем ребятам, которые тоже не прочь взяться за какую-нибудь самостоятельную работу, а им не дают? Как быть, если им говорят, что в самоуправлении главное — слушаться взрослых, а самостоятельность придет потом?

Самостоятельный человек — тот, кто не только может найти свою дорогу в жизни, но и, если надо, помочь товарищу или другу.

Лена Папкова

Как быть?

Спорить? Настаивать? Да. Умение бороться за правоту — хорошее качество.

«Когда моя сестра училась в седьмом классе,— вспоминает пятиклассница Оля Черняева,— все ее одноклассники захотели летом работать в теплице, а учительница биологии боялась, что дети что-нибудь сделают не так. Когда ребята стали настаивать, она сказала, что эти вопросы решает директор. Но директор сначала тоже запретил. И все же семиклассники добились своего, стали работать в теплице. Опасалась учительница напрасно. Справились они с работой хорошо».

Часто можно услышать: «Много на себя берете. Малы вы еще взрослых судить... Так вы еще и обиделись? Обижаться на взрослых вы еще малы!»
Но ведь не всегда правы взрослые.

Лена Кардашина

Спорить надо. Но одним ребятам «борьбой» и «отстаиванием» дела не решить. Проще бывает проявить смелость в стычке с хулиганами или при какой-то опасности, чем доказать что-то человеку, который говорит: «Не дорос еще!»

Иногда родители говорят: «Ты не будешь заниматься техникой, а пойдешь учиться в музыкальную школу».
А если она ему совсем не нужна?
Взрослые, не мешайте своим детям заниматься любимыми делами, пусть они сами выбирают свое место в жизни.

Дима Солохин

Стоит над этими вопросами задуматься тем взрослым, от которых зависит работа пионеров. Надо, чтобы все, кто имеет отношение к ребятам, знали и выполняли Положение о пионерской организации, где сказано, что она **самоуправляемая.** Уважали права пионеров. Надо, чтобы у каждого отряда был настоящий вожатый — командир, который умеет быть не только начальником, но и товарищем, понимает ребят и любит свою работу. Не только в лагере, но и в школе. И не такие вожатые нужны, которые приходят раз в месяц, «выполняя поручение», а те, кто постоянно живет с ребятами одной жизнью. Ими вполне могут стать комсомольцы-старшеклассники. Только не тихие девочки, которые умеют лишь читать малышам книжки и чуть что — испуганно смотрят на учительницу. Нужны боевые ребята, которые умеют много интересного сами и могут многому научить пионеров. Где их взять? Если приглядеться, такие комсомольцы есть в любом восьмом, девятом, десятом классе.

(Пионер, 1981, № 1)

Из архивного трюма

БОЙ С СОРНЯКАМИ

Когда нам предложили посражаться не только пером, но и руками, наши «дети» не сделали кислых физиономий, а с видом скромным и достойным дали согласие потрудиться на полях Первоуральского совхоза. Возле центральных ворот лагеря нас ждал комфортабельный автобус. По дороге тренированные певцы юнкоровского объединения исполняли мелодичные песни из «пиратского» репертуара — такие, что другие отряды слушали и удивлялись: «Где это они такие выучили?»
Но вот и поле сражения! Сорняки выше в два раза наших воинов, но дух оптимизма берет верх, и все с большой скоростью налетают на противника. Его уничтожают, выдирая с корнем, кладя штабелями — так, чтобы корни торчали вверх...
Работали все отлично, всем говорю спасибо.
Но больше всех удивил Вовчик Шардаков. Он вырос в моих глазах до Великана! Он, оказывается, умеет не только баловаться, но и работать руками. Один из первых закончил свой ряд и перешел помогать ребятам из другого отряда. И там работал, как говорится, «не покладая рук и ног своих». И я теперь снимаю обещание устроить ему взбучку за некоторые прошлые фокусы. Таких мальчишек надо ценить и кормить мороженками.
Все работали здорово, поле капусты стало чистым, и теперь всем видно, что здесь растет капуста, а не картошка.

Марина Кудряшова,
вожатая отряда «Алый парус»
(Каррамба, 1982, авг., № 9)

Дима Пыхтеев,
штурман «Каравеллы»,
шестиклассник

КЛАСС ИЛИ ОТРЯД!

(Выступление на слете юнкоров)

Недавно мы в отряде смотрели друг у друга дневники. Кончилась четверть, ну и надо же знать, у кого как дела. Конечно, смотрели не только оценки, а вообще: что там внутри. А все ребята знают, что внутри бывает всякое: «Прошу родителей зайти в школу», «Улыбался на уроке», «Бегал на перемене» и так далее... Бывает, конечно, и наоборот: «Хорошо дежурил по классу», «Интересно провел политинформацию»... Правда, это реже. Видимо, желание сделать запись у классного руководителя возникает чаще всего тогда, когда настроение у него испорчено.

Многие дневники — это просто увлекательное чтение. Что-то среднее между приключенческим романом и отделом ребусов, которые печатаются в уголке «Переменка» журнала «Пионер».

Вот, например, у шестиклассника Димы Емельянова из школы № 148 на одной странице запись: «Поведение — единица! Ведет себя безобразно!» И тут же, рядом: «У сына всю неделю лирическое настроение».

Вот и думаешь: как можно вести себя безобразно (так, что даже кол за поведение), если у тебя лирическое настроение. Ведь если оно лирическое, ты тихий, задумчивый, стихи писать хочется... И еще думаешь: какое настроение было у классного руководителя, когда он красными чернилами делал такие записи?

А вот еще одна запись — у шестиклассника Славы Козлова из школы № 70: «Безобразно вел себя на перемене, мешал учителям начальных классов!» Ну, думаем, дошел человек до ручки — даже на перемене нет от него покоя учителям! Придется вызывать на совет отряда и разбираться по всей строгости. А с виду такой тихий, скромный, на скрипке играет... Спрашиваем: «Признавайся, что натворил?» А он виновато хлопает глазами и объясняет: «Да ничего такого. Я на этаж к малышам пришел, на продленку. Я с ними еще в прошлом году привык всякие игры устраивать, они ко мне тоже привыкли. Как увидят — сбегутся, окружат, ну, конечно, без шума не обходится. А что такого? Не могут же они весь день тихо, как мыши, сидеть».

Да, не могут!

Но кому-то хочется, чтобы ребята всегда вели себя тихо, как мыши. Вот и рассердилась учительница, прогнала Славку. Да еще и запись он заработал.

Но как же быть? Ведь мы то и дело слышим: приходите к октябрятам, дружите с малышами,

Из архивного трюма

МОИ МОДЕЛИ

Моделированием я начал заниматься давно. Сначала с помощью приложений к «Юному технику» и польского журнала «Малый моделяж». Но парусники в журналах были большие и появлялись один раз в год. Тогда я стал вырезать модели из дерева по своим чертежам.

Первый корабль вышел плохо — кривой, неотесанный. Но я делал модели часто, и постепенно они становились все лучше. Однажды я построил крейсер, уменьшенный в 1000 раз, и он уже всем понравился.

После этого было сделано около 15 кораблей. Они быстро улетучивались — я дарил их ребятам. В результате у меня осталось их штук пять. Летом, чтобы не забыть то, что мы учили в отряде по морскому делу, я снова занялся моделированием — сделал фрегат, затем еще три корабля. Лично мне они нравятся, наверное, кому-нибудь их тоже подарю.

Володя Иванов
(Барабанщики, 1985, № 61)

учите их играть, это обязанность пионера... Это ваша пионерская работа!

Конечно, если бы Славка пришел к учительнице и заранее попросил разрешения провести с малышами тихую беседу: как выполнять режим дня или клеить игрушки на елку,— ему, может быть, разрешили бы. Видимо, это и считалось бы пионерской работой!

Почему-то во многих школах считается, что пионерская работа — это внеклассные мероприятия, которые проводятся под руководством учительницы или воспитательницы с продленки: пошли всем классом в кино — пионерское дело. Провели классное собрание, где обсудили двоечников,— тоже пионерское дело (иногда это даже называется «сбор»). А если уж по приказу классной руководительницы притащили по пять кило бумаги — это уж совсем замечательная пионерская работа! Можно бить в барабан и приклеивать себя на Доску почета.

Только никакая это не пионерская работа.

Давайте снова вернемся к дневникам. Разве мало там записей такого содержания:

«Не участвовал в сборе макулатуры».

«Сбежал с репетиции смотра пионерского строя и песни».

«Не явился на пионерский сбор! Поведение — два!»

«Отказался участвовать в «Зарнице» — не болеет о чести класса!»

Вот тут-то и начинается путаница. Класса или отряда?

Наш юнкоровский пресс-центр не раз ставил вопрос в разных газетных выступлениях, в телепередачах, в журнале «Пионер», что класс и пионерский отряд — это вещи разные. Кстати, в новой книге Лии Семеновны Симоновой, заместителя редактора «Пионера», об этом тоже хорошо сказано. Книга называется «Ты, я, наш отряд». Почитайте — увидите...

Отряд — это единица пионерской организации. Нашей, ребячьей. И ребята в ней — сами хозяева. На уроке — другое дело. В учебных делах учитель — командир. Это правильно: он нас учит, мы у него учимся, мы ему подчиняемся. Но мы имеем право быть самостоятельными, когда речь идет о наших пионерских делах.

Я знаю, что стране нужны бумага и металл. Я буду их собирать, потому что это одна из задач пионерской организации. Той, в которую я добровольно вступил. Если я свое дело делаю плохо, пускай меня обсуждают ребята из отряда или совет дружины. Если я совсем плохой пионер, могут исключить, это будет справедливо. Но при чем здесь двойка? Пионерская работа — это не учебная программа, которую утвердило Министерство просвещения.

Может быть, я с удовольствием буду участвовать в «Зарнице», а может быть, мне это не нравится

Из архивного трюма

ТРУДНО СДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ПЕРВЫЙ ШАГ

Пока я шел с остановки в отряд, очень замерз. Но как только взялся за дверную ручку — сразу стало жарко. Открыл эту дверь, а за ней другая. Тут весь мой запас храбрости кончился. Стою перед дверью, опять смелости набираюсь. Наконец сосчитал до трех и потянул дверь на себя. Вошел. И остановился — не знаю, что делать.

На меня налетело что-то оранжевое, с аксельбантами. Налетело и поздоровалось. Ну, я ответил.

Он спрашивает: «Ты сюда?» А куда же еще? «Ага!» — говорю. Мальчишка обернулся и позвал: «Слава!» Подошел большой такой дядя в красном свитере. Я здорово удивился, думал, что Слава — по крайней мере старший мальчишка, а тут...

Слава меня спросил: «Кто такой? Откуда? Почему из такой дали сюда приехал?» (Я живу на Химмаше). А когда узнал, что я родился в один день с ним, тут же велел Наташе «выдать человеку все, что надо». И мне выдали форменные пуговицы, ремень и якорек. Я понял, что меня приняли в отряд, и очень обрадовался.

Алеша Колупаев
(Барабанщики, 1985, № 56)

или у меня в этот день другие дела. Разве я не имею права попросить отряд заменить меня? Но вот приходит классная руководительница, и у нее все решено:

— В игре будут заняты двадцать пять человек. Ты, Петров, будешь разведчиком, ты, Семенова, санитаркой, ты, Палкин, стрелком... Как это не можешь? Какие у тебя соревнования? Ничего не знаю, это общешкольное мероприятие. Школа прежде всего!

А на самом деле не школа здесь занята, а дружина!

Пионерская дружина!

И нет среди командиров дружины такой должности — классный руководитель. Вожатый есть, председатель есть, члены совета, представители штаба «Зарницы».

Начинаешь это говорить, а тебе: «Ты что, не знаешь, что пионеры работают под педагогическим руководством?»

Мы знаем. Мы много раз про это слышали. Но мы понимаем и другое — педагогическое руководство и командирство классной руководительницы — это совсем не одно и то же. Вожатый — тоже педагог, и когда он командует — это понятно. Если учителя нам помогут хорошим советом — это тоже понятно, это и есть их руководство. Кто откажется, если военрук поможет провести «Зарницу», расскажет про организацию армии, про маневры, про оружие? Кто против — если учитель литературы объяснит, как лучше выпустить газету?

Но решать, кто будет командиром в военной игре и редактором отрядной газеты, должны мы. И какие заметки в газете помещать, тоже позвольте нам. И мы сами можем решить: принимать участие в смотре строя или у нас другое дело в это время. Может, у нас в эти дни спектакль пионерского театра или читательская конференция, а маршировать мы раньше научились.

Честь отряда — это вовсе не значит участвовать во всех делах, которые проводятся из года в год: смотр, «Зарница», фестиваль, эстафета и так далее. Мы должны сами определять для себя интересные и полезные дела. И выполнять их не под угрозой двойки, а потому что нам самим это нужно и интересно.

Но доказать все эти вещи очень трудно. На словах все за пионерскую самостоятельность, а на деле так: не захотел пойти с классом в кино — «Отрываешься от коллектива!» А подготовка к смотру строя и песни — на уроке физкультуры. А за неявку на хор — двойка по пению. А пошел играть с октябрятами — мешаешь учительнице.

Что-то хочешь сам — не надо. От чего-то отказался — двойка или запись в дневнике. Почему? При чем здесь дневник?

«А при том,— говорят нам,— что вы обязаны принимать участие во внеклассной работе».

И снова возникает путаница: никто, даже самые

Из архивного трюма

В «КАРАВЕЛЛЕ» ЦЕНЯТ СМЕЛОСТЬ

Я много слышал и читал об отряде «Каравелла», но даже и не мечтал попасть туда. Зная мою заинтересованность, мама решила взять меня с собой на встречу с Владиславом Крапивиным в библиотеку им. Белинского. Там я сидел, как на иголках, потому что хотел задать вопрос о «Каравелле», но стеснялся написать записку, стеснялся своего почерка и всех взрослых. Мама сказала, что я должен проявить волю, ведь в «Каравелле» ценят смелость.

В конце концов, собравшись с духом, я отправил записку, а после встречи подошел к Крапивину. Он сказал, что записи в отряд нет, но я могу прийти посмотреть.

Я думал, раз «Каравелла» — пионерский отряд, там должно быть тихо и ничего нельзя трогать, как в пионерской комнате. К моему удивлению, в отряде царило веселье и и все носились в свое удовольствие. Удивительно было и то, что Владислав Петрович разговаривал с ребятами не как взрослый, а на равных.

Когда же я увидел приборы с разных кораблей, мне сразу захотелось в кругосветное плавание. И еще больше — в отряд.

Я решил, что если даже меня не возьмут в «Каравеллу», я все равно буду приезжать сюда и помогать, чем смогу. Но тут подошел Владислав Петрович и сказал, что совет принимает меня в отряд. Я стал на седьмом небе.

Роман Урманов
(Барабанщики, 1986, № 72)

опытные педагоги, не может ответить: где внеклассная работа, а где пионерская? В чем разница?

А разница есть. Внеклассная работа (кстати, она тоже добровольная) — это кружки, школьные общества, всякие вечера и экскурсии, это разные игры и мероприятия на продленке, читательские конференции, встречи и так далее. То, что планируют для нас учителя.

Пионерская работа — это то, что мы решаем и делаем сами. И отвечаем за это сами — перед собой, перед своими товарищами, перед комсомолом. который руководит пионерами. Пионерская работа — это новые марши. Это работа тимуровцев, красных следопытов и многие другие наши самостоятельные дела. В том числе и наше юнкоровское дело.

И все это нельзя измерить двойками и пятерками.

Тима Губанов,
капитан «Каравеллы»,
семиклассник

ВОСЬМИКЛАССНИКИ В ПЕЛЕНКАХ

(Выступление на слете юнкоров)

Наш пресс-центр не раз выступал на тему «О самостоятельности пионеров». В журнале «Пионер» были напечатаны материалы «Хочу» и «надо», «Хотим сами», были и более мелкие выступления — в газетах, в телепередачах. Но тогда разговор шел о самостоятельности в пионерской работе. А ведь она нужна везде: и в школе, и дома, и на улице — во всей жизни.

А то бывает так: «активист», который в школе вроде бы активный и даже самостоятельный, у всех на виду,— дома не может приготовить себе яичницу.

Начинается со сгоревшей яичницы, а кончается тем, что человек не умеет нигде ничего сделать сам. И принять самостоятельное решение не умеет. А такие люди становятся обузой для общества.

Самостоятельность начинается еще дома, в детсадовском возрасте. А уж когда человек в школу идет, тем более ее надо воспитывать.

А как ее воспитывают?

Семилетний человек начинает ходить в школу и попадает на продленку. Причем иногда даже не спрашивают, хотят ли этого он и его родители. И тянется эта продленка из класса в класс. Иногда до седьмого, а то и до восьмого. Там ученику говорят: сейчас будут уроки, потом обед, потом прогулка, потом самоподготовка, потом пойдете домой.

Из архивного трюма

КТО КАК РАБОТАЕТ...

Мы — рабочая сила. Мы — рабочая группа. Мы пришли в отряд поработать.
Пришли-то мы пришли, но сразу и ушли — в магазин за стиральным порошком. Ходили мы около часа. Да здравствуют учеты! А в это время трудолюбивая Настя выгладила все шторы, какие было можно. Нам оставалось только постирать остальные. Мы засыпали порошок в ванну и... стали изображать средневековых придворных дам и рыцарей, кутаясь в голубой шелк штор. Мы изрядно вспотели, когда с криком «Сударь, к барьеру!» срывали плащи и швыряли их к ногам друг друга. Но однажды кто-то промахнулся, и штора улетела прямо в ванну. Это послужило началом грандиозной стирки.
Прошло несколько минут трудовых будней, и наступил обеденный перерыв. Мы ели арбуз. Нас было всего семеро, а он весил 13 кило, И мы его одолели. Как говорится, кто как работает, тот так и ест.
На этом наш трудовой день закончился. Мы пошли домой. Гордо, спокойно и весело. Приятно все-таки ощущать, что за плечами столько работы, сделанной на совесть.

Наташа Ломоносова
(Барабанщики, 1985, № 55)

Зачем думать? За тебя все решили. На обед поведут парами, с прогулки позовут, когда нужно, на подготовке домашних заданий, если что не получается, тут же подойдет учительница. А то и списать у соседа можно.

А между прочим, домашние задания для того и придуманы, чтобы человек делал их дома. Сам! Без помощи. Чтобы учился работать сам. Не всегда же рядом с ним будет воспитательница.

Мальчик или девочка из пятого или шестого класса сидят в школе под присмотром воспитательницы до пяти-шести часов, а дома — масса дел, где нужны голова и руки. Даже в современной благоустроенной квартире таких дел много. Неужели человек двенадцати лет не может сам подогреть обед и поесть без надзора? Да наоборот, он уже сам должен уметь готовить. А его не научили газ зажигать. А ведь он мог бы до вечера не только уроки сделать, но и в магазин сходить, и прибраться, и посуду помыть. И сам решить, что ему сначала готовить: физику, русский или алгебру. И во сколько: в три часа или в пять. Тут и вырабатывается самостоятельность и ответственность, а не тогда, когда тебя строем водят в столовую и на прогулку и всё разжевывают: как задачку решить и как пионерский сбор провести.

У многих есть младшие братья и сестры. За ними надо в детский сад сходить, поиграть с ними, книжку почитать, накормить их. За них надо уметь отвечать, а как ты ответишь за младших, если до шестнадцати лет сам ходишь в маленьких?

Говорят: вы должны быть самостоятельными!

А как готовят к экзаменам? Уже в середине года начинают диктовать восьмиклассникам ответы на вопросы в билетах. Неужели пятнадцатилетние люди такие беспомощные, что даже сами не могут найти в учебнике нужные страницы? Неужели даже это доверить нельзя? Нет, так надежнее: записали, вызубрили, у учительницы на душе спокойнее. Конечно, никто из ребят от такой системы не отказывается: раз всем диктуют, я, что ли, отставать буду? Но спросите любого восьмиклассника или десятиклассника: прибавило это ему самостоятельности?

У нас есть старшие товарищи в вузах и техникумах. Мы знаем, как им трудно приходится после такого вот «воспитания самостоятельности». В вузах-то продленки нет, и воспитательницы тоже. И в армии ее нет. И на заводах.

Конечно, спокойнее и учителям, и родителям, когда мальчик или девочка все время под наблюдением. Но это хорошо только для самых младших ребят. Да и этих ребят надо не опекать, а учить многое делать самим. Чтобы они к пионерскому возрасту не напоминали ясельных детишек. Но учить самостоятельности, учить ребят самих принимать решения — дело хлопотное: вдруг что-то сделают не так. И вот все им подносят готовенькое. Даже кого принимать в пионеры, чаще всего ре-

шает учительница. Прежде всего — отличников...

Однажды у нас один пятиклассник из 134-й школы опоздал в отряд на занятия. Спрашиваем: почему? Учительница никак не отпускала. Сказала: сегодня будет сбор дружины. Повели всех в зал, усадили по рядам, как на собрании. «Кое-кто успел смотаться,— рассказывает этот пятиклассник,— а мне не повезло».

Спрашивается, кому нужны такие сборы, если идешь на них под конвоем учительницы и считаешь, что не повезло, потому что не успел «смотаться»? А ведь сколько хороших слов сказано в новом марше юных ленинцев о самостоятельности!

В марше эти слова есть, а в школе получается так: самостоятельность — это когда добросовестно делаешь то, что велят старшие. А если что-то решаешь сам — например, не хочу заниматься ритмикой, а хочу судомоделизмом; не хочу петь в хоре, а хочу в секцию фехтования — это уже не самостоятельность, а самоуправство. Нарушение дисциплины.

Но человек, который привык действовать только по указке,— потерянный человек. Работать по чужим планам и делать, что велят,— нетрудно. Но однажды все равно приходит в жизни момент, когда за тебя решать некому. И стоит человек, хлопает глазами. Не могу сам, не научили...

А как научиться самостоятельности, что для этого надо? Это же очень важный вопрос. Ведь от нашей самостоятельности во многом зависит, как будет жить наша страна через десять или двадцать лет.

ДИСКУССИОННЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ
«ЗА И ПРОТИВ»

Статья подготовлена редакционной группой юнкоровского объединения «Звезда» под руководством А. Мясниковой на основе пресс-конференции и юнкоровских слетов 1982 и 1983 годов

ШКОЛЬНАЯ ФОРМА: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ

Эксперимент

На фотографии — ребята в шортах и легких рубашках. Этот снимок сделан в начале учебного года. Улицы Свердловска еще не остыли от летнего тепла, солнце жарит, как в середине июля, уроки кончились. Впереди свободные полдня. Прекрасное настроение. Поэтому и фотография веселая получилась.

Но вот в школе ребятам было не так уж весело.

Они проводили эксперимент: отправились на уроки не в шерстяных платьях и костюмах, а в летней пионерской форме. Какой будет реакция учителей?

Педагоги останавливали «нарушителей» и восклицали: «Что за безобразие! Разве новая мода появилась?»

— Это совсем не новая,— пытались объяснить ребята.— Мы в пионерской форме. Почему надо

Из архивного трюма

КОМУ МЕШАЕТ ПИОНЕРСКАЯ ФОРМА?

Перед началом учебного года на пионерском сборе мы решили первого сентября прийти в школу в пионерской форме. Вот что из этого получилось.

Первый день. Утром было прохладно, но мы все же пошли в школу в пионерской форме, как решили на сборе. Никто из учителей на это внимания не обратил. В классе было жарко, и мы не пожалели о том, что так одеты.

Второй день. Пошли так же. Первые уроки прошли нормально, а после третьего к Сереже Степанову подошла Августа Андреевна и сказала, чтобы он больше «в этих штанишках» в школу не приходил.

Третий день. До предпоследнего урока все было нормально. На перемене мы проходили мимо учительской и нас увидела Августа Андреевна и сказала, что завтра нас в школу не пустит.

Четвертый день. Пришли опять в пионерской форме. На уроке истории опять встретились с Августой Андреевной. Она сказала, что все эти дни она нас предупреждала и предупреждала... А завтра станет у дверей школы и будет ждать нас...

Пятый день. Была плохая погода, и мы не смогли пойти в пионерской форме. Плохая погода продолжалась, и на этом наши приключения кончились. А что будет, когда опять потеплеет?

Сергей Шульга

ОТ РЕДАКЦИИ. Вот опять были теплые деньки. Мы надеемся получить от автора продолжение этой увлекательной истории. А пока мы попросили нашего обозревателя Дмитрия Пыхтеева прокомментировать эту проблему в свете недавнего приказа Министерства просвещения СССР.

жариться в шерстяных брюках и куртках, когда термометр показывает двадцать пять градусов, а то и выше?

— Потому что есть установленная школьная форма,— отвечали учителя и завучи и ссылались на Устав и на приказ Министерства просвещения РСФСР от 30 июня 1982 года № 190-М, в котором подтверждается еще раз, что мальчики с 1-го по 8-й класс обязаны ходить в школу в костюмах модели Д-428.

Мы, школьники, не спорим с утверждением, что форма нужна. Но мы хотим задать вопрос: «Какой должна быть школьная форма?»

Зачем нужна форма

Нам говорят: «Форма вас дисциплинирует. Посмотрите на подтянутых военных, на суворовцев, на моряков и летчиков».

Что же, мы согласны. Ни один летчик или моряк не позволит, чтобы в его присутствии кто-то вел себя недостойно. Он знает: люди видят его форму и ждут от него справедливых поступков. Он не может позорить свое звание.

Но...

Дальше есть смысл процитировать мысли, которые высказали члены редакционной юнкоровской группы при подготовке этого материала.

Дима Пыхтеев: Все правильно. Но на них действительно ФОРМА. А ее задача вовсе не в том, чтобы все выглядели одинаково, а, наоборот, чтобы люди отличались по роду профессии и службы. Моряк в ней не похож на железнодорожника, солдат-танкист отличается от солдата-пехотинца, летчик — от пограничника...

Алла Конева: Кроме того, любая форма имеет до десятка знаков различия, по которым, как по книге, можно прочитать звание, род войск, военную профессию и даже стаж военнослужащего...

Матвей Пищальников: А разве не отличаются своей формой люди многих гражданских профессий: работники лесного хозяйства и транспорта, матросы и капитаны речных и морских судов, летчики Аэрофлота, почтовые служащие?..

Но разве можно назвать формой одежду школьника?

Одежда школьника

О чем говорит единая одежда для всех школьников?

«О том, что ты учащийся школы»,— отвечают нам. Ну и что? Все ребята с семи и по крайней мере до четырнадцати лет — учащиеся школ. Вот если бы по одежде было видно, в каком классе человек учится, какое у него поручение, какие учебные заслуги, если бы форма подчеркивала принадлежность к **определенной** школе.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Иду я как-то в начале сентября в школу. Смотрю по сторонам, радуюсь, что все еще тепло — плюс 25 градусов. И еще одному радуюсь: наконец-то кончилась эта безобразная пестрота на улицах — все школьники в одной форме. Девочки в коричневых теплых платьях, мальчики в темно-синих суконных костюмах с многозначительной эмблемой на рукаве. Всё честь по чести, все — как один.
А солнце-то как пригревает! Вот десятиклассник мимо прошел, в очень красивой форме. Вот первоклашка идет — совсем такой же на нем костюм, так и висит мешком... впрочем, это неважно, зато малыш выглядит очень солидно. Небось в таком виде теперь не побегает...
Может, кому всё это не нравится? Может, кто надеется, что впереди послабление светит? Ничего подобного! Недавно Министерство просвещения издало приказ об обязательном ношении школьной формы. Вот здорово! Молодцы, дяди и тети, теперь никто не простынет, идя в школу. А если после школы простудится, распарившись в классе, так это уже не по их ведомству. А как южане этому приказу порадуются!
Но, видно, не все еще об этом приказе знают. Гляжу, идет группа ребят в летней пионерской форме. А на пороге школы их уже завуч встречает. «Не пущать!» Вот так-то, голубчики! О вашем же здоровье беспокоятся...
Слышал я, что нынешняя форма для девочек точь-в-точь похожа на то одеяние, что носили в женских гимназиях без малого век тому назад. Вот видите, министерство и о моде позаботилось, ведь сейчас модно заимствовать из старины.
Скоро зима наступит, в классах натопят, как в Африке, и опять завозмущаются некоторые: «Почему нельзя пиджак снять?» Теперь ясно — почему. Вот он, приказ! Прочитали? С легким паром!

Дм. Пыхтеев,
обозреватель BNC
(БНЦ, 1982, № 10)

Таня Новикова: Абсолютно ни о чем не говорят клеенчатые нашивки с солнышком и книгой на мальчишечьих куртках. Видимо, поэтому ребята их часто спарывают или рисуют на них всякую ерунду. Вот если бы выпускали другие нашивки, с номером школы и класса. Можно даже придумать цветные эмблемки для отличников и ударников. Их ребята могли бы получать после окончания четверти на классном собрании. Наверное, тогда и кое-кто из троечников задумался бы: а что я, хуже других?

Дима Пыхтеев: Честь школы превратилась бы в ощутимое понятие. Прежде чем что-то сделать, человек бы думал: «У меня на шевроне номер школы. Не подведу ли я ее своим поступком?»

Но все школьники в Российской Федерации одеты одинаково (по крайней мере, с первого по восьмой класс). Значит, их одежда — не форма. Если говорить точно, это просто рабочая одежда школьника. То есть специальная одежда для учебных занятий.

Дима Пыхтеев: Спецодежда, конечно, тоже нужна. Иначе может получиться, что школа превратится в Дом мод. Кто-то начнет красоваться в новых джинсах, кто-то — в заграничной курточке, кто-то завидовать начнет (есть ведь и такие «тряпичники»), дома ссоры с родителями: «У него есть, а у меня нет...» Но раз мы в школе заняты учебным трудом, одежда должна быть приспособленной к этому труду...

Вот тут хочется еще раз задать вопрос:

«Какой должна быть форма?»

Прежде всего, удобной. Но удобна ли наша школьная форма?

Володя Шардаков: Она треплется и рвется. Быстрее всего расходятся швы под мышками, на спине и локтях. В магазинах очень редко продают раздельно брюки и куртки, только комплектами...

Андрей Игнатьев: Зимой в форме довольно удобно. А в сентябре или в мае? Даже на улице тяжко. Ну, а в школе, когда парты горячие от солнечных лучей и рубашки мокнут под шерстяными пиджаками, вместо того чтобы усваивать материал, только и думаешь о том, как бы досидеть до конца урока. Хорошо бы ученые подсчитали, какой в это время перегрев организма.

Можно, конечно, снять куртки...

Матвей Пищальников: Попробуйте! Является учкомовская комиссия и сообщает: «Снижаем вашему классу оценку за порядок! У вас нарушают форму!» Ну, а если и снимешь, куда девать эти пиджаки? На парте места нет, вешалок в классах тоже. Да и удобно ли таскать снятые куртки из комнаты в комнату? Ведь каждый урок — в другом кабинете.

Володя Шардаков: Особенно трудно младшим ребятам. Все лето бегали в шортах и футболках — и вдруг сразу в колючее сукно.

Сережа Шульга: На октябрят вообще смешно

смотреть: как в мешке «булькаются» в своей форме. Да еще брюки до колен подвернуты. Филиппки этакие... Неужели нельзя придумать нормальную одежду для их возраста?

Игорь Тимофеев, флагман флотилии «Каравелла»: Кстати, когда появилась синяя форма для мальчишек, она всем понравилась: красивей прежней — серой и неуклюжей. Похожа на повседневную форму штурманов морфлота. Но морфлот давно уже сменил свою форму на более удобную и современную. А главное, у моряков предусмотрена форма на все случаи жизни, на всякую погоду.

Лариса Захарова: У взрослых всегда несколько видов форм: парадная и рабочая, зимняя и летняя. У нас всегда одна и та же. Почему нельзя разрешить ребятам ходить в летней форме? Ее даже не надо придумывать, она есть.

Вот она, на снимке. Летняя форма пионера, утвержденная ЦК ВЛКСМ. В ней можно прийти в Дом пионеров, в библиотеку, в театр, в кино, в музей... А в школу нельзя!

Девочкам живется не легче

Девочки с 1-го по 8-й класс и по сей день одеваются, как гимназистки.

Таня Новикова: Не могу понять, зачем нужен фартук. Государство тратит миллионы метров материи впустую...

Лариса Захарова: Учителя делают замечания, если не пришьешь воротничок или манжеты: «Это неаккуратно! Ты же девочка!» Но все эти воротнички — показуха, если само платье стирается самое частое раз в четверть, а надевается ежедневно. Для нас тоже просто необходима форма, в которую входили бы блузки и курточки или жилеты. Блузки можно часто менять, стирать.

Алла Конева: У мальчишек есть много карманов: и на курточке, и на брюках. А у нас ни одного. Некуда положить носовой платок, ключи, деньги.

Лена Смагина: Зимой нам необходимы брюки. Мне кажется, давно прошло то время, когда на девочку в брюках оглядывались, как на чудо. Брюки — вовсе не мода и не украшение, в них удобно и тепло. Форме с брюками обрадовались бы все девочки.

«Сменка»

Идут ребята в школу. Волочат по асфальту мешки с запасными ботинками или сандалетами. А потом из школы. Тоже с мешками. И завтра с ними. И всегда.

Однажды мы с врачом-педиатром областной детской больницы А. Е. Смирновым на десятиградусном морозе десять минут продержали мальчишечий кожаный полуботинок, а потом сунули в него фотографический термометр. Столбик съехал ниже нуля.

— Кто хочет завтра не в школу, а в постель, натягивайте башмачок,— засмеялся Андрей Евгеньевич.

Но он не оценил «закалки» современных школьников. Ведь такие ботинки, кеды и сандалеты, промороженные насквозь, каждое утро натягивают на тонкие носочки миллионы ребят.

Некоторые директора отвечают: «Зимой мы разрешаем ходить без сменной обуви». Другие предлагают: «Боитесь заболеть — оставляйте сменку в школе, здесь тепло». Но заявляют так **не всегда и не везде.** Это во-первых. А во-вторых: где ее оставлять? Раздевалки тесные, общие для всех классов, на хранение обуви не рассчитанные.

Прежде чем вводить обязательную сменную обувь, надо было позаботиться о шкафчиках с ячейками для каждого ученика. Или о какой-то другой системе — надежной и разумной. А пока стоят у входа грозные дежурные, отбирают дневники и не пускают «нарушителей» на уроки (хотя это и запрещено).

Промороженная обувь — это простуда, ангины, ревматизм. Это наверняка одна из причин, по которой в холодные месяцы в классах пустуют многие места.

* * *

Наверное, нам могут сказать: «Все это пустяки! Есть Устав средней школы, и надо его выполнять!»

Но ведь в Уставе не написано, какой должна быть форма.

Совершенно ясно одно: пока форма такая, ее все равно будут нарушать. Невозможно же заставить всех школьников терпеть неудобства и портить здоровье.

Почему никто из работников Министерства просвещения не спросит ребят: какая форма вам нужна? Носить-то ее миллионам школьников.

Для нас, ребят, этот вопрос очень важен. И мы ставим его

ПЕРЕД МИНИСТЕРСТВОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ СССР,

ПЕРЕД ВРАЧАМИ,

ПЕРЕД УЧИТЕЛЯМИ И ДИРЕКТОРАМИ ШКОЛ,

ПЕРЕД РОДИТЕЛЯМИ, которых тоже этот вопрос волнует. Перед всеми, кто отвечает за наш школьный быт и наше здоровье. Ставим от имени ребят Свердловска, Первоуральска, Калуги, Обнинска, Каменска-Уральского — от имени всех, с кем мы говорили и обсуждали этот материал.

(Пионер, 1983, № 10)

Объединение «Звезда»

ЕЩЕ РАЗ О ШКОЛЬНОЙ ФОРМЕ И О ДРУГИХ ВАЖНЫХ ДЕЛАХ

Обзор редакционной почты с выводами и незапланированным диалогом вместо послесловия

Письма, письма, письма...

В десятом номере журнала «Пионер» за 1983 год был напечатан материал «Школьная форма: какой ей быть». На эту публикацию пришло много писем. Из редакции их переслали нам в пресс-центр. Надо разбираться. Делать какие-то выводы, подводить итоги. И вот собралась редакционная группа. Семь человек, представители всех «пионерских возрастов» — с четвертого по седьмой класс.

И вывалили письма на стол.

Пишут ребята и взрослые — все, кого волнует эта давняя проблема. Письма разные — строгие и взволнованные, иногда не очень сдержанные, но главное, что почти все письма содержат не только эмоции, но и серьезные размышления.

Большинство поддерживает авторов материала — форма неудобная. Это и ребята пишут, и родители, и даже учителя. Писем от тех, кому школьная форма нравится, гораздо меньше. Точнее, их было всего восемь, а просмотрели мы две с половиной сотни.

Теперь о том, кто что предлагает и советует. Больше всего писем от девочек. И почти все протестуют против фартуков и хотят, чтобы в форму входил брючный комплект. Есть и сердитые письма. Чаще всего в них речь идет, как жарко бывает ребятам в теплое время в нынешней форме. А. И. Иванова из Киева пишет: «Посадить бы дядь и теть из районо и Министерства просвещения на полдня в нашу красавицу школу, я бы посмотрела, с какой головной болью вышли бы они оттуда...» И мы не можем не согласиться. На себе испытали. И вполне согласны с ребятами из среднеазиатских республик, которые жалуются, что стоном стонут от жары...

Есть письма деловые, с конкретными предложениями. Даже с рисунками. Пятиклассник Виталий Желябин из г. Брежнева прислал, например, рисунок школьной эмблемы и эскизы летней и зимней формы для мальчишек. Семиклассница Света Кумаранская из Новой Каховки и ее подруги позаботились и о мальчиках, и о девочках всех возрастов: нарисовали форму на все случаи жизни. Да и не только они. Из рисунков можно было бы выставку сделать...

О сменной обуви тоже много писем. Большинство мнений можно выразить словами ростовской читательницы Г. Б. Хмелевской, преподавательницы

университета (она писала письмо вместе с сыном): «Сменная обувь — это бедствие и глупость».

Да, о чистоте надо заботиться, но не за счет здоровья школьников. Вот что пишут юнкоры отряда «Эврика» из Каменска-Уральского: «На холоде сменка застывает, ученики надевают ее на ноги в холодном коридоре, сразу у входной двери. После этого очень легко заболеть. Мы пытались уговорить учителей хотя бы пропускать ребят в классы, а там уже пусть переобуваются. За это получили запись в дневник. Кому охота связываться после этого?»

Что же делать?

Мы все-таки считаем, что «связываться» надо. Да и ребята из «Эврики» считают так же. И юнкоры из первоуральского отряда «Алый парус». И множество других ребят. Надо добиваться или отмены нелепого обычая со сменкой, или чтобы школа нашла возможность сделать запирающиеся шкафы для хранения обуви (а не ссылалась, как обычно, что нет места, денег и материалов).

Пожалуй, ничего другого по поводу сменки не предложишь.

Кое-кто из взрослых в разговоре с нами возражал: холодную обувь надевать вредно, но и в теплой сидеть полдня в классе тоже плохо.

Да, плохо, но не так опасно. Простуду не схватишь. Наши родители, которые ходили в школу в валенках, болели не чаще нас. Говорят, даже реже. А теперь иногда по полкласса нет на уроках. Кроме того, если думать в первую очередь не о блестящем паркете, а о здоровье, то правильно предлагают ребята из Каменска-Уральского: переобуваться в классе, когда обувь согреется...

Теперь опять о форме.

Редакционная группа несколько дней разбирала письма, изучала их и наконец, выбравшись из-под бумажной груды, решила: нет смысла их пересказывать. Лучше собрать вместе все мнения и подвести итог: какая же форма нужна нынешним ребятам? Это будет мнение Коллективного Читателя «Пионера», который живет всюду: в Средней Азии, на Украине, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Москве, на Урале...

И вот что думает этот Коллективный Читатель.

В форме должно быть несколько комплектов: зимний и летний, повседневный и парадный (только парадный — не для дежурства в школе, дежурить надо в повседневной одежде — это работа, а не торжественная линейка).

Для девочек: юбки, кофточки, жилеты, жакеты. Нам возразят, что такая форма уже разработана для старшеклассниц и проектируется для младших. Но старшеклассницы пока не в восторге от фасона и материи. Что-то скажут младшие (если дождутся новых образцов)? Кроме того, громадное большинство девочек утверждает, что для холодной погоды и для работы нужны брючные комплекты.

Из архивного трюма

Проблемы, проблемы

КТО ПРЕСТУПНИК?

На уроке английского к нам в класс вошла завуч и объявила, что пропали ключи от нашего класса, и велела всем раскрывать портфели и выворачивать карманы. А я отказался. Тогда она схватила мой портфель, вытряхнула все содержимое портфеля на парту. Потом пыталась залезть мне в карман, но я не дал. Вся красная и разгневанная, завуч удалилась, предварительно сообщив мне, что «скорее всего», эти ключи украл я. После уроков завуч заявила, что она имеет право на такое безобразие и что каждый год учителя устраивают поголовную проверку содержимого портфелей и карманов.
Я считаю, что это преступление.

Б. Р.
(Пегушок, 1975, 17 февр.)

И СНОВА БОЙ...

Шестого марта я шел из школы и решил зайти в магазин. Зайти-то зашел, а вот выйти оказалось трудно. Тетя со строгим лицом ухватила меня за рукав и потребовала тоном, не подлежащим обсуждению:

— Раскрывай портфель!

Я, понятно, отказался. Тогда она схватила меня за пальто и попыталась залезть в карман, полагаясь на свою физическую силу. Тут я заметил брата и крикнул его на помощь.
Тетя сразу отпустила. Но, заметив, что я не бросился наутек, поволокла нас с Ромкой в кабинет с надписью «Директор». Почувствовав себя на рабочем месте, она снова потребовала, чтобы мы вывернули карманы. Мы пытались ей объяснить, что обыскивать покупателей она не имеет права, а директор в ответ на это позвала грузчика на помощь. Тот стал ругаться и нахально пускал мне дым в лицо.

Правда, кое-кто пишет: не всем брюки идут. Но ведь не трудно понять: не идут — не носи.

У мальчиков форма (если даже забыть, что она легко рвется и треплется) годится только для холодной погоды. Когда тепло (а в мае и сентябре бывает и жара), младшим ребятам нужны шорты, а старшим брюки из легкой ткани, а еще хорошо бы иметь легкие жилеты: бывает, что в рубашке прохладно, а в куртке жарко. А пока такой формы нет, вполне годятся летние пионерские комплекты. Совершенно невозможно понять: почему во многих школах появление в пионерской форме считается нарушением дисциплины?

Не должно быть одинаковой модели для ребят разного возраста, надо шить по разным фасонам. Причем надо учитывать даже не класс, а как выглядит человек. Бывает, что в пятом классе один похож на первоклассника, а другой — будто из восьмого. Зачем им одинаковые костюмы?

Если будут выпускаться разные комплекты, ребята сами смогут подгонять одежду по сезону и по тому, какая температура в школе. Из нескольких деталей можно составить разные варианты — какой тебе больше всего удобен. Конечно, тут сразу могут возразить: что это будет за школа! Пестротища! Но почему в школе нужно однообразие? Форма не для того, чтобы все выглядели одинаково, а чтобы в ней было удобно и чтобы никто не хвалился всяким заграничным барахлом и не модничал. А все то, что предлагают читатели — и блузки, и жакеты, и куртки, и брюки, и шорты, и жилеты, и разноцветные (совсем не обязательно белые или однотонные) рубашки,— и все будет **школьное,** хотя и разнообразное.

И не так уж много для этого нужно. Главное — не запрещать без оглядки и не командовать строго: сегодня приходи в этом, а завтра в том...

Особенно надо думать об октябрятах. Им вообще эта форма не годится. Ее надо или совсем отменить, или придумывать заново. Неужели скоро и шестилетних малышей будут обряжать в шерстяные платья и костюмы с погонами?

И последнее. Насчет спортивной формы. Мы приведем просто одну цитату, которая повторяет многие: «Учителя придумывают спортивную форму сами. Только и слышишь, что в одной школе не могут достать красные майки, в другой синие... Нам кажется, что надо придумывать не форму, а более интересные упражнения. Игорь Савельев, Андрей Родионов, г. Каменск-Уральский».

К словам этих ребят редакционная группа решила ничего не добавлять и больше никого не цитировать.

Заместитель министра и Вовка

Однако едва группа приняла это решение, как из редакции переслали еще одно письмо (обсуждение проходило в середине февраля). Это очень важное

Директор стала звонить в милицию, а потом решила объяснить, что надо уважать старших, не грубить им и т. д. А я никак не мог понять, в какой мере это к нам относится.

Вдруг директор сказала нам, что она не может больше терять на нас свое драгоценное время, а потому мы свободны. Я ей сказал, что свободны мы были и до этого и что я намерен дождаться милиции. Ромке надо было идти за продуктами, и он вышел. Пробираться ему пришлось сквозь «заградительный огонь»: грузчик пнул его.

Я проводил Ромку и вернулся в кабинет.

Директор решила извиниться передо мной и еще раз сказала, что ей некогда.

Я ушел, пообещав снова прийти, и позвонил в пресс-центр.

Б. Р.

ОТ РЕДАКЦИИ. Собкор «Пионерской правды» Ирина Мезенцева разбирала этот случай с директором магазина. Та признала, что была неправа и готова снова извиниться перед ребятами. А все почему? Как сказала сама директор, она поняла, что ребята уверены в своей правоте и этого дела так не оставят. И поспешила исправить положение.

Теперь, благодаря Боре и Роме, в этом магазине не посмеют обыскивать покупателей.

(Петушок, 1975, 14 марта)

письмо, из Министерства просвещения РСФСР в редакцию журнала. Вот что в нем написано:

«Министерство просвещения РСФСР внимательно рассмотрело опубликованные материалы о школьной форме в журнале «Пионер»...

Министерство считает необходимым сохранить в общеобразовательных школах в обязательном порядке ношение школьной формы мальчиков и девочек.

Существующая школьная форма для мальчиков по качеству ткани и конструкции отвечает предъявленным к ней требованиям.

Что касается формы для девочек, то Совет Министров РСФСР постановлением от 22 апреля 1983 года № 190 утвердил новую школьную форму для учащихся общеобразовательных школ (девочек 8—10 классов). В настоящее время Министерство просвещения РСФСР совместно с Министерством легкой промышленности РСФСР и Министерством текстильной промышленности РСФСР ведут работу по совершенствованию технологии производства формы и качества ткани.

Одновременно этими министерствами и ведомствами проводится работа по созданию школьной формы для девочек 1—7 классов. В январе м-це т. г. образцы этой формы рассматривались министерствами.

Заместитель министра А. И. Шустов»

Редакционная группа долго молчала. И... сначала раздался один вздох. Потом другой. Потом голос:

— Ну и что? Это мы и так все знали...

— Если материал рассмотрели внимательно, то почему ни слова о сменке?

— О девчоночьей форме более или менее ясно, а о мальчишечьей... Выходит, с ней все в порядке?

Редакционная группа не стала выражать мнение сама. Она поступила иначе. В коридоре пресс-центра она изловила новичка-четвероклассника (человека в корреспондентском плане еще не обученного) и попросила высказать свои соображения. Четвероклассник (назовем его здесь Вовкой) поморгал и попросил уточнить:

— Как там написано... это... про отвечанье требованиям?

— «Существующая школьная форма для мальчиков по качеству ткани и конструкции отвечает предъявленным к ней требованиям».

— А кто их предъявлял-то? — спросил наивный и невоспитанный Вовка. Редакционная группа беспомощно переглянулась.

— Я не предъявлял,— заявил Вовка.— Моим требованиям она не отвечает. И маминым тоже. Не верите? Спросите маму.

Редакционная группа верила, потому что писем от мам прочитала достаточно.

— А если она кому отвечает, пусть он посидит в классе в этой форме весной, когда окна на юг...—

Из архивного трюма

СКОРО ОТРЯДНЫЙ СБОР

Приближается 9 мая — День Победы. Этот день очень много значит для всего нашего народа. И для нас тоже. Ведь если бы тридцать лет назад не наступил этот день, не было бы у нашей страны нынешней хорошей жизни, наших красных галстуков.
Комсомольская группа решила, что отрядный сбор, посвященный Дню Победы, будет проходить на отрядной костровой площадке. Вот почему мы сегодня рассказываем новичкам, что такое КОСТРОВАЯ ПЛОЩАДКА.
Давным-давно в лесу наши ребята сделали костровую площадку. Когда точно, теперь уже и не вспомнить.
Отряду была необходима такая площадка: тихие вечера, костер, песни... Сколько раз собирались на ней вместе ребята из нашего отряда! Сколько там родилось хороших идей!
Но костровая площадка — не просто обыкновенная полянка, место для отдыха. Это такое место, куда отряд приходит для самых важных своих разговоров. В сторонке от костра на ней лежит большой камень, на котором выбита пятиконечная звезда и короткое слово ПАМЯТЬ.
На нашей костровой площадке вспоминали мы командира и барабанщика всех пионеров Аркадия Гайдара, погибшего в бою. Отдавали салют в День международной солидарности журналистов — день гибели Юлиуса Фучика, казненного фашистами. Говорили о всех хороших людях, которые погибли за нас и не могут теперь услышать салюта над Красной площадью, ни птиц на рассвете, ни потрескивания веток в костре, зажженном в их честь.
Очень здорово было, когда мы все вместе собирались вокруг костра.
Но ошибается тот, кто думает, что у костра можно делать все, что хочешь. Ведь в отряде есть свои многолет-

начал Вовка, но группа его быстренько перебила, сказав, что про это уже написано.

— А толку-то, что написано,— хмыкнул Вовка. Он явно считал, что переубедить заместителя министра никому не удастся.

Незапланированный диалог

— А никого и не надо переубеждать,— раздался снисходительный голос.— В министерствах просвещения и так всё знают и понимают. А вы плохо газеты читаете.— Это вошел не член редгруппы, а так, «любопытствующий». На его последнюю фразу группа обиделась и сказала «брысь». Но гость хмыкнул и вытащил длинную газетную вырезку.

— Мы с тем нашим материалом ломились в открытую дверь. Почитайте, что пишет «Комсомольская правда». Между прочим, еще в ноябре того года. Выпуск «Алого паруса». Зачем замминистра будет писать нам длинное письмо, когда и так все ясно!

И дежурные редакторы пионерского пресс-центра прочитали разъяснение заместителя начальника главного управления школ Министерства просвещения СССР Нелли Акимовны Ермолаевой.

Нелли Акимовна объясняла читателям-школьникам, что никаких излишних строгостей с формой в школах быть не должно. Вовсе не будет нарушением, если в холодное время под куртку или на платье кто-то наденет джемпер. И незачем требовать у старшеклассников галстуки, а у девочек одинаковые банты — они вообще в форму не входят. И можно в теплую погоду прийти на уроки в пионерской форме — никакого нарушения здесь тоже нет. И даже ничего особенного, если ты приехал из другой республики и ходишь в прежней школьной форме, не здешней. И не имеет права учитель физкультуры требовать одинаковых маек, если их не выдали в школе. И так далее. То есть почти обо всем, о чем писали мы...

— Да... Стоило ли копья ломать? — вздохнула редакционная группа. Но два голоса возразили:

— Стоило. Потому что здесь написано одно, а в школах все по-другому.

— Приди-ка к нам на урок в джемпере!

— Или на физкультуру без белой майки...

И редакционная группа грустно задумалась: почему так получается? Работники Министерства пишут одно, а классные руководители, директора и завучи требуют другое! Почему педагоги, которые учат школьников выполнять все требования, сами своих начальников не слушаются?

— Они не виноваты,— заступился за педагогов самый рассудительный из членов редгруппы.— Они очень заняты и, наверно, не читают газет и журналов с такими разъяснениями.

— Наверно! Если бы читали, то многих вопросов даже бы и не появлялось в школе.

— Точно! И не только с формой. Например, с

ние традиции, и уважение к отрядному костру — одна из самых важных.

Никто никогда не разжигает костер сам, без сигнала, не подбрасывает туда ветки. Для этого выбирают кострового. Встречаются иногда любители вытаскивать из костра угольки «на память» или играть тлеющими щепками. Старшие ребята давно заметили: тот, кто не может сидеть у костра спокойно, отвлекается на пустяки, не интересуется общим разговором,— долго в отряде не задерживается...

У костра нельзя без песен. У отряда песен много, новички, разучите их! Ведь скоро БОЛЬШОЙ ОТРЯДНЫЙ СБОР.

(Передовая статья.— Петушок, 1975, 26 апр.)

этим обязательным хором, от которого стонут ученики чуть не в каждой школе. Оказывается, он вовсе не обязательный, а простая кружковая работа. Это тоже разъясняли в «Семье и школе» работники Министерства.

— И в той же «Семье и школе» писали, что не может быть никакой принудительной продленки.

— ...И что нельзя снимать с уроков на всякие посторонние дела. А то весь день торчишь в вестибюле у звонка во время дежурства, а потом на геометрии ушами хлопаешь...

— И что металлолом и макулатура — дело пионерское, и что никаких норм тут устанавливать нельзя и ставить за это двойки и в дневник писать, если не набрал килограммов, тоже нельзя...

— И что трудовая практика — это практика, а лагеря труда и отдыха — дело совсем другое, добровольное. Каждую весну об этом пишут...

— Стоп! Отвлеклись!.. Значит, мы считаем, что все беды от одной причины? Учителям некогда читать газеты?

— Да нет, они все же читают. Ну, хотя бы тогда, когда мы показываем. Только...

— Что «только»?

— Помните давнюю историю, когда «Пионерка» писала, что незачем заставлять ребят коротко стричься? А что сказала директор, которой показали газету?

— Помним! Она сказала: «Ну и идите учиться в вашу «Пионерскую правду»!»

— Все-таки удивительное дело. Ведь работники министерств пишут в газеты не просто так. Пишут и для школьников, и для учителей. Чтобы все это выполнялось. А получается...

— А получается так. Если школьник чего-то не выполняет, сразу: «Давай дневник» или «Веди родителей». А если взрослые...

— А кто должен «требовать дневник» у взрослых?

Редакционная группа переглянулась, и незапланированный диалог оборвался. Потому что пионерский пресс-центр может ответить далеко не на все вопросы. И поэтому нам осталось закончить материал вопросительным знаком, который поставлен чуть выше.

(Пионер, 1984, № 9)

Смелое перо

В корреспондентском отряде, конечно, не обходится без того, чтобы ребята не пробовали свои силы в сочинении стихов, рассказов, сказок и даже повестей. Двадцать томов литературного альманаха «Синий краб» надежно свидетельствуют об этом. Кроме альманаха плоды нашего творчества то и дело появляются на страницах стенгазет, а иногда и в настоящих газетах и журналах. Конечно, в этих произведениях пока больше смелости, чем умения, но авторы считают, что у них все впереди. А нашу литературную рубрику мы так и назвали — «Смелое перо».
К сожалению, под этой рубрикой мы не можем напечатать большие повести, вроде «Голубой планеты» Гриши Рейхтмана, «В музыкальной стране» Бори Родыгина, «Тайны планеты Арида» Кости Штыкова или доброй поучительной сказки о животных «Шел Ёжик по дорожке» Виталика Голенищева — в книге не хватило бы места. Но небольшие рассказы и стихи разных лет из нашего альманаха и газет мы помещаем.

Виталик Голенищев пришел в отряд, когда начал учиться в четвертом классе. Сейчас он уже закончил пятый, у него на счету две парусных практики, он подшкипер «Каравеллы». Виталик написал повесть о жизни отряда. Она вполне документальная, только имена автор изменил.
Мы печатаем несколько отрывков из повести «Под парусами».

ПОД ПАРУСАМИ

Котька и Никита

Котька и Никита друзья. Живут они в разных домах, а учатся вместе, в четвертом «Д». Котька живет в большом доме на улице Строителей, а Никита в пятиэтажном доме возле леса. Этот район построен недавно, так что Никита в любое время может ходить в лес.

Кто знает, подружились бы Котька и Никита, если бы не один случай, о котором надо обязательно упомянуть.

Класс, в котором учились они, был в категории дружных. Но дружили в классе по группам, и в каждой «правил» заводила. Никита и был таким заводилой. А Котька вообще не принадлежал ни к какой группе. Кому нужен Котька? Он слабак и очень тихий и послушный. Котьку так и дразнили — «слабаком» и даже «любимчиком». На уроках физкультуры он висел на турнике, беспомощно глядя на ребят, а потом, ни разу не подтянувшись, садился на место под ехидное хихиканье.

Никита же был сильный. Его мускулам мог позавидовать и шестиклассник. В классе его уважали.

Однажды зимой Котька выходил из школы и почувствовал, как чья-то рука дернула его в сторону. Это оказался известный тип по кличке Лиса. Котька хотел побежать, но не тут-то было, Лиса держал его крепко.

— Денежки есть? — хитро спросил Лиса.

— Нету,— буркнул Котька.

— А если проверю? — нагло спросил Лиса.

Но проверить Лиса не успел. Подскочил Никита.

Никита был из тех, кто никогда не смеялся над Котькой и не обижал его. И теперь он сказал:

— Ты, Лиса подлая! Только и знаешь лезть на тех, кто поменьше!

Лиса отпустил Котьку и быстро пошел, оглядываясь.

— Что он тебе сделал? — спросил Никита.

— Да ничего, пустяк,— смутился Котька.

Никита сказал:

— Пошли вместе.

С тех пор они часто ходили домой вместе. И не только домой, а еще и в лес, и в кино, и в библиотеку.

В библиотеку иногда ходили всем классом, с учительницей Ниной Андреевной. И однажды Нина Андреевна сказала, что после зимних каникул их ждет сюрприз. Все очень захотели узнать, что за

Смелое перо

ПЕРВЫЙ БОЙ

Фехтовальная дорожка
И клинок дугой.
Страшновато (но немножко) —
Это первый бой.

Мы салют отдали судьям.
«К бою!» — и сошлись.
Мой противник ждет атаки,
Я иду на риск.

Как звенят клинки в руках!
Я беру защиты,
Улетучился весь страх...
Мне кричат: «Коли ты!»

Жаль, что бой так быстро
кончен.
Руки мы друг другу жмем.
Здóрово! И даже очень.
...Из отряда, между прочим,
Вместе мы домой идем.

Женя Словачевская,
семиклассница,
стажер **«Каравеллы»**, г. Киев
(Синий краб: Альманах, № 20.
Выпуск юнкоровских отрядов
объединения **«Звезда»**)

ВЕСНА

Весна, весна! И все ей рады!
И тополь рад ей, и репей,
И рад ей даже воробей.
И даже тот лесной барчук *,
Который не выносит вьюг,
Очнулся ото сна.
На улице — весна!

Дима Пономарев
(Бейдевинд, 1980, 16 марта)

* Барчук — это такой медведь, который просыпается раньше других медведей. (Прим. автора.)

сюрприз, и тогда Нина Андреевна объяснила, что детская библиотека в их районе дружит с одним интересным пионерским отрядом, где ребята занимаются морскими делами и снимают приключенческие фильмы. И класс пойдет к этому отряду в гости. Все обрадовались. Но Котька и Никита были заняты своим разговором и почти не обратили на слова об отряде никакого внимания. А потом и все скоро забыли о предстоящей экскурсии.

После каникул Нина Андреевна сказала, что сегодня уроки отменяются, потому что все поедут в гости. То-то была радость у всех! По дороге они узнали, что едут в тот самый морской отряд «Каравелла».

— Подумаешь, «Каравелла» какая-то,— сказал Никита. Они сели у окна в троллейбусе и стали листать книжку. Вокруг собрались ребята.

В гостях

Хоть Никита и сказал «подумаешь», но отряд ребятам понравился, как только они зашли туда. У стены, возле синего флага с красной звездой, стоял мальчик. В черной рубашке с блестящими морскими пуговками, с якорями на погонах, в шортах с черным морским ремнем и начищенной пряжкой. В руках у него была шпага со старинной рукояткой — сразу видно, что настоящая.

Мальчик ударил в корабельный колокол, и гостей встретил командир вахты с синей повязкой на рукаве форменной рубашки. Он провел их в раздевалку, а потом стал водить по отряду. Командира звали Олег. Он подвел ребят к двери, на которой было написано: «Штурманский класс». В классе стояли пять парт, похожих на школьные, только покрыты они были оргстеклом, под которым лежали расчерченные на квадраты листы. Олег сказал, что это штурманские планшеты, на них ребята учатся прокладывать курс.

Еще в классе был шкаф с разными непонятными морскими принадлежностями и приборами. Никита и Котька смотрели на них, как на «заморские диковины». Но больше всего их поразил тренажер. Он представлял собой как бы кусочек парусного корабля со штурвалом. На тренажере стоял настоящий морской компас под начищенным медным колпаком. Покрутишь штурвал — площадка поворачивается, а компас указывает курс.

Затем Олег повел ребят в зал, где проходили тренировочные фехтовальные бои. Тонкие рапиры звенели и мелькали.

— Здорово! — сказал Никита.

— Еще бы! — ответил Котька.

— Нам бы так...— вздохнул Никита.

Потом еще они сходили в небольшой музей, здесь было как в каюте настоящего корабля. Старинные морские карты висели на стенах, блестел большой корабельный фонарь. А еще здесь был потемневший от времени большущий штурвал, тяжелые яко-

Смелое перо

О ДРУГЕ

Как прекрасно лететь по волнам,
Сжав руками конец
гика-шкота,—
Это только подвластно стихам,
Это лучшая в мире работа!

Это здорово — чувствовать,
знать,
Что корабль тебе доверяет.
Он лишь другу собой
управлять,
Да и то не всегда, разрешает.

Иногда он послушен тебе,
Иногда же почти в полный
штиль,
Покорившись капризной
судьбе,
Совершит поворот оверкиль *.

Он для шквалов и штормов
рожден,
Сын морей, беспокойной
пучины,
И за что упрекать, если он
Бросит в воду тебя без
причины.

Проиграешь в спортивной
борьбе
И собьешься ты с курса
вдруг—
Он простит, как прощает тебе
Настоящий и лучший друг.

Потому как товарищ с ним
будь.
И пусть тянет магнитом
земля —
За холодной зимой не забудь
Ты тепло своего корабля.

Миша Выходец, семиклассник
(БНЦ, 1983, 22 дек.)

---

* Поворот оверкиль — вверх дном.

ря, сигнальные флаги, морские звезды и ракушки. На одной карте оказались наклеены почтовые марки с кораблями. Олег сказал, что такую коллекцию подарил отряду один давний выпускник «Каравеллы».

Потом в зале смотрели кино. Оно называлось «Жили-были барабанщики», и его снимали, оказывается, здесь же, в отрядной киностудии. Это была сказка с приключениями, но ребята в этой сказке были такие же, как в отряде. Те, что сидели рядом. А перед фильмом показали киножурнал про отрядную жизнь летом. И Котька с Никитой увидели яхты, на которых по бурной воде плыли мальчишки. Оказалось, что тот мальчик, который стоял у флага, командир яхты. А ростом он был даже поменьше Никиты.

После кино Котька сказал Никите:

— Слушай, Ник, давай запишемся.

— Тогда и Лиса больше никогда не посмеет лезть,— поддержал Никита.

— Пусть только попробует!

— А возьмут? Здесь ведь, говорят, запись осенью.

— А если попросить... Изо всех сил...

Первое плавание

Сегодня у Никиты и Котьки праздник. Первый в жизни выход на яхте. Позади остались приготовления к парусной практике. Заниматься пришлось много, чтобы догнать ребят, которые изучали морское дело с осени. А еще они учились фехтованию, и как писать заметки для газет и журналов, и как оформлять стенгазеты — потому что отряд юнкоровский. И было много интересного: весело встретили Новый год, снимали фильм, устраивали «мушкетерский турнир». И все же изо всех сил ждали весну. Когда поплывем?

На спортивную базу Котька и Никита пришли наглаженные, как на парад. И ждали, что сразу начнутся морские приключения. Но, к их огорчению, ветер был слабый. А кроме того, сначала была проверка готовности экипажей, потом учились ставить паруса на яхтах.

Но наконец несколько яхт спустили на воду с наклонной площадки — слипа. Весна еще не совсем убрала лед, поэтому пробный выход был небольшой — до кромки льда и обратно.

Паруса надувались несильно, и Котька удивился, зачем столько предосторожностей — все надели спасательные жилеты, а новичков рассадили по одному среди опытных экипажей. Но когда яхта сильно закачалась под Котькой, он быстро ухватился за борт...

Лед лежал большим островом на середине пруда. От него то и дело откалывались небольшие островки. Котька хотел подцепить кусочек льда, но он распался на множество прозрачных иголочек. Никита взял одну иголочку и тихонько уколол ею Котьку, а потом рулевого Лешку...

Смелое перо

ВОТ БЫ СТАТЬ МНЕ ЗВЕЗДОЙ

Вот бы стать мне звездой,
Чтоб светить и сгореть без остатка,
Чтобы людям отдать
Мои знания, чувства и силы!

Вот бы стать мне звездой,
Чтоб людей оградить от измены,
Чтоб любили друг друга
И всех окружающих люди!

Вот бы стать мне звездой,
Путеводной звездой мореходов,
Чтоб фрегаты и барки
Домой находили дорогу!

Вот бы стать мне звездой,
Чтобы войны на свете пропали,
Чтобы счастливы были
И травы, и птицы, и звери!

Вот бы стать мне звездой,
Чтобы труд воцарился на свете,
Чтобы свет мой помог
Отыскать людям к счастью дорогу!

Я хочу стать звездой —
Пусть сгорю я, но все ж будут люди
Хоть на капельку чище,
Счастливей, честнее, добрее!

Вот бы стать мне звездой...

Оксана Кузьменко

Настоящий ветер

— Вот это дует!

— Да, сегодня похо́дим!

— Моё слово, кто-нибудь кильнётся! — говорили ребята в трамвае, который вез их к водной станции.

Котька сидел у окна и о чем-то озабоченно думал.

— Что нос повесил? — бодро спросил Никита.

— Да ничего...— сказал Котька, но было ему не по себе, когда из окна он смотрел на воду.

Солнышко скрылось. Было холодновато, ветер гнал по серой воде озера большие волны с пеной на верхушках.

Когда приехали, пришлось надеть запасную одежду, потеплее. Ветер и вправду был. Даже рыбаков не было видно на озере. Командир флотилии сказал, что из-за штормовой обстановки надо бы отменить занятия, ну да ладно, так уж и быть... Только ходить придется на четырех яхтах, по очереди, и тренировку проводить в лагуне (так называется залив за островом Баран).

К экипажу, где тренировались Котька и Никита, на этот раз еще подсел Олег. Он давно занимался в отряде, был высокий и сильный.

— Ну, мужики, со мной не пропадете! — сказал он.

— И без тебя бы не пропали,— проворчал Никита.

На руль сел командир яхты «Пеленг» Миша.

Когда отошли, яхта сразу накренилась, в лицо полетели брызги. Котька изо всех сил вцепился в капроновый стаксель-шкот. Все четверо выгибались за борт — откренивали, иначе бы яхта обязательно перевернулась. Мишка то и дело кричал команды:

— Потрави шкот! Грот подберите!

Котьке сначала было страшно. А потом он представил, что оказался на маленькой яхточке среди бури в море и все думают, что им уже не вернуться, а он один знает, что все будут живы...

Потом на берегу встречали «героев». Оказалось, что это была специальная штормовая «обкатка» новичков.

Котька и Никита рассказывали о своих впечатлениях. А впечатления были совсем не такие, как от первого спокойненького плавания. Остальные новички их слушали — им еще только предстояло идти в эти волны и ветер...

В поход

Прошел июнь. Давно уже Котька и Никита не чувствовали себя новичками. Привыкли ходить в свежий ветер, не боялись, если яхта вдруг уляжется парусами на воду. Участвовали в гонках. Правда, призового места их экипаж не занял, но все равно было здорово.

Однажды, возвращаясь с базы, Котька и Никита увидели известного Лису с двумя дружками.

Смелое перо

В ГОСТЯХ ХОРОШО, А ДОМА ЛУЧШЕ

Жил-был ежик. Звали его Петька. Один раз идет он по лесу и вдруг видит: на пути огромные столбы. Поднял Петька голову и разглядел странного зверя. У него было четыре лапы, но стоял он почему-то на двух, как Петькин знакомый страус Коля. На всякий случай ежик свернулся клубком. Вдруг чувствует Петька, что подымают его, кладут в лукошко и несут.

Принесли его в дом лесника. Ежик встретил там собаку, с которой познакомился неделю назад. Собака объяснила, что к леснику приехал внук, и он хочет взять ежика домой. Ежика увезли из леса. Петька так скучал по лесу и по собаке, что заболел. Тогда положили ежа обратно в лукошко и повезли в лес. Ежик побегал по лесу — ожил. Вновь отвезли домой — скучает. Решили люди совсем Петьку отпустить, раз ему в лесу лучше.

Митя Нужин, второклассник (Барабанщики, 1986, № 91)

— А, морячки! — ехидно заулыбался Лиса.

— Здорово, Лиса,— сказал Никита,— впрочем, с ободранными лисами не здороваемся.

— Это кто же ободранная лиса? — спросил Лиса.— Ишь, нацепили ремни да якоречки. Мы их с вас сейчас пообщиплем.

Котьке стало обидно не за себя, а за форму. Он размахнулся сумкой, в которой лежала запасная одежда, и трахнул Лису. Лисины дружки открыли рты, а Лиса отскочил и схватил камень. Но камень пролетел мимо. И тут Лиса и его приятели рысью двинулись прочь. Потому что подходили ребята из отряда.

Все шли и разговаривали о завтрашнем плавании в устье Исети.

«У всех уже все готово, а я не готов»,— думал Никита. У него не было проводочной катушки для удочки. Это его очень беспокоило.

— Принеси удочку мне,— сказал Котька.

— Зачем?

— Принеси.

Никита принес, и Котька прикрутил к его удочке старую катушку от своей.

— У меня еще есть. Я свою удочку тоже возьму.

...Назавтра с утра прошел дождь, и Котька с Никитой шли к трамваю по размокшей дороге. По пути они встретили Мишу и Сережу. Все вместе успели накопать червей для рыбалки.

На базе все было готово к походу. И скоро прозвучала команда:

— Отход!

Рыбалка

Наконец-то на месте. На озере ветер был крепкий, а в устье спокойно. Вечерело. Поставили палатки, встали цепочкой, передали из яхт рюкзаки и походное имущество. Лагерь готов. Над палатками полощется походный флаг.

Развели костер, потом стали купаться. Котька купаться не захотел. Он размотал удочку и забросил подальше. Не клевало. Постепенно собралась компания рыболовов. Они попросили у инструкторов дежурный катер и на веслах выехали на середину реки.

— А Никита почему не поехал? — спросил у Котьки Миша.

— Он в фехтовальном турнире участвует.

С берега доносился звон клинков и крики болельщиков. А на катере была тишина. Вдруг Котька встал и резко дернул удилище. На дне катера заплясал фунтовый подъязок. А Серега тут же вытащил маленького, с палец, окунька. И пошла тут у них веселая ловля.

На берегу Котьку встретил Никита и сказал, что у него в турнире, в младшей группе, третье место и ему дали приз — шоколадную конфету.

— А у меня тоже приз,— похвастался Котька и показал подъязка.

Смелое перо

КОЛОБОК

Где-то там, за горами, за лесами, уж не помню, в каком созвездии и на какой планете, жили-были старик со старухой. Старик когда-то работал в дальней космической разведке. И вот он вышел на пенсию и валялся на диване. Старуха работала главной заведующей лабораторией по созданию роботов. Как-то дед сказал старухе:

— Старуха, сделай мне помощника, лошадей этак на тридцать, например, как у соседа Васьки.

— Ты что, совсем свихнулся, дед? У нас и так нет материала в лаборатории, а ты еще со своим роботом лезешь...

— А ты по сусекам поскреби, под лавками поищи...

Долго просил старик. Наконец старуха согласилась.

На следующее утро дед проснулся поздно. Поел, попил, глянул в угол, а там стоит коробка и сбоку надпись: «Киберробот Колобок». Старик открыл коробку, достал инструкцию, прочитал и только тогда осторожно вынул своего помощника, посадил на стол. Старик отошел от стола на три метра, чтобы хорошенько рассмотреть своего киберробота. Но тут случилось непредвиденное.

Налетел «Шквал». Окошко распахнулось, «Шквал» схватил челюстями Колобка и убежал. Старик, отчаянно ругаясь на всех космических языках (а знал он их ни много ни мало — тридцать пять), обещал, что разберет этого негодного пса по винтику и выкинет то, что от «Шквала» останется, в воду.

А тем временем «Шквал» бежал по лесу и нес в зубах Колобка. Наконец аккумуляторы у него сели, «Шквал» обессиленно упал и выпустил Колобка.

Колобок по-деловому встал, отряхнулся. «Шквал» говорит ему:

— Колобок, Колобок, я тебя съем...

А Колобок усмехнулся и сказал:

— И всё? — удивился Никита.

— Да нет, там в черпаке еще лежат...

Ночь на берегу

Хорошо вечером у костра. Трещат дровишки, ведут веселый разговор. Звенит гитара, и ребята поют. Котька подумал, что почему-то у костра чаще задумчивые песни... Котька взял маленькую картошку и кинул в угли. Никита достал из угольков свою картофелину. Разломал на две части. Из одной половинки пошел тоненький дымок. Скоро и Котька выкатил палкой обугленный шарик...

Прозвучала последняя песня — «Маленькие барабанщики» (ее всегда поют на прощание), и ребята пошли по палаткам. Лишь вахта ходила вокруг лагеря, освещая кусты фонариками.

Котька улегся рядом с Никитой, накрылся одеялом и по традиции начал:

— Стоял на пустыре заброшенный дом. И жили там привидения...

Слово «привидения» Котька сказал таинственным распевным голосом. Но, как он понял, его никто не слушал. Все уже спали.

— Дрыхнут, как сурки! — сказал Котька, стараясь разбудить товарищей. Ему хотелось поговорить. Но никто не услышал. Котька сказал ту же фразу более громко. Опять никто не откликнулся. Котька вылез из палатки и подошел к костру. Оказывается, не все спали, у костра устроилась компания. Серега рассказывал, как он устроил во дворе войну двух дрессированных армий — кошачьей и собачьей — и как печально эта война кончилась.

— Представляете, я набрал целое войско тех и других, обучал их, а кошки вдруг показали класс бегства. Я обрызгал их водой, чтобы они наступали, но ничего не помогло. Тогда я послал в атаку собак. Но они не обращали на меня внимания. Разлеглись на траве. Я начал подгонять их...

— И что дальше?

— И вот...— он показал укусы.

Все расхохотались.

Серега еще что-то сочинял, но Котька почувствовал, что очень хочется спать. Уже светало. Он поплелся в палатку...

...Проснулся Котька оттого, что кто-то теребил его, пытаясь вытащить из палатки. Он завозился и нехотя вылез. В палатке уже никого не было.

— Еще одного вытащили,— засмеялись ребята.

Котька сходил на берег, умылся рядом с яхтами, но, кажется, сонную физиономию так и не отмыл.

— Собирай вещи,— сказал ему Никита.— Сейчас позавтракаем — и отход.

На костре уже дымилось что-то вкусное...

Через час убрали палатки, собрали имущество. По верхушкам берез пробежал веселый ветер.

Ну, всё.

— Отход!..

В. Голенищев

— Я от старика со старухой ушел, а от тебя и подавно уйду!
Так сказал он и, включив третью космическую, бесшумно полетел по лесу.
Долго Колобок так лететь не мог, потому что блок питания у него был не вечный, и он, опустившись на землю, пошел пешком. Долго или не очень он шел, этого я сам не знаю, но повстречался ему Волк-марсианин. Говорит он Колобку:
— Колобок, Колобок, ты из чего сделан?
— Я сделан из титана.
Волк-марсианин облизнулся.
— Я тебя съем, потому что питаюсь я как раз титаном.
А Колобок ему:
— Я от старика со старухой ушел, от собаки ушел, а от тебя и подавно уйду!
Опять включил ненадолго третью космическую скорость и улетел.
Вылетел он на поляну. Сбавил ход, приземлился возле пня.
А на пне Лиса сидела.
— Колобок, Колобок, я тебя съем.
— Нет, Лиса. Я от бабки с дедкой ушел, от собаки улетел, от волка-марсианина смотался. И от тебя, Лиса, быстро скроюсь.
Лиса пустилась на хитрость:
— Какой ты храбрый, какой умный, как интересно рассказываешь. Только плохо я слышу, дружок, сядь ко мне на нос, а то антенна сломалась, давно хотела в ремонт сходить, да все некогда...
Колобок был роботом хвастливым. Сел он Лисе на нос и только хотел снова запеть свою песенку, как Лиса быстренько открыла пасть. Киберробот Колобок туда и упал. Лиса захлопнула челюсти и побежала к бабке с дедкой. Разве мог знать Колобок, что это вовсе не Лиса, а охотник за сбежавшими роботами...

Саша Шардаков,
капитан «Каравеллы», семиклассник
(Синий краб, 1983, № 20)

Примечание редакционной группы
Этот рассказ стал победителем отрядного литературного конкурса на лучшее фантастическое произведение

В ПОХОД!

Только встанет уральское солнышко
Над изменчивым визовским озером,
Только свет его добрый и ласковый
Растолкает от спячки листву,—
Мы сбегаем к песчаному берегу,
К нашим маленьким вёртким суденышкам,
Паруса поднимаем и весело
Мы купаем их в свежем ветру.
Только ветра мы жаждем — безветрие
Утомит хоть кого — скука смертная!
Если штиль, то вода будто зеркало,
Паруса словно тряпки висят...
Мы мечтаем о волнах с бурунами
И о вантах, натянутых струнами.
Жаль, что Виз — это всё же не море...
Но ребята становятся в ряд —
И опять наши флаги полощутся,
И удачи костры нам горят,
И в далекие страны нам хочется,
И уходит в поход наш отряд.

Наташа Ломоносова

МОЙ ОКЕАН

Этой ночью тревогой повеяло с гор.
Это трепетный бриз мне шепнул,
не иначе,—
Есть далекий ручей
с гордым именем Норд,
Что впадает в бухту Удачи.

Свежий ветер морской
поманил меня в путь,
К берегам Приключений
сквозь море Разлуки.
Пожелайте же мне,
чтоб, когда не везет,
На штурвале не дрогнули руки.

Млечный Путь за кормой.
Не стихает молва,
что сродни ему гордые флаги.
Ранним утром покажется взору
Надежды фиорд,
Заблестит под лучами вершина Отваги.

Океан Испытаний,
по борту земля —
Та, где не был ни я и ни ты.
Вдалеке, на пути
моего корабля
Показался остров Мечты.

А. Швецов, отряд «Алый парус».
г. Первоуральск
(Синий краб: Альманах, № 20.
Выпуск юнкоровских отрядов объединения «Звезда»)

Анюта Мясникова,
флагман «Каравеллы»,
выпускница факультета
журналистики УрГУ

НА ШТОРМОВОМ БЕРЕГУ

Теперь Вовка каждый день видел море и огромных белых чаек. Работать стало легче. Сегодня он целый час пыхтел в тесном темном форпике, замазывая шпаклевкой боевые трещины своей яхты, а когда наконец вылез оттуда, веселый свет ослепил глаза. Холодные зеленые волны обрушивались на пирс, ударялись о скользкие прибрежные скалы. Прозрачные и упрямые, как льдины, они гнали вперед неприступные сверкающие айсберги, а далеко справа, где к подножию скал сбегали узенькие кривые улочки южного города, успокаиваясь, становились теплыми, темно-синими.

Вовка разогнул затекшие колени и сел на борт. Взгляд его упал на двоих, стоящих на пирсе к нему спиной: взрослый моряк и мальчик смотрели на белоснежный клипер, несущийся на всех парусах.

«В точности как мы...— подумал Вовка, глядя на мальчишку.— В отрядной форме и с барабаном... Прямо хоть записывай в первую шеренгу».

Он поставил банку со шпаклевкой на соседнюю яхту, спрыгнул на пол и подошел к окну. За стеклом торчали голые ветки окоченевших кустарников, скрипел мерзлый песок под ногами прохожих, лаяли собаки. До лета было еще целых четыре месяца.

Чья-то физиономия прилипла к темному стеклу с той стороны. То ли измазанный в краске Вовка привлек внимание, то ли обшарпанные корпуса яхт в новом и просторном помещении отряда, а может, картина с айсбергами и клипером, нарисованная во всю стену зала.

Давний друг «Каравеллы» художник Евгений Иванович Пинаев, сделавший эту роспись, был моряком. Он плавал на рыбачьих судах и парусниках, встречался с моряками и мальчишками разных стран. Он видел северное сияние и писал этюды в Гаване. Сейчас он пишет картины. А еще у него вышла книга о плаваниях, друзьях-моряках и кораблях. И повести его, и картины — про море. Ведь море — не просто водное пространство, стихия, это

Из архивного трюма

ГАЙДАРОВЦЫ

На весенних каникулах в отряде побывали два юнкора из пресс-центра «Гайдаровец», который работает при районной газете «Искра» в поселке Оричи Кировской области. Это девятиклассник Олег Четвериков и пятиклассник Жора Елкин. В корреспонденции они рассказывают о делах своего небольшого отряда.

Нас попросили написать о себе в газету «Атака». Отлично!

...Что делают мальчишки, когда им нечего делать? По словам некоторых взрослых, «совершают правонарушения». Но нам совершать правонарушения не хотелось. Мы обнаружили башню-водокачку. Вернее, не обнаружили, мы и раньше знали, что она есть, но неизвестно было, что там внутри. Что там было? Да в том-то и дело, что почти ничего! Что делают нормальные люди при таком открытии? Догадались? Мы сделали то же самое: собрались там однажды в темноте и повели секретный разговор. Итог был таков: решили мы организовать отряд и назвали его сначала «БВР» (простите нас, что «стащили» ваше старое название).

С этого дня плакала наша спокойная жизнь. Вообще-то она и раньше иногда плакала, но теперь ревела окончательно. С этого дня мы стали совершать «набеги» на ЗПД (зону пионерского действия). В нашем уставе, в самых первых строках, указана главная цель — возродить былое тимуровское движение (хотя бы у нас в поселке), такое, какое оно было во времена, когда только вышла повесть Гайдара. Серьезно драться пока не приходилось. А работы хватает: обледенелые дорожки, где валится с ног весь народ, посыпаем песком и делаем ступеньки. Выходим в ЗПД и для других дел: воду таскаем, дрова грузим, кому надо. И стараемся делать это незаметно.

На четвертой странице районной газеты часто появляются материалы нашего

и поле битв, испытания людей на мужество, доброту, силу. Чья бы судьба с ним ни соприкоснулась, будь то корабль, мальчишка или пожилой человек, она становится особенной, потому что море проверяет ее постоянно своими суровыми законами.

Евгений Иванович подарил отряду много картин. Некоторые, признаюсь, мы сами выпросили. А вот эту, на стене, он рисовал специально для нас.

Помните папу Карло из «Золотого ключика»? В его бедной хибарке не было даже очага, чтобы согреться или сварить похлебку. Очаг был нарисован на куске холста, прикрывавшем ненужную дверь. Тепла он не давал, зато делал комнатку веселее и уютнее.

Евгений Иванович, заглянувший однажды в отряд, тоже решил скрасить наше существование какой-нибудь картиной. Но что нарисовать на огромной пустой стене только что полученного помещения? Чему обрадуются мальчишки?

Как-то летом группа наших ребят ездила в Калининград. Неизвестно зачем рулевые прихватили с собой удостоверения. И оказалось, не зря: мы попали в гости к одной детской яхт-секции.

На берегу стояли новенькие пластмассовые «кадеты», ребята в ярко-оранжевых жилетах возились у воды со своими яхтами, волны ходили ходуном. Все для нас было привычно: и ветер, и волны, и возня у пирса. Но руки чесались. Нет, совсем не потому, что хотелось примерить красивый жилет с пряжками и замочками, не потому, что притягивали к себе блестящие на солнце фабричные ярлычки. А потому, что в Свердловске напротив пирса таинственно гудит недалекий цех холодной прокатки, а здесь не было ничего, кроме горизонта. Свинцовые балтийские волны дразнили и звали нас сильнее и сильнее.

Удостоверения пригодились. Нам разрешили походить на яхтах. И вдруг выяснилось, что ходить-то толком негде: за пределы базы высовываться нельзя, а буйки, обозначающие границу плавания, расположены в ста метрах от берега. И тут мы поняли, что завидовать калининградцам нечего. Нам на Верх-Исетском озере живется лучше. Там можно уходить далеко за острова, к руслу Исети. Там можно открывать неизвестные пристани и мели. Там можно устраивать морские бои и гонки на любую дистанцию...

...Вот потому Пинаев, глядя на скучную стену отрядного зала, прекрасно понимал: на ней нужно нарисовать открытое море. Огромное, настоящее. Без буйков и ограничительных знаков — дикое. Не конкретно Черное или Охотское, а вообще МОРЕ. Чтобы потрепанные ветром яхточки, привезенные на ремонт с пруда, скованного льдом, не тосковали по плаваниям. Чтобы Вовки и Сережки, отдирающие с днища старую краску, помнили: лето было. И ждали бы: лето будет. Чтобы все знали: огромный современный клипер и наши маленькие само-

юнкоровского пресс-центра «Гайдаровец». Эта пионерская страничка называется «Маленький трубач». Сейчас юнкоры готовят выпуск журнала «Смехофразотрон». Есть у юнкоров мысль «вылезти» со своими материалами и на всесоюзную арену.

А живется нам несладко. Не всем нравится активность отряда, часто находимся «на военном положении», а иногда из-за родителей сидим под домашним арестом.

Вы сами все это знаете, все это испытали, и вот мы — двое из тринадцати — по поручению пресс-центра приехали к вам учиться. Нам у вас понравилось, жаль только, что, когда вы прочитаете эту заметку, мы будем уже дома. Спасибо вам!

(БНЦ, 1982, апр.)

Примечание редакционной группы
Нам тоже было жаль расставаться с гайдаровцами, но оказалось, что эта встреча не последняя. Ребята еще не раз приезжали к нам, участвовали в юнкоровских слетах, готовили с другими юнкорами коллективные материалы. Наши ребята тоже ездили в Оричи. «Гайдаровец» вырос и окреп. Он по-прежнему печатает свои материалы в «Искре» и проводит тимуровские операции. Но теперь у него есть штабная комната, а водокачка стала «легендой». В праздники ребята поднимают над ней красный флаг.

дельные «штурманы» — братья. Управлять ими и строить их одинаково трудно, и существуют они потому, что жили раньше и до сих пор живут люди, преданные морю и открытиям.

...Вспомним о тех, кого злыми поверьями
Дома сдержать не смогли,
Кто начертил нам гусиными перьями
Первые карты Земли...

Эта отрядная песня — дань уважения старым каравеллам и их отважным командам. Ее мы поем всем морякам, с кем удается познакомиться. И хорошо, что еще ни разу не пришлось опускать от стыда глаза, когда доходили до этих слов:

В чем-то, друзья, с ними мы одинаковы.
Так же не смотрим назад.
Так же, как марсели, рвутся спинакеры,
Если приходит гроза.

Тогда, в Калининграде, увидев, как наши ровесники водят вдоль берега новенькие яхты, доставшиеся им, в сущности, даром, мы почувствовали гордость за отряд и за нашу мечту. Потому что добиваемся ее каждый год мозолями и исколотыми пальцами, орудуя кисточками, молотками и стамесками. Паруса, сшитые своими руками, не так безупречно выглядят, но для нас они — дороже.

Евгений Иванович нарисовал на стене мечту. Море, айсберги, чайки, клипер... А на пирсе поставил моряка и мальчишку в отрядной форме как символ верности разных поколений этой смелой мечте.

* * *

Росписи Пинаева сопровождали нас всегда, начиная с 70-х годов, с первого помещения на Уктусе.

Придя шестиклассницей записываться в отряд, я была ошарашена, как только переступила порог. По моим представлениям, «Каравелла» должна была находиться в уютных комнатах с диваном, цветочными горшочками на подоконниках и непременно с тяжелыми бархатными шторами на окнах. На полу — линолеум спокойного зеленого или коричневого цвета. Все оказалось не так.

Окна были открыты настежь, ветер колыхал узкие сатиновые флаги, заменяющие занавески. По обшарпанному дощатому полу бегали мальчишки в синих, перемазанных краской шортах, они поправляли береты, подгоняли пряжки на ремнях, перекликались, о чем-то спрашивали друг друга. В самой большой пустой комнате стоял деревянный корабль — от стены до стены. Но больше всего меня поразили сами стены.

На одной, яркой и красивой, нарисованные парусники плавали между нарисованными континентами, моряки в камзолах и треуголках совершали великие открытия и шли на абордаж. На другой — не было ничего, кроме увесистой шпаги на гвозде. Эта стена состояла из булыжников, изрешеченных осколками пуль. Кое-где виднелись выбоины от чу-

Из архивного трюма

«КАРАВЕЛЛА» ПИШЕТ «КАРАВЕЛЛЕ»

Здравствуйте, уважаемый Владислав Петрович и ребята! Обращается к вам первый отряд дружины «Звездная» Всероссийского ордена «Знак Почета» пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок». Наш отряд носит имя «Каравелла». Вы, наверно, подумали о своей «Каравелле» и вспомнили пресс-центр, который организовали со своими юнкорами в лагере, хотя с тех пор прошло уже пятнадцать лет. Многое изменилось в «Орленке», но пресс-центр дружины остался верным традициям первой «Каравеллы». Имя это стало родным для ребят. Достойно и гордо они носят это имя все годы. И мы, орлята первой смены 1982 года, решили оставить это название. Теперь наша смена подходит к концу. За это время мы подружились, поняли, что значит орлятская дружба, проверили и показали себя в делах. Грустно расставаться, разъезжаться по домам, мы никогда не забудем бессонные ночи над газетами, отрядные дела, наших ребят и вожатых. Помогла в этом ставшая легендарной «Каравелла». На протяжении всей смены мы равнялись на ее флаг, работали под девизом: «Жить тем лучше, чем крепче ветер». Мы жили с нашей «Каравеллой». Спасибо ей! Спасибо за все! Мы благодарны вам за «Каравеллу»...

С наилучшими пожеланиями
Ребята экипажа «Каравелла»
Апрель 1982 г.

гунных ядер, сквозь камни просачивалась вода. Несколько булыжников выпало из стены, образовав небольшие ниши. В одной из них ровным пламенем догорала свечка.

«Как в развалившейся крепости,— подумала я.— Неужели трудно было заштукатурить?» Подойдя ближе, я протянула руку к свече и... наткнулась на гладкую поверхность. Это тоже была картина.

Нет, не понравилось мне здесь сначала. Не было тишины и уюта, которые я ожидала найти в известном юнкоровском пресс-центре. Все свое возмущение я собралась высказать в первой заметке, написать которую попросила отрядная редколлегия. Но пока ее писала, поняла, что все должно быть только так, а не иначе. Окна открываются вахтенными ежедневно, даже зимой, потому что домоуправление не отключает отопление, и в комнатах сыро и душно, как в бане. Цветные флаги на окнах не просто так, а из МСС (Международного свода сигналов) и в переводе значат «Carabela». Корабль — «Дик Сэнд» — ребята строят каждый день, поэтому на полу олифа, краски и опилки. А стены разрисовал тихий дядя с усами, который плетет для «Дика» стальные ванты и штаги и которого звать Евгений Иванович. Угрюмая же каменная стена очень удобна для съемок приключенческих фильмов.

Второе помещение отряда, особняк на улице Добролюбова, сам по себе был экзотичен. Две комнаты (маленькая и большая) отапливались круглыми печками, из-за которых, того и гляди, высунется говорящий сверчок. Пинаев оставил свою роспись и здесь — мальчишки в форме отрядных барабанщиков с легкими клинками в руках бьются против громадного трехглавого дракона, из пасти которого вырываются пламя и клубы черного дыма.

Сейчас этих картин нет. Мы не виноваты, что приходилось уходить из тех помещений, а стены после нашего ухода закрашивали масляной краской. Закрашивали, наверное, чтобы они не портили настроение воспоминаниями о бывших неспокойных жильцах.

* * *

В 1978 году отряд ушел с Уктуса. Оставаться было просто-напросто опасно. Несколько раз в подъезде прорывало батареи, и полуподвал, где мы находились, затапливало. Гибли картины, ржавели штурманские инструменты. С фанерками и тряпками в руках, по щиколотку в горячей воде, с шести до десяти вечера мы отгоняли потоки, несущиеся с лестницы, в сквозную нижнюю дверь. Пол начал подгнивать. И то, что девочки, мечтая вернуть его былую голубизну, время от времени шоркали половицы щетками с мылом, естественно, не помогало. Стал рушиться потолок. Однажды пласт штукатурки грохнулся прямо между московскими гостями. Хорошо, что между. Мы не раз красили полы и двери, чинили окна, штукатурили сте-

К ГЛАВЕ
5
БАРАБАНЫ
ИГРАЮТ СБОР

Гвардия «Каравеллы» — барабанщики всегда в первых шеренгах. И здесь (на снимке вверху), на параде в честь 60-летия Всесоюзной пионерской организации. Барабанщик Володька (справа) уже вырос, и уже приняты в гвардию отряда Олежка и Катя (внизу) — дети первых капитанов «Каравеллы».

Из архивного трюма

ЛЕНИНГРАДЦЫ

Второго апреля в отряд приехала группа комсомольцев — студентов из Ленинградского педагогического института. Специально приехали — познакомиться с «Каравеллой». Мы, конечно, для начала взяли у них интервью.

Корреспондент:
— Как вас зовут?
— Борис, Оля, Таня, Лада. Мы учимся в ЛПИ, а летом ездим в пионерский лагерь вожатыми.
— Расскажите, пожалуйста, про ваш лагерь.
— Он существует уже несколько лет, и мы туда ездим тоже не первый год. Состав там почти постоянный, многие ребята хорошо знают друг друга, работать с ними интересно. Мы ходим в походы, устраиваем военные игры, но не обычные, а на основе исторических событий. Например, «Бородино»... По вечерам часто сидим у костра...
— А о нашем отряде вы знали раньше?
— Да, и давно хотели побывать у вас в гостях. Но выбрались только теперь.

Я удивился, что у девушек на форме пионерские галстуки, а у Бори его нет.
— Боря у нас недавно. В лагере галстук дается тем, кто уже посвящен в вожатые.

Потом гости долго расспрашивали нас о работе, об истории отряда, о группе барабанщиков. Мы показали ленинградцам новый фильм «Вождь краснокожих-83», а они нам — слайды о своем лагере и исторических играх.
— Нам было очень интересно познакомиться с вами,— сказали они.— Надеемся, что знакомство будет продолжаться.

К сожалению, у гостей из ЛПИ было очень мало времени на поездку. На следующий день они отправились домой.

Миша Еловских
(Барабанщики, 1984, апр)

ны, но сделать большой ремонт отряду было не под силу. Нам долго обещали отремонтировать помещение. Но не ремонтировали, а ждать, пока кто-нибудь сломает ноги или повредит голову, было нельзя.

К этим трудностям добавилось то, что в школах дружно обрушились на отрядных новичков, повторяя родителям, будто сговорились, слово в слово одну и ту же фразу: «Как только он записался в «Каравеллу», сразу же стал хуже учиться и вести себя вызывающе». Фраза грозила последствиями: двойками, выговорами, суровыми разговорами с родителями, противопоставлением наших ребят одноклассникам. Иногда мальчишка записывался в субботу, а фраза эта звучала уже в понедельник. Сейчас мы понимаем, что это была последняя попытка испортить отряду жизнь, последний отголосок «уктусских боев». Но тогда...

Мы не могли подвергать новичков риску. Накопилась такая усталость, что потихоньку стали распускать экипажи. И вскоре совет принял решение прекратить деятельность отряда полностью. Во все редакции, поддерживающие с нами связь, были посланы письма, извещающие об этом. «Мушкетеры» были отданы первоуральскому отряду «Алый парус» и перевезены на Волчихинское водохранилище. Трудный период кончился. Нас не стало. Казалось, всё...

* * *

Дело было вечером. Командор сидел на диване в своей комнате и рассеянно смотрел на устланный газетами пол, где сушились только что отпечатанные фотоснимки. Под столом и на столе лежали толстые отрядные фотоальбомы, подшивки «Петушка» и «Красного кливера», вахтенные журналы разных лет и все шестнадцать номеров альманаха «Синий краб». Вот уже десять дней, впервые за много лет, командор вел человеческий образ жизни: не готовился к занятиям, не обдумывал чертежи новых яхт, не составлял списки экипажей для практики, а самое главное — сидел дома и не торопился в отряд. Первую неделю даже радовался незапланированному отдыху — «Пионер» срочно требовал продолжение повести, и можно было, не отвлекаясь, писать главу за главой. Приятно было сознавать, что в это время ничего не может произойти. Не позвонит вахтенный, сообщая об очередной аварии в помещении, никто из новичков не схватит без маски рапиру, забыв отрядное правило. К мальчишкам по дороге домой не привяжется шпана. Родители не устроят скандал на тему «Получил двойку — забудь об отряде». Учителя, заметив под школьными куртками каравелловцев вместо форменных морских рубашек белые, улыбнутся про себя и, может быть, поставят первый раз в жизни «отлично» за поведение.

Тем не менее через неделю командору стало грустно. А сегодня он, чтобы как-то развеять тоску,

Из архивного трюма

ЗДРАВСТВУЙТЕ, КАРАВЕЛЛОВЦЫ!

Привет из Карелии, из Петрозаводска.
Несколько недель назад довелось мне побывать в отряде, отсылаю фотографии, снятые у вас, и решил написать несколько строчек.
Во второй раз судьба музыканта привела меня в Свердловск, и второй раз я был гостем в отряде. Четыре года назад были здесь голые стены (помещение вы только получили) и командор хватался за голову от вороха предстоящих работ. Сейчас совсем другое дело (хотя за голову он хвататься не перестал, потому что работ не убавилось). Но все это не о том, что я хотел сказать.
Главное — мне просто радостно было побывать у вас, поговорить с мальчишками, посмотреть, чем вы занимаетесь, чему-то поучиться, а чему-то и позавидовать. И все время в голове стучала фраза из киплинговского «Маугли» — «Мы с вами одной крови...»
Правда, несколько смущало меня то, что я почти ничего не делал, старался побольше смотреть и поменьше мешать — как раз шло озвучивание нового «Вождя краснокожих». Ну и еще я болтал с Вовкой Шардаковым и кое-что поснимал. Конечно, условия съемки (освещение) были не блестящими, но все же несколькими снимками доволен. Думаю, что и вас кое-какие снимки, особенно те, что я назвал «Отдых командора» и «Ладушки», заставят улыбнуться.
Привет вам от моих петрозаводских мальчишек, которые, развесив уши, слушали об отряде.

Алексей Савельев,
преподаватель консерватории,
командир туристского отряда
Март 1984 г.

достал с полок газеты, альбомы и стал проявлять последнюю отрядную фотопленку, на которую засняли перед уходом росписи Пинаева.

— Может, на самом деле начать писать мемуары? — полушутя спросил он у жены. Но в дверь позвонили, и Ирина Васильевна пошла открывать.

— Слава, к тебе тут помощники, как раз для мемуаров. Принимай гостей.

В коридоре послышалась возня. Через минуту в комнату одна за другой просунулись три головы: Митькина, Пашкина и Вовкина.

Через месяц их уже было десять. Десять барабанщиков, не пожелавших, чтобы отряд распался.

Можно перечислить всех по именам: Алеша Васильев, Инна Депутатова, Андрей Казаков, Митя Кононов, Паша Крапивин, Алеша Краснокутский, Вова Локтин, Паша Полюхов, Олег Тимченко, Витя Федосов.

Они собирались на квартире командора — больше было негде. Читали, разговаривали, клеили альбом с разными парусниками. Несколько раз ездили в лес. Потом решили вспомнить (просто так!) штурманское дело. У командора имелся компас, морские карты, секстан и другие нужные для этого вещи. Но помышлять о чем-то большем тогда боялись.

Потом командор до конца июля уехал на киносъемки. Однако ребята собирались все равно...

В конце июля Алешка пришел домой, в почтовом ящике обнаружил записку: «Приезжай к Славе. Надо готовить материал для «Пионера».

На четвертый этаж он влетел пулей, но все, оказалось, уже в сборе и даже успели накидать при-

Из архивного трюма

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГОСТИ

Второго марта отряд посетила делегация молодых учителей из Монголии. Они — будущие преподаватели русского языка в монгольских школах, а в Советском Союзе находятся на ознакомительной практике. Мы показали гостям отрядные фотоальбомы и газеты, рассказали о недавнем юнкоровском слете, о ремонте яхт, о парусной практике, о скором празднике Равноденствия. Потом гости пошли смотреть яхты. Все, кто там работал, сразу начали энергично тереть днища шкурками.
Посыпались вопросы: сами ли мы строим парусники, где у нас проходит практика и о многом другом. Алимаа (имя одного из гостей) поработал с ребятами на очистке корпуса. После этого вахтенный показал гостям музей, знаменную комнату, кают-компанию. Там молодые монгольские педагоги сделали запись для нашей газеты: «Город нам нравится. Это красивый большой город, люди Свердловска добрые, гостеприимные...»
Потом гости рассказали об Улан-Баторе, о своей работе и о монгольских ребятах. Когда они уходили, то пообещали побывать у нас на практике, покататься на яхтах.

Гена Ходжаев
(Барабанщики, 1984, 6 марта)

мерный план материала. Барабанщики забились в маленькую Славину комнату, поэтому Алешка, когда открыл дверь, заулыбался:

— Ничего себе народу! А кое-кто болтает, что мы распались. Видели бы они — вот бы расстроились!

Все засмеялись, а Паша Полюхов, сидящий на подоконнике, задумавшись, произнес:

— А ведь действительно, не совсем правильно получается: официально нас нет, а на самом деле мы есть. И вообще, я тоже часто слышу, будто «Каравеллу» разогнали. Как им объяснить, что нас разогнать невозможно?

— Очень просто,— Инка аж подпрыгнула на спинке дивана.— Надо подписать материал в «Пионере» именем отряда! Пусть знают!

Предложение всем понравилось. И с этого дня решили именовать себя ОСНОВНЫМ РАБОЧИМ ЭКИПАЖЕМ «КАРАВЕЛЛЫ».

Ближе к лету напоминания о яхтах утратили свою робость и приняли массовый, постоянный характер. И однажды, завалившись всей гурьбой к командору, барабанщики услышали его раскатистый, каким он бывает только на базе, голос:

— Братцы, новость! Приезжала Марина из Первоуральска. Они отремонтировали «мушкетеры». А кто будет учить их матросов?

Что тут было, описать невозможно. Ирине Васильевне пришлось выпроводить орущий основной рабочий экипаж на улицу. Во главе с командором.

Август прошел на берегу Волчихинского водохранилища, на базе «Алого паруса» недалеко от Первоуральска. Час — в набитой садоводами электричке, полчаса — по нагретым от солнца шпалам, десять минут — вправо по узкой топкой тропинке, сквозь густую, как в джунглях, траву. На песчаном пятачке ждали родные «мушкетеры» и ребята из «Алого паруса». Барабанщики забыли, что они всего лишь небольшая горстка бывшего отряда — так сдружились с первоуральцами. Да и ребят из «Каравеллы» с каждым разом приезжало все больше.

Кончилось лето, наступил учебный год, и они поняли, что расстаться друг с другом все равно не смогут. Они отстояли отряд в трудный период и были теперь не осколками «Каравеллы» — самой «Каравеллой». Поэтому пришла мысль: не пора ли разворачивать экипажи? Об этом же просил журнал «Пионер»...

Из архивного трюма

НОВОЕ НА КИНОЭКРАНЕ

Как уже все знают, снимается у нас новый фильм — «Хроника капитана Саньки». И, как ни странно, сыграть новую роль выпало мне. Роль у меня беспокойная: мне предстоит падать с велосипеда, сражаться с пиратами, лезть в драку с хулиганами и даже влюбляться (вот это-то зачем?). Одно хорошо: во время киносъемочных прогулок с «героиней» нам удалось выпить газводы и как следует поесть мороженого... Иногда мне удается сыграть так, как того требует сценарий, а иногда не очень, так как своего героя я пока не всегда понимаю, у него бывают странные поступки. Но об этих поступках я распространяться не буду, потому что содержание фильма пока держится в секрете. Я надеюсь, что фильм получается неплохой. По крайней мере, для любителей пиратов и приключений в нем полное раздолье.

Саня Брусницын
(Барабанщики, 1984, 14 июля)

Володя Шардаков,
капитан «Каравеллы», командир барабанщиков в 1982—1984 годах, семиклассник

ВНИМАНИЕ, СЪЕМКА!..

Я пришел в отряд в сентябре 1979 года. Я тогда был еще третьеклассником, октябренком. Случилось это так. В начале сентября мой брат Сашка (он был тогда в пятом) прибежал домой, надел какую-то незнакомую мне рубашку с якорями и сказал, что он пошел на базу. «На какую?» — подумал я.

Часов в одиннадцать утра я уже начал ждать его обратно, но его не было целый день. Часов в десять вечера мы с мамой пошли к мальчику, с которым Сашка ушел на эту самую базу, но того дома не было. Его мама, однако, не волновалась. Она сказала, что ребята просто задержались на спортивной базе и что это бывает. А я подумал, что хорошо бы так жить: каждый день в 10 вечера домой приходить. Можно попасть в разные интересные приключения...

Наконец наш Санечка явился. С каким-то бородатым дядькой. Я подумал, что, видимо, братец и в самом деле «попал в приключение». Но я не угадал. Саня сказал, что это инструктор отряда Игорь. Мама спросила, почему Саня так поздно вернулся? Игорь объяснил, что сперва были парусные занятия, а потом совет в отряде.

— Но мы всех провожаем по домам, если поздно,— добавил он.— Особенно новичков...

Игорь попрощался и ушел, а Саня стал показывать на новой форме пуговицы и якоря. От этого у меня разыгрался азарт, и в следующий раз в отряд с Саней пошел и я. И меня приняли.

Через неделю мне предложили роль маленького барабанщика в отрядном фильме. Я согласился. С тех пор у меня появилось важное дело — репетиции.

Однажды отряд выступил с концертом на швейной фабрике. После выступления ко мне подошел Владислав Петрович Крапивин и сказал:

— Вова, хочешь быть настоящим барабанщиком?

— А как же! — сказал я.

Через неделю меня начали учить барабанным маршам, а барабан я получил на линейке.

...Я хочу рассказать, как мы тогда жили. Помещение было крошечное, подвальное, без окон. Да и то не наше. Нас пустил к себе детский клуб «Восток». Они к нам очень хорошо относились, помогали во всем, но работать было трудно: заниматься фехтованием негде, линейку выстроить невозможно, большую группу не собрать. Но ребята говорили,

что все-таки теперь лучше, чем раньше, когда жили в комнате полуразвалившегося особняка на улице Добролюбова вместе с отрядом «Всадники». А до того времени у нас целый год вообще не было своего помещения. Да и отряда, можно сказать, не было. Тогда оставалась только небольшая группа барабанщиков, она потом снова и собрала экипажи.

Я не раз слышал от старших ребят:

— Если бы не барабанщики, отряда больше бы не видать...

Теперь эти барабанщики были уже большие — семиклассники и восьмиклассники. На линейках они один за другим передавали барабаны нам, младшим.

Барабанов сперва не хватало. Потому что старые, когда отряд был распущен, передали другим отрядам или просто друзьям. Пришлось делать новые — для себя, а заодно и для других юнкоровских отрядов, с которыми мы дружили. Я тогда впервые увидел, как делают эти большие барабаны: как выгибают из фанеры цилиндры, надевают на них размоченную кожу, натягивают шнуры, которые называются по-морскому — талрепы.

Цилиндры надо было красить, а краски в отряде не было. И денег тоже. Под рукой оказался только черный нитролак да немного синей эмали. Ну вот мы и покрасили барабаны черным блестящим лаком. С никелированными ободами и золотистыми шнурами это выглядело совсем неплохо. И с нашей морской формой, с золотыми якорями и нашивками это очень даже сочеталось. А на бока барабанов мы синей эмалью нанесли нашу морскую эмблему — веселого синего краба (про него у нас в отряде есть давняя песенка).

Старшие ребята про барабаны говорили:

— Ну и ладно, что такие. Не для карнавала ведь. Пороховой цвет — самый подходящий.

...Эти ребята — барабанщики 78-го года — сейчас часто бывают в отряде. Паша Полюхов и Митя Кононов — студенты горного института, Паша Крапивин — студент университета. И Инна Депутатова учится в университете. Алеша Васильев в «Каравелле» так увлекся кораблями, что теперь учится в Ленинградском кораблестроительном институте (он приезжает к нам на каждую парусную практику)... Теперь все они такие большие, но я помню их еще в пионерских галстуках. Хорошо, что они оказались такие крепкие ребята. Хорошо, что отряд есть до сих пор...

В 79-м году снова начала работу отрядная киностудия. Сперва вместе с другими отрядами сняли сказку про говорящего лягушонка — «Вратаренок Чип». Но это был фильм так себе, пробный. Потом начали другой, по фантастической повести Крапивина «В ночь большого прилива» (я для него и репетировал слегка). Но он оказался очень сложным, мы его отложили на долгое время (закончили

Из архивного трюма

Я СДЕЛАЛ ГОРОД

Город занимает почти полкомнаты. Раздвинутый стол, приставленный к окну, и подоконник — все заполнено домами, железной дорогой, улицами. В городе узкие улицы (едва разъедутся две машины), а дома двух- и трехэтажные. Рядом с каждым домом небольшой садик с деревьями и цветами.
В городе есть вокзал, магазины, почтовое отделение. Есть и пристань с маяком (ведь город на побережье моря). Есть два старинных замка: один во французском стиле, а другой служит крепостью и стоит на острове, в устье реки...
Сначала город был «прописан» на Шпицбергене. Но он был уж очень южный: маленькие домики, много деревьев. Пришлось переселяться в Тасманию. Но какие замки во французском стиле могут быть возле Австралии? Сейчас город находится во Франции. К нему подошло название Ламорис. Он стоит недалеко от устья Сены.
Железная дорога, идущая вдоль берега, ведет в другой город. Он в четырех трамвайных остановках от меня. Его выстроил, так же, как я, мой друг. Мы часто встречаемся или болтаем по телефону. Мама иной раз ругается, что я подолгу «сижу на телефоне». Но ведь это междугородная связь.

Миша Чарин
(БНЦ, 1982, 29 мая)

Примечание редакционной группы
Когда заметка была напечатана, к Мише повалили «экскурсанты» из отряда — те, кто еще не знал про город. А через год часть Мишиных построек хорошо послужила во время съемок фильма «Сказка о мальчишках из картонного города».

только в 84-м году). А расставаться с темой про барабанщиков никому не хотелось, поэтому мы придумали новый сценарий. Фильм-сказку «Жили-были барабанщики...» Хоть это и сказка, но посвятили его мы нашим ребятам, от которых недавно получили барабаны. Поэтому в начале фильма есть такой кадр — стоит мальчик со звездой в руке, а звезда освещает надпись: «Барабанщикам «Каравеллы», сохранившим и отстоявшим отряд в 1978 году».

Перед началом съемок Слава мне сказал:

— Вова, тебе, наверно, придется играть главную роль в фильме, роль Володьки, который попал в сказку.

«Ну что ж,— подумал я.— Если подхожу на эту роль, то пожалуйста». И согласился. Сначала мне казалось, что сниматься в этом кино будет легко и даже романтично.

Позже мое мнение о романтике изменилось. Например, когда мы ходили на яхтах в поход по Исети, на Макуш-Камень и ночевали в лесу, Слава разбудил меня в пять часов утра.

— Давай поднимайся, Вовка. Надо снять один эпизод на восходе солнца, так что вставай и пошли.

Что делать, пошли. А кругом холодная роса, колючки, да еще комары набросились, как я только выбрался из палатки. От многих я вскоре избавился, но часть (уцелевшая) так и сопровождала меня во время съемок.

По сценарию на этой скале меня должны были подстрелить. Решил я сыграть как можно лучше. Когда в меня выстрелили, я не просто упал, а сделал пару оборотов под горку, а дальше — обрыв метров двадцать. Слава бросил камеру и ухватил меня за пятки... Теперь он любит рассказывать про этот случай и говорит, что было очень забавно. Но посмотрели бы вы на него тогда. Я, например, долго не решался...

А на обратном пути был еще случай — мы наступили на гнездо шмелей. Тоже было очень смешно...

Как получился фильм, мне сказать трудно, я к нему очень привык. Но кое-кто говорил, что когда его показывали родителям, у некоторых мам были мокрые глаза. Но я не знаю, сам не видел. Кто очень интересуется, может прийти в отряд и посмотреть эту кинокартину, мы ее до сих пор часто показываем гостям. А кроме того, мы решили в этой книжке напечатать сценарий фильма. Сценарий, конечно, не кино, но кое-что понять можно...

ЖИЛИ-БЫЛИ БАРАБАНЩИКИ

Фильм-сказка

Вместо эпиграфа:

Спит старый город,
Вокруг спят деревни и пашни.
Спят флюгера.
Воробьи притаились на башне.
Спят очень чутким сном
Маленькие барабанщики.
Тихо висят на гвоздях
Их барабаны спящие.
Когда еле свет пробьется
В узенькое оконце,
Они откидывают одеяла
И идут встречать солнце.
Взъерошенные и сонные
Стоят на каменных стенах.
Их марш боевой, рассветный
Город хранит от измены.
Эй, просыпайтесь, люди!
Никто не грозит нам бедою!
Пусть к лучам повернется флюгер
Солнечной стороною.

Сережа Гаврин, 13 лет
(Пионер, 1980, № 12)

...Утро было прекрасное. Солнечное, зеленое, свежее. И настроение у четвероклассника Володьки было замечательное. Накануне его в городском пионерском лагере «Самоцветик» зачислили в группу барабанщиков. И теперь Володька вприпрыжку спешил к лагерю. Сейчас они пойдут на экскурсию, и он — впереди отрядов, в одной шеренге с остальными барабанщиками. И веселый марш заранее звенел в душе у Володьки.

У ворот лагеря шумела ребячья толпа. Две воспитательницы пытались выстроить ребят. Володька с барабаном встал впереди... И вот тут-то случилось то, чего он никак не мог предположить. Воспитательницы увидели, что он гораздо меньше остальных ростом, и ласково, но настойчиво попросили у него барабан. Потому что он, Володька, «портил вид» первой шеренги. Он растерялся, он отдал барабан и палочки. И никто не обратил внимания на его тихое отчаяние. На Володькино место поставили мальчика повыше, а его отправили в задние ряды.

А потом, когда нестройная толпа под не очень дружный барабанный марш двинулась по асфальту, Володьку выставил из задней шеренги догнавший ребят рослый мальчишка...

Насупленный, с зажатыми внутри слезами, Володька постоял посреди опустевшего тротуара. Сел у решетчатого забора. Тихо побарабанил по решетчатым прутьям. Встал... И вот он бредет неизвестно куда. Губы сжаты, но мы слышим его печальную и сердитую песенку:

Было все хорошо
до недавней поры,
А теперь — будто в глупой считалочке:
«Раз-два-три —
и пошел поскорей из игры,
Отдавай барабанные палочки!»
А за что? А за то,
что поменьше других
И в передней шеренге не нужен вам...
Ну а если б на нас
налетели враги,
Вы не дали бы мне и оружия?
Только где вам
подумать про ярость атак —
Вам, боящимся дождика летнего?..
Я, наверно, и сам
сделал что-то не так,
Надо было стоять до последнего.
И никто заступиться не смог.
Ну и пусть!
Пусть уходят, стуча в барабанчики.
Я в ваш лагерь теперь
никогда не вернусь,
Вы прощайте, послушные мальчики.
Уходите
детсадовской шумной толпой
Под конвоем заботливых тетушек.
К вам грохочущий сон
про атаки, про бой
Никогда-никогда не придет уже.
Вы ушли —
будто сдали наш город врагам,
Задубелым от злости и сытости...
...Если снова бы кто-то
мне дал барабан,
Я бы палочки больше не выпустил...

И, словно в ответ на последнюю строчку, Вовка у своих сандалий увидел на каменном тротуаре барабанную палочку...

Он поднял ее, удивленно подержал в ладони. Потом оглянулся.

Город вокруг был незнакомый — старинный, со множеством островерхих башен, на которых скособочились обугленные петушки-флюгера. Сумрачный был город, недобрый. И Володьке стало неуютно и тревожно. Но он не испугался, только подобрался весь, ощутив непонятную опасность. В нескольких шагах он увидел на камнях еще одну палочку. Потом услышал стон, перегнулся через перила старинного моста и в высокой траве, на берегу, увидел лежащего мальчишку-барабанщика.

— Я не успел уйти с нашими...— сказал раненый и обессиленный барабанщик, когда Володька принес ему в пригоршне воды, помог приподняться и положил под голову большой барабан.— Но зато я узнал сигнал волшебных барабанов. Я отыскал его в подвале старой библиотеки... Разыщи наших ребят, они в лесу. Передай им вот это...— Морщась от боли, мальчик вытащил из-под рубашки бумажную ленту с непонятными значками.— Иди...

— Мы пойдем вместе,— решительно сказал Володька и стал поднимать мальчика... И снова опустил на траву. Потому что из-под каменного свода моста на берег вышли три человека в беретах, мундирах и со шпагами.

— Это гвардейцы. Уходи,— прошептал барабанщик.

— Нет,— сказал Володька.

— Уходи!

Но Володька встал, заслоняя раненого. Расставил ноги — маленький, взъерошенный, в помятой рубашке, в сбившемся пионерском галстуке. В каждом кулаке сжал по барабанной палочке — как кинжалы. Это все, что он мог сделать.

Командир гвардейцев пренебрежительно махнул ему рукой: убирайся. Им нужен был барабанщик. Володька сжал палочки покрепче. Тогда гвардеец шагнул к нему и замахнулся шпагой...

Ах так? Бандюги... Вовка в «рогатку» из скрещенных палочек поймал клинок, а головой ударил врага в брюхо. Тот согнулся и уронил оружие. Володька подхватил шпагу. И тут же — вторую, которую бросил ударившийся в бега второй «храбрец». Володька успел вытянуть его шпагой и оглянулся: где третий? Тоже сбежал?

— Тоже мне, вояки,— пренебрежительно сказал Вовка, подходя к лежащему барабанщику.— У нас во дворе любой мальчишка сражается лучше их...

Барабанщик не ответил. Володька посмотрел внимательней... и уронил шпаги. Третий гвардеец, оказывается, успел ударить мальчика ножом, и теперь никакая помощь ему была не нужна.

...Глотая слезы, Володька убрал из-под головы мальчишки барабан и надел на себя. Закрыл лицо мальчика большим лопухом. Подобрал палочки и обе шпаги, еще раз оглянулся на погибшего барабанщика и ушел с берега.

Сначала он, крадучись, пробирался по улицам непонятного и враждебного города, потом шел по лесу. И наконец увидел на глухой поляне маленьких барабанщиков.

Стоя перед строем печальных и суровых мальчишек, Володька отдал командиру бумагу с записью сигнала, потом стал снимать барабан. Но командир барабанщиков остановил его:

— Останься... Нас не должно быть меньше, чем раньше.

И Володька остался в лагере барабанщиков, в их строю. В печальной и пока неясной для него сказке...

Вечером, у костра, Володька узнал историю таинственного города и маленьких барабанщиков. Оказалось, что еще недавно город был веселым и назывался Городом Серебряных Петушков. Петушки ярко сверкали над башнями. Весело жилось здесь мальчишкам, крутились на площадях пестрые карусели, можно было смеяться, радоваться и ничего не бояться. А маленькие барабанщики веселыми маршами встречали каждый рассвет...

Мальчик-рассказчик продолжал историю:

— А правил городом веселый и добрый король...

— Добрый? — усомнился Володька.— Что-то не слыхал я про добрых королей!

— Но это же был сказочный король! Он никого не обижал и очень любил играть с ребятами...

После этих слов мы видим на экране короля — добродушного толстяка в напудренном парике, короне, жилете и ботфортах. Думаете, чем он занимается? На дворе, рядом с королевской резиденцией, играет с мальчишками в чехарду. Мальчишки тараторят считалку, и водить выпадает его величеству. Ничего не поделаешь, он снимает корону, отдает ее на время одному из самых маленьких (грозит пальцем: не сломай) и, вздохнув, нагибается. Один за другим лихие мальчишки перелетают с разбега через могучую королевскую спину. Только самый тяжелый не может перепрыгнуть и усаживается верхом на короля. Но это не смущает неудачника: он берет у малыша корону, нахлобучивает на себя и хохочет...

В это время раздвигаются узорчатые ворота, и к королю направляются трое совсем крошечных ребятишек. Они несут тощего котенка.

— Ему негде жить.

Ребячья компания замирает в ожидании решения.

Король возлагает на себя корону. И требует:

— Позвать сюда Первого министра!

Появляется министр — с аккуратной бородкой, в очках, вежливый и невозмутимый. Король протягивает ему котенка и решительно произносит:

— Зачислите его в придворные коты и выдайте два килограмма сосисок.

— Но, ваше величество, зачем нам бродячий кот? — осторожно возражает министр. И слышит раздраженный ответ:

— Этот кот такой же мой подданный, как и вы, господин министр. Потрудитесь делать, что я сказал.

Не дрогнув лицом, министр вежливо берет и уносит котенка.

А король и мальчишки затевают игру в «жучка». Ребята хлопают короля сзади по выставленной ладони: угадайте, кто? Наконец король угадывает. Его место занимает один из мальчиков. А его величество с утомленным видом незаметно отходит в сторонку. На его лице уже нет и тени улыбки. Он медленно идет у стены и, оставшись один, стягивает парик, вытирает взмокший лоб. Прислоняется к столбу у ворот. Короля догоняет десятилетний мальчик, худенький, поцарапанный, совсем не похожий на королевского сына, если бы не лента через плечо.

— Папа, что с тобой?

— Ничего, ничего, малыш...

А следующий кадр — черные деревья, согнувшиеся от тяжелого ветра и траурных колокольных ударов.

— Никто не знал, что у короля больное сердце,— говорит рассказчик.— Он умер совсем неожиданно...

Сын короля в черной траурной рубашке сидит, прижавшись лицом к садовой решетке...

Рассказчик говорит:

— Мальчик стал королем... Но он ничуть этому не радовался и очень горевал об отце.

...Маленький король сидит, закусив губу. Слезинка ползет по щеке.

Рассказчик:

— Злобный министр воспользовался этим и подписал именем нового короля указ...

...Грохает у городских ворот пушка. Министр в своем похожем на каземат кабинете рукояткой кинжала звякает о колокольчик. Два гвардейца вносят бумажный свиток и разворачивают его. Крупными и красивыми буквами там написано:

Именем короля!
С этого дня в Городе устанавливается
полный порядок.
Запрещается:

1. Громко смеяться.
2. Петь песни.
3. Кататься на каруселях.
4. Устраивать праздники.
5 Запускать воздушных змеев.
6. Бить в барабаны...

Рассказчик:

— С тех пор улицы стали похожими на кладбище, всех недовольных хватали и тащили в тюрьму... А маленьких барабанщиков выгнали из города.

Мы видим, как пасмурный ветер срывает со шпилей почерневших петушков, бьются штормовые волны об опустевшие набережные. А барабанщики один за другим поднимаются на заросший колючей травой обрыв и бросают последний взгляд на бывший Город Серебряных Петушков...

Володька возмущен:

— А Маленький король? Разве он не мог отменить приказ?

— Его никто не слушал,— говорит рассказчик.— И тогда...

И тогда Маленький король бежал из дворца. В лес. К самым лучшим своим друзьям, к барабанщикам. Они встретили его радостными криками, и он остался в ребячьем лагере.

Он и сейчас здесь. Сидит у костра, положив подбородок на большой барабан. И задумчиво говорит:

— Ничего... Зато сейчас у нас есть волшебный сигнал. Если в середине лета сыграть его на рассвете, рассыплется любое зло. А середина лета — завтра...

Эта ночь в середине лета была спокойной и ясной. Светила над уснувшими деревьями половинка луны. Мальчишки спали у погасшего костра, рядом с поставленными в пирамиду барабанами.

Маленький король проснулся, ему захотелось пить. Он подошел к бочонку, повернул кран, но бочонок был пуст. Маленький король вздохнул, вытряхнул из котелка сосновую шишку и через заросли побрел к недалекому ручью...

...А в зарослях притаились гвардейцы.

Маленький король не успел вскрикнуть, ему зажали рот. Напрасно он колотил здоровых вояк ногами и пытался вырваться. Скоро он уже стоял в каменном кабинете перед министром. Босой, встрепанный после сна и схватки, он все-таки старается держаться по-королевски. Смотрит гневно и решительно. Однако министр невозмутим:

— Сейчас вы покажете нам, как играть на барабане сигнал сбора,— говорит он.

— Зачем? — хмуро отзывается Маленький король.

Вмешивается гвардейский офицер с наглым и насмешливым лицом:

— Вы проводите нас к лагерю барабанщиков. Там мы сыграем этот сигнал, а когда ваши птенчики слетятся, мы их...— он показывает ладонями хлопушку-западню.

— Зачем?

— Нам известно, что вы задумали подорвать спокойствие государства,— заявляет министр.

— Я ничего вам не скажу,— пренебрежительно роняет Маленький король.

Министр пожимает плечами:

— Мы не будем вас принуждать. Мы просто с почетом отправим вас... следом за отцом.

— Не имеете права! Я король!

— Король вы, пока живы,— разъясняет министр.— Эту ошибку легко исправить...

Гвардейцы медленно развели створки черных решетчатых ворот. На двор, окруженный высокими кирпичными стенами, вошли две колонны караульных солдат. Между ними шел Маленький король. Посреди двора караульные расступились,

к Маленькому королю подошел гвардейский капитан, взял его за плечо. Тот сбросил ладонь солдафона, но гвардеец опять схватил мальчика и повел к стене, сложенной из серых булыжников. Прислонил пленника к ней спиной.

Шеренга равнодушных стрелков по команде капитана вскинула ружья, ощетиненные плоскими штыками. Капитан оглянулся на незаметно подошедшего министра. Тот перестал протирать снятые очки и нетерпеливо махнул платочком. Капитан с неторопливой торжественностью стал поднимать для последней команды палаш.

Маленький король вжался в камни. Вцепился растопыренными пальцами в выступы булыжников. Нарастал барабанный грохот. Палаш все поднимался. Длинные карабины сошлись на маленькой белой фигурке у серой стены.

Грохот стал нестерпимым. Осталась секунда...

Маленький король не выдержал. Закрыл локтем лицо.

— Не надо!..

Маленький король со связанными руками шел через лес. За ним — солдаты и гвардейский барабанщик. Иногда капитан подталкивал пленника, и тот хмуро дергал плечом. Но этот жалкий протест ничего не значил. Все равно Маленький король был предателем, он вел врагов к лагерю барабанщиков.

На краю оврага гвардеец с барабаном вышел вперед. Поднял палочки. Маленький король сморщился, как от нестерпимой боли.

...А барабанщики, услыхав знакомый сигнал, повскакали на ноги. Бросились через кусты — прямо в засаду! И тогда Маленький король понял, что предательство страшнее смерти:

— Не ходите! Не надо! Здесь измена!!

...Да, нелегко далась гвардейцам победа над мальчишками. Закипела на поляне яростная схватка. Но солдат было больше, и один за другим скатывались на дно оврага потерявшие хозяев барабаны.

...Связанных пленников бросили на камни во дворе, где недавно грозили расстрелом Маленькому королю. Наверху, по стене, украшенной решетками, шагал часовой. Исцарапанные и окровавленные мальчишки лежали молча. О чем говорить? Не осталось ни сил, ни надежды на спасение.

Маленький король, тоже связанный, лежал отдельно от других, в кирпичной нише. У него больше не было друзей...

Не было?.. Володька через обмотанное веревкой плечо посмотрел на Маленького короля. Володька знал, как тяжело остаться одному. Он поднатужился, перекатился через спину. Поближе к Маленькому королю. Мальчик с разбитой губой сказал Володьке:

— Не разговаривай с ним, он предатель.

— Он же предупредил нас, — заступился Володька.

— После времени... А сперва струсил.

Неожиданно поднял голову командир маленьких барабанщиков. Хмуро спросил:

— А ты ни за что не струсил бы? Уверен?

Володька подкатился вплотную к Маленькому королю. Прошептал:

— Ничего. Что-нибудь придумаем...

У Маленького короля в глазах мелькнула надежда: значит, еще не все потеряно? Значит, его еще могут простить? Он изогнулся и яростно начал перегрызать веревочный узел на Володькиных руках. Скорее, скорее... И вот — руки свободны. Теперь Володька развязывает Маленького короля. А веревка — это аркан. Он взвивается в воздух — и захлестнутый петлей часовой грохается на плиты. В руках у мальчишек — шпага и карабин...

Один за другим барабанщики освобождаются от веревок. Один за другим ускользают со двора через прутья решеток. Решетки рассчитаны на взрослых, а мальчишки протискиваются.

Командир барабанщиков отступает последним. И не успевает: за ребятами мчится охрана. Одного командир сваливает выстрелом, навстречу другому бросается со шпагой. Среди стен и решеток закипает бой двух фехтовальщиков. Трудно приходится мальчишке, но, изловчившись, он втыкает клинок в ногу врагу. Тот с воем садится на землю. Путь свободен!

Но не так-то легко уйти от погони. Гвардейцы настигают мальчишек. Начинается свалка, мелькают клинки и палки. Маленький король дерется яростнее всех... А Володька? Он вырвался и опередил ребят. Он знает: главное — успеть к восходу солнца!

По крутому спуску Володька сбегает в овраг, где накануне были схвачены барабанщики. Находит в траве свой барабан. А палочки? Палочек нет. Из погасшего костра Володька вытаскивает две прямые обгорелые ветки. Сгодятся! А теперь — вперед, на гору, чтобы увидеть восход над лесом и скалами!

Володька карабкается по каменным отвесам, продирается сквозь мокрые от росы и колючие кусты, пробегает над пропастью по упавшему дереву...

...Барабанщики, вырвавшись от гвардейцев, один за другим спускаются в овраг. Хватают свои барабаны, торопливо надевают их...

Володька останавливается на вершине скалы. Смотрит, как над лесными вершинами нарастает свет. Поднимает палочки... И наконец из-за кромки леса показывается брызжущий лучами край солнца!

Трах! — разносится первый удар волшебного сигнала.— Тра-та-та-та... Трах!..

Трах! — отзываются барабаны вставших в шеренгу мальчишек. Под равномерные удары грозного марша шеренга наступает на гвардейцев. Те, пятясь и карабкаясь, трусливо выбираются из оврага...

Володька, освещенный солнцем, продолжает играть рассветный сигнал...

Под ликующую музыку на городских башнях выпрямляются шпили с петушками. Осыпается с петушков копоть, они разбрасывают солнечные зайчики. Хохочущие от радости мальчишки выбегают на площадь...

Коварный министр в своем кирпичном каземате вздрагивает, поворачивается к окну, прислушивается, в ужасе зажимает уши. Но такты рассветного сигнала неумолимо врываются в подземелье! Министр перекатывается через стол, падает и, скорчившись, замирает на полу...

Барабанщик, убитый гвардейцами у моста, шевельнулся, стряхнул с лица лопух. Приподнялся, прислушался. (Это же сказка, в сказке все можно!) Встал. Сам собой появился у него барабан, а в руках — палочки. Он поднял их, улыбнулся и тоже заиграл...

А в Городе Серебряных Петушков — праздник. Вертятся карусели, ребята на площади устроили хоровод...

Но враги еще живы. Володька на скале продолжает барабанить рассветный сигнал, а через кусты крадется гвардейский капитан со своим ординарцем.

Барабанщик на вершине, на фоне светлого неба — прекрасная цель. Гвардейский капитан хладнокровно протягивает руку, и ординарец подает ему карабин.

Грохает выстрел.

Володька вздрагивает. На рубашке расплывается темное пятно. Но Володька знает — сигнал надо обязательно доиграть до конца. Он опять выпрямляется. Морщится от боли, но вскидывает палочки. Он не может ни прервать игру, ни спрятаться. От него теперь зависит всё...

На звук выстрела выскакивает из кустов Маленький король. Видит гвардейского капитана с карабином — своего самого лютого недруга. Подскакивает к нему, выхватывает из-за капитанского пояса тяжелый кремневый пистолет, стреляет в упор. Капитан валится под откос...

А город ликует, ничего не зная о лесном бое. Смеются мальчишки...

Володька через силу последний раз ударяет в барабан и падает на плоской верхушке скалы. Откатывается барабан, застревают в траве обгорелые палочки...

Сколько он так лежал среди пыльной травы? Володька и сам не знал. Наконец он поднял голову. Вокруг был знакомый двор — рядом с лагерем «Самоцветик». Знакомые деревья, знакомый дом... Володька поднялся. Снова не было у него барабана, но что-то... что-то осталось. Задумчивый, слегка встревоженный, он подошел к забору, пытаясь понять, что же с ним случилось. Сон? Сказка?

Поднятым с земли сучком Володька начал по-

Из архивного трюма

БАРАБАНЩИКИ, ВПЕРЕД!

(Отрывок из сценария передачи Свердловского телевидения в мае 1981 года)

Ведущая: А скажите, ни у кого из вас не вызвал сомнений такой поворот событий с Маленьким королем? Не слишком ли мягко отнеслись к нему барабанщики? Ведь он чуть не погубил их, струсил... А они простили...

Павел Полюхов (флагман «Каравеллы», командир барабанщиков в 1978 году): Ну что же... Действительно, простили... Он же маленький, а испытание ему выпало страшное. Не всякий взрослый выдержит... Нельзя же, если мальчишка один раз испугался, ставить на нем крест навсегда. Он и сам так мучился...
Другое дело, когда предателями оказываются взрослые, сильные люди, когда изменяют друзьям ради удобства в жизни, ради своего пустого тщеславия, ради выгоды и карьеры.
Тогда наши барабаны звучат непримиримо.

стукивать по звонким прутьям решетки, вспоминая рассветный сигнал. Звон неожиданно громко разнесся над двором. Володька почувствовал, что он не один.

Он медленно повернул голову.

Во дворе длинной шеренгой стоял отряд мальчишек в форменных рубашках и беретах с якорями. И были у мальчишек такие знакомые — высокие поцарапанные барабаны!

Володька не вздрогнул, не вскрикнул, не стал протирать глаза. Он медленно пошел вдоль строя, вглядываясь в полузнакомые лица. Словно спрашивал ответ. Мальчишки провожали его серьезными глазами.

Наконец Володька спросил:

— А Маленький король... Он так и остался королем или сделался барабанщиком?

И мальчишка в большом берете с лицом, очень похожим на лицо Маленького короля, с улыбкой сказал:

— Какой король? Они бывают только в сказках...

— А сейчас? — все еще недоверчиво спросил Володька.— Сейчас по правде?

И командир барабанщиков ответил:

— Сейчас — да.

Командир барабанщиков шагнул из строя и надел на Володькино плечо ремень барабана.

По широкому полю с большим отрядом друзей-барабанщиков шагает Володька, мелькают в руках его новые палочки... А над Городом сверкают серебряные петушки. И над другими городами — не сказочными — солнечное утро. Ветер треплет на мальчишках красные галстуки. Несутся над водой косые крылья парусов...

Шагает Володька в строгом отрядном строю...

И все это под песню о том, что «барабаны мы клепали не для сказки...»

ПЕСНЯ О БАРАБАНАХ

(Из фильма «Жили-были барабанщики...»)

Барабаны мы клепали не для сказки.
Мы стянули обручами их стальными.
В эту пасмурную пору черной краски
Было больше по сравненью с остальными.
Заблестели барабаны черным лаком,
Стал их марш предельно четким и коротким —
Это голос первой утренней атаки,
Это песня барабанщика Володьки!

В барабанах дремлет эхо синих шквалов,
Что над нашими носились парусами.
В гулкой памяти у них живет немало
Звонких песен, что придумали мы сами.

К ГЛАВЕ
6
ЗДРАВСТВУЙ,
ОТРЯД!

Каждый сбор начинается с линейки (вверху). На этой линейке (внизу) вручаются дипломы Нептуна: парусную практику прошел! А вот, на цветном снимке справа, познакомьтесь — коллективный автор этой книги.

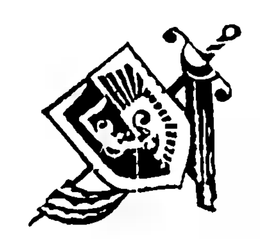

В них живут сигналы яростной тревоги,
Что срывала нас с постелей утром рано,—
Это голос нашей парусной дороги,
Это песня наших черных барабанов!

Как безжалостны декабрьские рассветы,
Серый снег засыпал дремлющие лодки,
Но опять среди зимы приходит лето
По сигналу барабанщика Володьки —
И мальчишка-ветер теплою ладошкой
Осторожно бьет по барабанной коже,
И встают в шеренгу Саня и Антошка,
Дима с Лешкою, Андрюшка и Сережа.

Что несет им ветер лета, ветер детства?
Будет день их нынче ясен и спокоен?
Или снова бой с циклоном от норд-веста?
Или вновь война со злобою людскою?
Бьется луч над загорелыми руками,
А по краю неба вновь легли туманы.
И взвели мальчишки палочки курками
Над упругой кожей черных барабанов.

...Барабаны мы клепали не для сказки.
Нам нужны они для боевого строя.
И никто не виноват, что яркой краски
В эти дни не оказалось под рукою.
Да к тому же для тревоги и для спора
Им не надо красок радужных и броских.
Вот и стали барабаны — словно порох
И суровый траур ленточек матросских...

Актеры и роли

БАРАБАНЩИКИ, МАРШ!

Эту стихотворную композицию ребята подготовили в 1975 году, когда отряд праздновал десятилетие своей юнкоровской работы. Потом эти стихи не раз звучали во время утренников и вечеров, на сборах и слетах, с экранов телевидения. И мы подумали: может быть, и сейчас композиция пригодится какому-нибудь звену или отряду при подготовке пионерского праздника.

Группа ребят в парадной пионерской форме, с барабанами, выходит на сцену. Барабанщики слегка растерянны и нервничают, стараясь не показать это зрителям.

КОМАНДИР БАРАБАНЩИКОВ. Ну вот, пожалуйста... Надо начинать, а он опаздывает. Где его носит?

ПЕРВЫЙ БАРАБАНЩИК. Может быть, без него начать?

КОМАНДИР. А как без него? Столько готовились вместе... А, вот он!

Из зала, мимо зрителей, пробегает на сцену мальчик, поменьше остальных, тоже с барабаном, но без формы. Он запыхался, встревожен. Спотыкается, неловко роняет барабан.

КОМАНДИР. Явился... Сколько можно опаздывать! А еще в барабанщики собираешься.

МАЛЬЧИК (смущенно). Я же еще не настоящий барабанщик.

КОМАНДИР (уже помягче). Пора становиться настоящим. И вообще запомни: ненастоящих барабанщиков не бывает.

МАЛЬЧИК. А как... делаются барабанщиком?

ПЕРВЫЙ БАРАБАНЩИК (сначала обращаясь к мальчику, а потом уже начиная рассказывать и зрителям)

Ну как...
Ребята, в шеренгу построясь,
Мальчишке, что взрослому ростом
по пояс,
Дают большой барабан...

(Ребята в это время помогают мальчику надеть барабан, застегнуть наплечный ремень.)

Ремень подгоняют,
Чтоб краем железным
Обод не бил по ногам,
И палочек пару вручают —
Торжественно, как наган.

ВТОРОЙ БАРАБАНЩИК

Пока над землею тревоги кружат,
Палочки эти —
тоже оружие.

ПЕРВЫЙ (второму)

Смотри,
он стоит и от робости мучится:
«А у меня получится?»

МАЛЬЧИК (с прорвавшейся тревогой)

Нет, правда, а у меня получится?

ВТОРОЙ

Не бойся, малыш, получится...
Ну, может, сначала
Ты с ритма собьешься случайно.
Но разве главное — это?
Главное — эхо,
Которое маршем своим
Разбудишь ты в чьем-то сердце.

КОМАНДИР (рассказывает мальчику)

Когда мы выходим на площадь,
Стуча по брусчатке старой,
Вглядись в людскую толщу
Вдоль каменных тротуаров —

Нас кто-то окликнуть стремится,
А кто-то, смеясь, рукоплещет.
Какие хорошие лица!
И сколько улыбок навстречу!

Наш грохот в небесную про́синь
Взлетает над головами.
Мальчишки глазами просят:
«А можно, мы вместе с вами?»

ПЕРВЫЙ

Но вдруг

среди ясных улыбок
Насупленно, узколобо —
Лицо, как бетонная глыба,
Глаза с беспокойством и злобой...

ВТОРОЙ

Вот тут — как на поле брани:
Шагай, малыш, и не бойся.
Сейчас ты своим барабаном
Чье-то взорвал спокойствие.

ПЕРВЫЙ

Смотрите, как злобно таращатся,
Как головы прячут в плечи:
«Откуда здесь барабанщики?
Им делать здесь вовсе нечего!
И как их сюда пустили?»

КОМАНДИР

«Пустили»?
А нас не пускали!

На штурмы дворцов и бастилий,
Сквозь посвист убийственной стали
Всегда мы шагали без спросу —
Стремительно и легко,—
Лишь чуть позади знаменосцев
И — впереди штыков...

ПЕРВЫЙ

Не все пожары погасли,
Не все еще битвы закончены.
И кто-то на свете счастлив,
А кто-то —
пока не очень.
И ходит над миром тревога
Кругами,
как темная птица.
Значит —
нужны барабаны.

ВТОРОЙ

А кто-то их очень боится!

МАЛЬЧИК

Кто же?

ВТОРОЙ

А те, чья совесть
Увязла в теплой сонливости.
Чья честность —
на крепком запоре,
А сытость — взамен справедливости.

КОМАНДИР

Боитесь?
Зажмите уши!
Запритесь в комнате душной
И спрячьте на всякий случай
Головы под подушки!

Но только убежища нету
От марша,
как гром говорящего.

ВСЕ

Шагают по всей планете
Красные барабанщики!

БАРАБАНЫ ИГРАЮТ СБОР

Сейчас зима. Засыпаны снегом лесные поляны, где мы разводили костры; сугробы на лагерной линейке; поземка метет по берегу, на котором спят перевернутые шлюпки и швертботы... Но мы берем пачки фотографий или включаем кинопроектор — и возвращается август. Время, когда мы все были вместе.

Как в песне из нашего старого фильма про барабанщиков:

Так безжалостны декабрьские рассветы,
Серый снег засыпал дремлющие лодки.
Но опять среди зимы приходит лето
По сигналу барабанщика Володьки...

Лето прошлого года завершилось для нас праздником. К юнкорам-уральцам приехали товарищи из Обнинска, из Калуги, из Симферополя. Жили сначала в штабе отряда «Каравелла», потом в гостях у пресс-центра «Алый парус», в одном из пионерских лагерей под Первоуральском.

Как жили? Какие были у юнкоров дела? Для чего нужна была эта встреча?

Весело жили. И не без пользы для себя и для других. Ходили под парусами по Верх-Исетскому озеру и учились морскому искусству. Работали на поле ближнего совхоза. Ездили в Кунгурскую пещеру и в музей А. С. Грина, который организовали в Первоуральске юнкоры «Алого паруса». Проводили юнкоровскую учебу и играли в индейцев. Выпускали лихую газету «Кар-рамба!» А главным нашим делом была межотрядная юнкоровская конференция.

Тема была серьезная: «Юнкоры страны и наше время».

Разговор шел горячий. Очень оживился и то и дело поднимал руку обычно молчаливый калужанин Ярослав Столярский, когда речь зашла о стенгазетах. По нескольку раз вскакивали на скамейки лагерной эстрады симферопольцы Игорь Лозовицкий и Сержик Худолей — свое мнение о юнкорах и их работе у них было четким, твердым, но так хотелось высказать подробнее. Олег Денисенко из «Соляриса» и Олег Кононов из «Алого паруса» доказывали, что если юнкор только «зеркало», то это и не юнкор вовсе. Он должен быть не только старательным и честным, но и активным, непримиримым... Дима Пыхтеев из «Каравеллы» подготовил целый доклад о праве на вмешательство и критику, но доклад этот часто перебивали: не потому, что возражали, а каждому хотелось Димку поддержать, добавить свое...

Мы перечитываем стенограмму выступлений, которую добросовестно вела капитан «Каравеллы» Наташа Гарина, и видим: говорили горячо, шумели, но... споров особых не было. Потому что вскоре выяснилось: все юнкоры по главным вопросам

придерживаются одинаковых точек зрения. Если и спорили, то, пожалуй, об одном: как эти точки зрения лучше отстаивать на практике, в повседневной юнкоровской работе. Потому что у настоящего юнкора жизнь нелегкая, она часто похожа на жизнь взрослых журналистов, а у тех профессия почти солдатская: то в походе, то в суровой разведке, то в жаркой схватке.

Все знают: юнкорам и целым юнкоровским отрядам бывает трудно. И гораздо легче работать — если вместе. И вот в конце разговора встал вопрос, который давно носился в воздухе:

— А почему юнкоровские отряды, у которых столько общего, живут отдельно? Почему видятся лишь изредка, связь поддерживают кое-как, а если и делают общие материалы,то от случая к случаю? Смотришь, возник где-то юнкоровский пресс-центр, развернули ребята прекрасные дела, а через полгода — нет пресс-центра. Не справились одни...

Юнкорам нужно объединение, чтобы в своей работе всегда быть вместе. Чтобы сразу — в разных городах — дружно откликаться на задания пионерских редакций. Чтобы держать друг друга в курсе корреспондентских дел. Обмениваться стихами и репортажами, рассказами и корреспонденциями. Регулярно встречаться. Вместе проводить рейды и операции. Помогать друг другу, если трудно.

У собравшихся отрядов очень похожие юнкоровские уставы — их основные пункты одинаковы. И вообще много похожего: даже форма, даже высокие — суворовские — барабаны. И песни у них одни и те же... Но главное — кто такие юнкоры и какая у них задача — ребята понимают одинаково. И у всех одно желание — как можно активнее участвовать во Всесоюзном пионерском марше «Всегда готов!», стараться, чтобы нигде не гасли огоньки романтики, интереса, активности. Ведь недаром XIX съезд комсомола столько внимания уделил развитию инициативы в отрядах и дружинах, воспитанию самостоятельности у пионеров...

В тот августовский день, собравшись на открытой лагерной площадке, юнкоры дружно решили: здесь ребята из пяти городов, и пусть у нас будет объединение «Звезда». И придумали эмблему: пятиконечная звездочка с чуткими антеннами на боковых крыльях.

...Потом, уже в Свердловске, была торжественная линейка. Сводный отряд барабанщиков «Звезды» дружно сыграл сигнал построения...

Мы смотрим кинохронику августа, и опять вспоминается «Песня барабанщика Володьки»:

...И мальчишка-ветер теплою ладошкой
Осторожно бьет по барабанной коже,
И встают в шеренгу Саня и Антошка,
Дима с Лешкою, Андрюшка и Сережа...

Встают барабанщики отрядов: Игорь, Славик, Ксеня, Франтишек, Гриша, Володька... Встают в шеренги юнкоровские отряды.

Из архивного трюма

МУШКЕТЕРЫ ИЗ ТРЕХ ОТРЯДОВ

Поднялся флаг, возвещая о начале итоговых соревнований по фехтованию между отрядами «Скиф», «Всадники» и «Каравелла». После жеребьевки участники разделились на три команды по шесть человек. В команде — по два человека из каждого отряда.

Во время боев, как в театре, раздавались аплодисменты: это «Всадники» приветствовали победы своих представителей. Когда выигрывали наши, мы визжали и радовались. Все зрители радовались, когда на дорожку выпрыгивал третьеклассник Вовка Шардаков и поражал одного противника за другим.

В этих предфинальных боях первые и вторые места среди «Всадников» заняли Рогов, Покрас и Шатун, а среди наших — братья Шардаковы и Зайцев. «Скиф» пробиться в финал, несмотря на все усилия, не смог.

В финальных боях нашим ребятам попались сильные противники, и всем пришлось нелегко. Саша Шардаков, блестяще сражавшийся раньше, проиграл один раз, а Вовка, шедший до этого тоже без поражений, проиграл три раза. Только Андрей Зайцев все выигрывал и выигрывал.

После пятнадцати финальных боев определились победители: первое место — Андрей Зайцев, второе — Саша Шардаков, третье — Максим Рогов. Все победители получили медали «За отличие» и дипломы первой, второй и третьей степени. Андрей, как чемпион, получил еще одну спортивную медаль — ее подарили отряду, когда мы были в Калининграде в семьдесят шестом году, ребята из пионерского лагеря «Гайдаровец», расположенного на берегу Балтийского моря.

Накануне соревнований сильно заболел Сережа Гаврин. Несмотря на это, пришел, чтобы участвовать в боях, хотя еле шевелил ногами. Он боялся, что

Мы хотим, чтобы в этих шеренгах юнкоров было как можно больше. Пусть у «Звезды» будет много-много лучей. Мы зовем в ряды юнкоровского объединения при журнале «Пионер» пресс-центры, форпосты, отряды, редколлегии и просто боевых, любящих корреспондентскую работу ребят. Всех, кто согласен с основными пунктами нашего общего юнкоровского устава:

Ночью и днем, в любое время года, в любую погоду каждый из нас готов к выполнению задания редакции, пресс-центра, отряда. Я сделаю все, чтобы выполнить задание точно и в срок.

*

Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня.

*

Я никогда не обижу того, кто меньше или слабее. Всегда буду помощником и защитником младшим товарищам.

*

Если мне когда-нибудь станет страшно, я не отступлю. Смелость — это когда человек боится и все-таки не сворачивает с правильной дороги.

*

Везде и всегда буду помнить, что состою в юнкоровском пионерском отряде, и никогда не сделаю ничего, что может подвести отряд, уронить звание юнкора.

*

Я могу поссориться с друзьями, обидеться на всех ребят, но даже в этом случае я не покину отряд в трудном деле, в важной работе или походе, потому что это — предательство.

Эти правила рождены долгим опытом, а иногда буквально «выстраданы» в таких юнкоровских отрядах с большим стажем, как «Каравелла», «Алый парус», «Солярис». Они есть и у других отрядов.

Но, разумеется, одних этих правил мало. Юнкор — прежде всего член Всесоюзной пионерской организации имени Б. И. Ленина. Главные законы для него — Законы юных пионеров. Он их должен помнить всегда — не просто так, не потому что выучил, когда вступал в пионеры, не потому что «могут спросить». А для того, чтобы они были для него руководством каждый день — во всей жизни и работе.

(Пионер, 1983, № 1)

* * *

...Отгремели барабаны торжественного сбора, и юнкоры взялись за работу. Новый учебный год, новые дела, новые заботы. Вместе с поздравительной телеграммой «Пионер» прислал юным корреспондентам «Звезды» задание: подготовить материал о наших старших друзьях, о вожатых.

не найдется замены, и хотел сражаться за отряд. Вместо него на боевую дорожку пошел Алеша Кузнецов, но судейская коллегия выдала медаль и Сергею — за самоотверженность. Такую же медаль получил самый младший участник соревнований Алеша Добрачев, который своими победами помогал товарищам в командном зачете. Перед заключительной линейкой представители отрядов поговорили и нашли несколько недочетов в организации соревнований. Но все равно это были большие соревнования и, по-моему, самые интересные и организованные за последний год. Есть смысл проводить такие еще.

Коля Боднар
(Бейдевинд, 1981, 4 апр.)

...Не всем пришлась по душе жизнь в «Звезде», не все поняли, что главное дело юнкоровских отрядов — не встречи и слеты, не барабанные марши на парадных конференциях и не песни у костра, а постоянная работа для печати: искать, писать, ставить вопросы. Рассказывать о всем хорошем и интересном. Воевать с тем, что мешает нам жить. Но время шло, и скоро в «Звезде» появились новые отряды: «Гайдаровец» из поселка Оричи в Кировской области, «Эврика» из Каменска-Уральского...

Восемьдесят четвертый год. Весенние каникулы. Опять в «Каравеллу» съехались отряды «Звезды» на рабочий сбор. А кто не смог приехать, прислали срочные донесения и материалы. Нет торжественных докладов и церемоний. В «муравейнике», среди ободранных от краски парусников (ремонт!), расположились ребята, кто где сумел. Главное — не комфорт, главное — дело! А дело вот какое.

— Товарищи! Московское издательство предлагает нам написать книгу для октябрят. Для тех, кто готовится вступать в пионеры. Книгу о том, что такое настоящий пионерский отряд и какая в нем должна быть жизнь. О том, что такое пионерский галстук и отрядный флаг, что такое товарищество, какими должны быть отрядные сборы, как пойти в поход... И главное — что такое **настоящее пионерское дело...** Ну как? Писать об этом приходилось не раз. Делом доказывать тоже приходилось... Если теперь собрать все это вместе? За двадцать пять лет «Каравелла» кое-чему научилась. Другие отряды — тоже уже не новички. Беремся? Какие есть идеи?

Идеи есть. А раз так, зачем откладывать дело? Карандаши и ручки — в руки, общую тетрадь разобрали на листы для черновиков. Приткнулись ребята, кто у подоконника, кто на палубе, кто на табурете, а кто и прямо на полу. И тихо-тихо... Побежали по бумаге первые строчки будущей книжки...

Потом еще много-много раз эти строчки будут черкать, исправлять. Будут соединять из помятых листков, исписанных разными почерками, отдельные главки и эпизоды. И снова черкать. И будет много обсуждений и споров. И, может быть, обид: столько написал, а в книжку не попало ни строчки. Всё зря...

Не зря! Каждая строка, каждая мысль поможет выяснить главное, выбрать самое важное. Из многих фраз, высказанных в разное время, написанных на множестве бумажных клочков, складывается самая нужная фраза. Недаром редакторская группа всегда сидит по уши в бумажных ворохах.

И наконец — вот она, рукопись. Перепечатанная на машинке, чистенькая, аккуратная. Называется «Здравствуй, отряд!»

БЕСЕДЫ С ТРЕТЬЕКЛАССНИКОМ АЛЕШКОЙ

Начало

...Итак, двадцать пять лет живет отряд «Каравелла». Одни ребята вырастают, на их место приходят новые. Сначала это неопытные новички, потом они становятся капитанами и «ветеранами» среди юнкоров. Пришел совсем недавно в отряд третьеклассник Алешка. Самый маленький из всех, еще с октябрятской звездочкой. Но скоро его примут в пионеры, в их третьем классе тоже появится отряд. Ходит Алешка, ждет праздничного дня, слегка волнуется. Иногда расспрашивает ребят: а почему отряд называется отрядом? А правда, что пионеры должны все дела в отряде решать сами? А чем сбор отличается от собрания?

Конечно, в школе уже рассказывали ему и другим третьеклассникам про то, что такое Всесоюзная пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина. И законы юных пионеров он выучил. И Торжественное обещание знает. И было у них «Октябрятское путешествие по стране Пионерии». Но Алешке хочется подробностей. Хочется понять: что связывает ребят в отряде вместе, как пионеры должны жить каждый день, почему отряды бывают разные — одни дружные, а другие так себе...

Сядут ребята с Алешкой в кружок, начинают ему растолковывать про разные дела. Бывает, что и сами запутаются. Потому что не всегда легко объяснить словами то, что сам чувствуешь и понимаешь. Но все-таки объясняют. Хотя в «Каравелле» мальчики и девочки из разных классов и разных школ, живет она по тем же законам, что любой пионерский отряд. К тому же и опыт кое-какой накопился за двадцать пять лет.

Но Алешка у нас один, а сколько еще третьеклассников на свете! Им тоже скоро надевать красные галстуки. Вот ребята и подумали: может быть, им тоже интересно узнать об отрядной жизни? Так и появились эти «Беседы с третьеклассником Алешкой».

Хотя легко сказать, «так и появились»! Сперва надо было записать все беседы. Обсудить их. Сделать из них заметки и рассказы. Потом придирчивая редакционная группа из старших юнкоров все написанное исправляла и «чистила». Потом обсуждали на общем сборе. Потом опять переписывали и помогали друг другу... Потом, наконец, расположили все рассказы по порядку. И вот что получилось.

Галстук

Тех, кого только что приняли в пионеры, легко узнать. Даже в холодную погоду они идут по улице с распахнутым воротом. И алые концы галстука трепещут на ветерке.

И лица у ребят счастливые такие. И гордые немножко. И каждый, кто сегодня дал Торжественное обещание, верит: с этого момента жизнь пойдет другая, более интересная, более важная, боевая.

...Но что это? Смотрите-ка, вышел из школы шестиклассник, быстро глянул по сторонам, стянул с шеи галстук, скомкал, затолкал в карман. И пошел, посвистывая.

Почему так получается? Он ведь тоже давал Торжественное обещание, слышал, что галстук пионера — частица Красного знамени, что это знак принадлежности к пионерской организации. Скажите этому мальчишке, что его следует исключить из пионеров, и он ужасно обидится: «А что я такого сделал? Я не хуже других!»

Он вроде бы и не хуже, а галстук украдкой снимает. Почему? Он, видите ли, стесняется. Ему кажется, что в пионерских галстуках ходят или маленькие ребята, или всякие там «активисты», «послушные отличники» и «подлизы».

Как быть с этим человеком? Проще всего сказать ему, что он глупый. Или еще одну воспитательную беседу провести. Но едва ли это поможет. Потому что, если разобраться, мальчишка не один виноват. Виноваты и те, кто требует от него одного: «Не снимай галстук, не нарушай дисциплину! Какой же ты пионер!» А больше... ничего не требуют.

Иногда строгие дежурные даже проверяют у школы: есть галстук — проходи, нет галстука — марш домой.

Но ведь пионерский галстук — вовсе не деталь школьной формы. Тут все дело в том, дорог он человеку или нет.

...Нашего Сережку, командира яхты «Арамис», замучила упреками председательница совета отряда:

— Почему у тебя галстук с дыркой и на концах разлохмаченный? Почему он такой выцветший? Ты что, новый купить не можешь?

— Могу.

— Вот сегодня же и купи!

— Не буду.

— Почему?

— Мне лучше, чем этот, не надо.

— Нужно было беречь!

— А я, что ли, не берег?

Он берет галстук. Но... Есть у нас отрядный киножурнал, и есть там кадры: в пенных гребнях, с крутым креном, с туго надутыми парусами мчится стая наших яхт... Поход. И Сережа на корме «Арамиса», выгнувшись от напряжения, удерживает румпель. И растрепанный галстук над его голым плечом мечется, как отчаянная птица. Как живой. В те дни и появилась отрядная песня с такими словами:

Яростно бьется над тонким плечом капитана
Солнцем сожженный и ветром исхлестанный галстук...

Именно так: выгоревший под палящими лучами, потрепанный сердитыми норд-вестами. А еще — прожженный у ночного костра. А еще — по-

рванный на субботнике, когда разгружали занозистые доски... Берег его Сережка, но что делать, если однажды пришлось поднять галстук на верхушке мачты как штормовой сигнал: бывают случаи, что красные галстуки в решительные моменты служат флагами...

Нет, не сменил Сережка свой галстук. Прогладил его еще раз, заштопал красными нитками, а новый покупать не стал... Но если бы старый галстук истрепался совсем (бывает и так) и его пришлось бы заменить, Сережка все равно дорожил бы им. Потому что новый был бы как наследник и товарищ прежнего.

И вы, наверно, уже сами догадались, что никогда Сережка не снимал украдкой свой галстук и не прятал его в карман...

И вам не захочется снимать галстук, если с ним у вас будет связана память о хорошей пионерской жизни, о смелых делах, о верных това-

рищах. И может быть... может быть, даже слегка защекочет в горле, когда придется передать этот галстук взволнованному маленькому октябренку, только что давшему Торжественное обещание.

Да, придет время, ты станешь старше, Алешка. Вступишь в комсомол. Может быть, ты и правда передашь свой галстук третьекласснику из подшефной звездочки, а может быть, сохранишь на память о детстве. Главное вот в чем: увидев галстук — свой, старенький, или другой, на ком-нибудь из младших ребят, ты с хорошей улыбкой и с гордостью вспомнишь пионерские годы. Вспомнишь, если был у тебя настоящий — дружный, неунывающий отряд.

Отряд

> ...Отряд — это когда люди не могут друг без друга, без настоящего дела.
>
> **Ира Хлебникова**
> (Из заметки в стенгазете «Атака»)

Наконец-то приняли Алешку в пионеры. Пришел он на занятия в галстуке, счастливый, и говорит:

— Теперь у нас в классе все пионеры. Теперь уже настоящий отряд.

Мы, конечно, Алешку поздравили, но командир барабанщиков Володька не удержался, сказал:

— Думаешь, если все пионеры, значит, сразу отряд получается?

— А разве нет? Ведь целый класс...

Усмехнулись старшие ребята. Они-то знают, что класс и отряд — это понятия очень разные. В класс тебя записали, чтобы ты учился. Учеба — это дело твое собственное, индивидуальное. Конечно, вместе с ребятами учиться интереснее, веселее, а иногда и легче — в случае чего помогут. Но можно учиться и одному.

В классе ты привык делать то, что тебе говорит учительница. И это правильно: она в тыщу раз лучше тебя все знает, она тебя учит, как решать, как писать, как разбираться в сложных предметах. А ты слушай и наматывай на ус, ты — ученик...

А в отряде?

Конечно, в отряде, особенно в младшем, тоже нужна помощь старших. И вожатые будут с вами, и та же учительница, если надо, посоветует, как справиться с трудным делом. Но **решать** все должны вы сами. Потому что отряд — часть пионерской организации, а организация эта — детская, то есть ваша собственная. И **самодеятельная.** То есть вы должны в ней **сами** действовать — руками работать и головой.

В отряде хозяева — вы. Теперь вы сами будете решать, за какие дела взяться в вашей пионерской жизни. Сами должны выбрать себе командиров...

— А та девочка из восьмого класса, которая с нами занималась, когда мы в пионеры готовились, сказала: «Пускай председателем совета отряда будет Света. Она отличница и очень дисциплинированная...»

Тут ребята покатились со смеху. Потому что в свое время они с такими девочками и с такими рассуждениями тоже сталкивались. Пришлось разъяснять Алешке, что очень хорошо, когда человек отличник и дисциплина у него прекрасная, только не за это выбирают в командиры. Командир должен быть энергичным, чтобы он мог увлечь хорошим делом весь отряд. Справедливым должен быть. А еще должен понимать, что один он, без отряда, ничего не сможет, надо всегда советоваться с ребятами. А еще ему нужно быть смелым, чтобы, если придется, заступиться за товарищей. А еще нехвастливым и необидчивым — если ребята скажут, что он не прав, надо не дуться, а задуматься. А еще... Да можно без конца перечислять, каким следует быть командиру. В общем, таким, чтобы ребята его уважали. И доверяли ему. И чтобы он понимал: отряд — это когда все вместе и когда у всех общее дело.

Хорошее слово «отряд», не правда ли? Не кружок там какой-нибудь, не клуб, не компания, а именно о т р я д. Вспомните, сколько песен есть с этим словом:

«Шел отряд по берегу...»

«Вперед продвигались отряды спартаковцев — смелых бойцов...»

«Партизанские отряды занимали города...»

«Горною кручей на бой неминучий красный отряд идет...»

«Идут отряды красные — горластые, вихрастые...»

Эта последняя строчка — совсем про нас. И ничего, что «горластые и вихрастые», а не тихие и причесанные. Главное, что боевые и дружные. Умеющие делать хорошие дела. Неунывающие.

Из далеких времен революции, красных конников, яростных сабельных боев пришло к нам это слово. Досталось по наследству от красногвардейцев, революционных матросов, партизан, отважных бойцов за Советскую власть. И недаром: наша пионерская организация — коммунистическая.

Значит, отряд — это не просто тридцать или сорок ребят, у которых один вожатый и которые выбрали себе командира. Отряд — это когда у всех одна цель и когда вы шагаете к этой цели дружно. Когда все — т о в а р и щ и.

Товарищи

...Жил, играл, книжки читал и думал, что у меня все хорошо, лучше некуда. Потом пришел в отряд... И оказалось, что еще лучше. С настоящими товарищами — лучше в сто раз!

Митя Кононов
(Из рассказа в ребячьем журнале «Синий краб»)

В отряде «Каравелла» новички не сразу становятся полноправными членами своего экипажа и получают нашивку с якорем. Сначала они — кандидаты. Ребята неназойливо, но внимательно приглядываются: что за люди, не подведут ли? Потом совет отряда решает, кому закрыть кандидатский стаж, а с кем подождать.

...В сентябре пришли к нам два пятиклассника — из одной школы, из одного класса. Приятели. Месяц прошел, совет обсуждает:

— Ну что, можно закончить кандидатский стаж Павлику и Витьке?

— Можно. Работают вроде бы нормально, задания выполняют...

И вдруг Лариска Коробицына, один из главных командиров «Каравеллы» (она с четвертого класса в отряде, а теперь уже комсомолка), говорит:

— С Витей надо бы подождать, ребята...

Переглянулись наши капитаны и штурманы: чем пятиклассник Витька не понравился Лариске?

— Я вчера в их группе была на занятиях по фехтованию. Новичок Ильюшка к Вите подошел, попросил помочь защитный жилет застегнуть, а тот говорит: «Да ну тебя, некогда мне. Попроси кого другого...»

Опять переглянулись ребята. И... ни один не поднял руку, чтобы проголосовать за Витьку.

Когда Витька про это узнал, он, конечно, очень огорчился. И удивился:

— Подумаешь! К такому пустяку придрались!

— Из таких пустяков иногда характер складывается,— сказали ему.

— При чем здесь характер? А если этот Ильюшка мне не нравится!

Ребята усмехнулись. И два шестиклассника — Валерка и Андрей — тоже усмехнулись. У Валерки на скуле был синяк.

Дело в том, что Валерке очень не нравился Андрей. Спорили они часто, считали друг друга болтунами, выскочками и очень неважными матросами. Даже просили развести их по разным экипажам. Но вчера на улице увидел Валерка, что Андрея поймали на углу двое незнакомых мальчишек. Один держит Андрюшку за руки, а второй пытается содрать с рукава якорь...

В общем, хоть и здоровые были парни, а бежали они от Валерки и Андрея очень быстро. Бежали после короткого боя с двумя товарищами, которые умеют постоять друг за друга.

Хорошо бы, конечно, рассказать, что после этого случая Валерка и Андрей стали друзьями. Но это была бы неправда. Не стали. Попрежнему спорили и друг друга недолюбливали. Что поделаешь: разные бывают люди, часто случается, что один другому не нравится. Не каждый может стать твоим другом, с которым все в жизни пополам — и счастье, и горести — и которому можно любую тайну открыть, любую мечту доверить. Но т о в а р и щ а м и в отряде должны быть все. Потому что товарищ — это такой человек, с которым у тебя общая работа, общая цель. И на которого можешь положиться в трудную минуту. Может быть, он и не друг твой, но тащить тяжелый рюкзак в утомительном походе поможет. В опасности не струсит, выручит. Одного тебя в тяжелой работе не оставит. И если ты несправедливо обижен — он заступится. Потому что т о в а р и щ е с т в о нужно и тебе,

и ему, и всему отряду. Хорошо стоять в строю, чувствуя, что рядом надежные люди. Хорошо жить на свете, когда знаешь: есть у тебя верные товарищи, в любом хорошем деле поддержат. И замечательный будет у вас в классе, Алешка, отряд, когда вы все станете товарищами.

А как это сделать?

Прежде всего старайся быть хорошим товарищем сам.

Звено

Обычно пионерский отряд создается из учеников одного класса. Не всегда, но чаще всего именно так. Тут уж товарищей выбирать не приходится, они — твои одноклассники. А вот звено — это другое дело. Здесь можно собраться тем, кто друг другу больше нравится. Хорошо, когда в одном звене оказываются давние друзья. Хорошо, когда вместе те, у кого одинаковые увлечения.

Сами ребята должны решать, кто в каком звене будет. Кому с кем интересно. Потому что звено — это такая частичка пионерской организации, где ребята каждый день вместе. Вместе модель мастерят, вместе идут помогать ветерану войны, вместе малышам снежную горку строят... Вместе в кино бегут или сидят у кого-нибудь дома и читают вслух хорошую книжку.

Конечно, кто-нибудь может возразить:

— А у нас не так. Нам вожатая Галя из восьмого «А» велела, чтобы в каждом звене было пополам мальчиков и девочек...

— А нам сказали, что звенья надо делать, кто где сидит, по рядам...

Неправильно вам сказали. Соединяйтесь в пионерские звенья кто как хочет. Может быть, не сразу это получится, будут споры и шум. Мы это по себе знаем. Когда нам приходится разбиваться на звенья — экипажи парусных яхт, тоже сперва крик стоит на сборе. Один раз даже записали такой сбор на магнитофон, а через несколько дней прокрутили. Вот смеху было! Зато потом никто уже не жаловался. Потому что, если звено собралось удачное, по желанию и дружеским связям, любое дело в нем пойдет хорошо: и на субботнике работать станут дружно, и стенгазету выпускать, и... да мало ли дел у звена! И все надо делать так, чтобы от других звеньев не отстать, а еще лучше — обогнать их.

Потому что в отряде между звеньями всегда есть соревнование.

Соревнование

Каждому звену хочется быть в отряде первым. Хочется больше других собрать макулатуры и железного лома, хочется придумать какое-то дело поинтереснее, чем у других. Победить в отрядной спартакиаде тоже хочется. И быть первыми в учебе. (Хотя если только в учебе, то что это за звено!)

Будут, наверно, и у третьеклассников, Алешкиных товарищей, такие соревнования. Только послушай, Алешка, вот что. Не всякая победа в соревновании хороша.

...В прошлом году в дни парусной регаты флотилии «Каравелла» свистел штормовой ветер. Девять яхт мчались по озеру среди пены и брызг. Изо всех сил тянули шкоты матросы. Изо всех сил вцепились в румпели капитаны. И вдруг румпель у капитана Саньки на яхте «Полюс» хрустнул и обломился. Вильнула яхта и легла парусами на волны. И экипаж — в воде. При такой штормяге маленьким матросам яхту не выпрямить и руль не починить. Издалека помчался к терпящим бедствие дежурный катер. Но еще раньше свернули с дистанции к «Полюсу» две ближние яхты.

— Эй, Санька, что у вас?

— Давайте к нам на борт, а «Полюс» мы на буксир!

Могли бы мчаться к финишу, могли выиграть гонку, а «Полюсом» пусть займутся спасатели. Но вдруг спасатели запоздают? Кому нужна победа, если у товарищей беда?

...Ну ладно, это случай редкий. А вот другой, попроще. Собирают ребята металлолом, тащит звено добычу — старые кровати, тяжелые дырявые корыта, кусок ржавого рельса. И вдруг видят: другое звено пытается выдернуть из земли непонятную громоздкую железяку.

— Эй, ребята, помогите!

Конечно, можно крикнуть: «Сами выкапывайте, это ваша добыча! У нас соревнование!» Можно дотащить до школьного двора свой металл и радостно завопить: «Ура, мы первые! У нас больше всех!»

Что, не крикнете? Остановитесь и возьметесь за железяку: «Тянем-потянем...»? Наверно, так и будет. Вы же понимаете, что победа в соревновании — это замечательно, но все же она — не самое главное. А главное — чтобы для мартенов было как можно больше сырья. Неважно, в конце концов, чье звено или чей отряд собрал лишнюю тонну. Важно, что все вместе собрали много.

Хотя, конечно, победителем быть приятно. Заслуженной победой всегда можно гордиться. Только победа должна быть совершенно честной. Чтобы не пострадала ничья честь.

Честь

Человек, у которого есть честь, никогда не пройдет равнодушно мимо несправедливости...

Андрюша Нахратов
(Из заметки в стенгазете «Барабанщики»)

Однажды мы прочитали в газете, как в какую-то школьную команду для соревнований «Золотая шайба» записали несколько ребят из другой школы. Потому что они были хорошими спортсменами. Дело это обнаружилось, и, конечно, команду с соревнований выставили.

— Во, бестолковый народ! — удивился наш редактор стенгазеты Максимка.— Куда смотрели-то?

— Кто?

— Да все остальные ребята! Они же знали, что к ним чужих записывают!

Кто-то из новичков заступился:

— Они не виноваты. Они о чести школы заботились.

Ох и шум поднялся! Бедный новичок только моргал и головой крутил. А когда приутихли, Максимка пренебрежительно сморщил нос и сказал:

— О «чести»! Какая же здесь честь, если обман? **Честь** надо **честно** зарабатывать.

И в тот зимний вечер в отрядной кают-компании мы долго еще разговаривали: что такое вообще честь? Что такое честь школы, дружины, отряда, спортивной команды? Иногда спорили, но в общем-то все согласились с Максимкой: честь — это когда живешь честно.

Честь отряда — это когда ты отрядом гордишься. Товарищами гордишься, делами отрядными. Когда хочешь, чтобы отряд был впереди других, только добиваться этого надо справедливо, «по чести», как говорили в старину. Честь — это когда не даешь отряд в обиду и стараешься никогда не подвести его.

Но так бывает тогда, когда тебе хорошо с товарищами, когда отряд тебе дорог.

А бывает и наоборот!

Вот такая картинка: урок закончился, все портфели похватали — и к дверям. А в дверях — председательница Лилька Бобыхина:

— Вы куда! Сбор отряда будет, Анна Николаевна велела!

— Опя-ать сбор! Снова про дисциплину!

— А тебе, Петька, не нравится про дисциплину? Потому что лодырь ты и двоечник, зря тебя в пионеры приняли!.. Куда лезешь! Я скажу Анне Николаевне, мы тебе в характеристику запишем, что ты за честь отряда не болеешь! У, нахал, Петух горластый!..

И не понимает эта Лилька, что честь угрозами не воспитаешь. И обидными словами не воспитаешь. Никакой чести у отряда не будет, если здесь не уважают друг друга — не берегут личную честь каждого.

Ведь у каждого человека — и у взрослого, и у еще не очень взрослого есть своя честь. Свое достоинство. Обижать их нельзя. Если с тобой в отряде не хотят разговаривать по-хорошему, а только грозят, если не стараются понять, а только обвиняют, что такой-сякой,— разве ты будешь любить отряд? Если тебе надо в детский сад за братишкой, а тебя не хотят отпустить с затянувшегося сбора и говорят, что не думаешь о «чести коллектива» и «личное ставишь выше общественного», разве ты поверишь разговорам о доброте и чуткости, которые, заглядывая в бумажку, ведет на этом сборе Лилька Бобыхина?

А если тебя и по имени не называют, а только «Петух» или «Тяпа», станешь ты гордиться такими товарищами?

Отряд будет отрядом, когда все станут беречь честь друг друга, относиться к каждому с уважением.

— Здесь так получается,— сказал Максимка.— Обидишь кого-то другого, а выходит, что плохо сделал для себя, для своей собственной чести. Верно?

Верно. Потому что поступил несправедливо. А человек, у которого есть честь, всегда живет по справедливости: не терпит вранья, не дает в обиду слабых, от трудной работы не увиливает. Если надо — спорит, за правду воюет. То есть он честный перед другими и перед собой.

Честное слово пионера

В один прекрасный летний день в штаб отряда пришла сердитая тетя. Она кричала, что в отряде все хулиганы и разбойники. И что один из этих разбойников недавно залез к ней в сад и обломал всю малину.

Тетю попытались успокоить и спросили: почему она думает на ребят из отряда?

— Потому что рубашка такая же, как вы носите! Синяя, и пуговицы блестящие!

Тете сказали, что такие рубашки носят многие.

— Носят многие, а хулиганите вы! Вот он лазил, я его запомнила! — она ткнула пальцем в Альку.

Алька — первый знаменосец отряда — засмеялся и сказал, что тете приснилось. Та закричала еще громче. Тогда Алька стал серьезным.

— Ребята, чего это она?.. Да я и близко к ее саду не подходил, честное пионерское.

И с грозной тетей перестали спорить. Сказал же человек! Что еще нужно?

Хозяйка сада пригрозила милицией и хлопнула дверью. Алька пожал плечами и пошел чинить велосипед. Про малину никто больше не говорил.

...Через много лет, когда Алька отслужил в армии и уже работал в милиции, в отряде собрались ветераны. Те, кто были мальчишками и девчонками в шестидесятых годах. Вспоминали, конечно, костры, походы, игры и всякие забавные приключения. Вредную соседку, которая не раз жаловалась на ребят, тоже вспомнили.

Кто-то спросил со смехом:

— Алька, а скажи по правде: может, ты и в самом деле провел тогда разведочку в ее малиннике?

Старшина Алексей слегка побледнел, насупился и стал похож на обиженного мальчишку, на прежнего Альку.

— Вы что, с ума посходили? Я же тогда честное пионерское дал!

— Да ты не сердись! Мы ведь уже не помним подробностей.

— Зато я помню.

...Через несколько дней после встречи Алексей ехал по ночным улицам на милицейской машине вдвоем с шофером. В проеме глубокой калитки промелькнула смутная фигура притаившегося человека. А над плечом у него — то ли палка, то ли... ствол?

— Дальше поедешь один,— сказал Алексей молодому водителю.— Я пройдусь...

Он вернулся в переулок, бесшумно прошел вдоль забора к калитке. Человек метнулся! Алексей — наперерез!.. Одной рукой — за грудь, другой за холодную сталь ствола! Бросок!

В оружии у задержанного оказалась полная обойма. Подумать страшно, сколько жизней могли бы погубить смертельные заряды...

На следующий день Алька совсем по-мальчишечьи хвастался гипсом на руке. Так же, как в детстве хвалился «боевыми» ссадинами на локтях и коленках. Преступник во время схватки успел до кости прокусить ему палец.

— Бюллетень дали,— смеялся Алька.— Отдохну с недельку, книжки почитаю. Красота...

Про книжки говорил, про палец. А про то, что чувствует человек, когда в упор смотрит на него начиненный пулями ствол — ни словечка. Чего тут говорить? Он уже в детстве все сказал, когда дал себе слово, что будет бороться со всяким злом на свете...

В детстве и во взрослой жизни бывает всякое. Не всегда удается сделать задуманное, не всегда хватает смелости и умения. Но человек, у которого есть честь, старается быть верным своему слову каждый день. Изо всех сил.

Алешка, ты тоже дал честное слово быть настоящим человеком. Это слово называется «Торжественное обещание юного пионера». Это слово не только для детства, оно на всю жизнь...

«Всегда готовы!»

Дали Алешке рапиру и маску дали. Вышел он на фехтовальную дорожку.

— К бою готовы? — спрашивает инструктор Дима.

— Всегда готовы! — весело закричал из-под маски Алешка.

Мы не стали его ругать, нельзя нервировать человека перед боем. Но когда он передал рапиру другому, спросили:

— Ты чего такими словами разбрасываешься?!

— Какими словами? — искренне удивился Алешка.

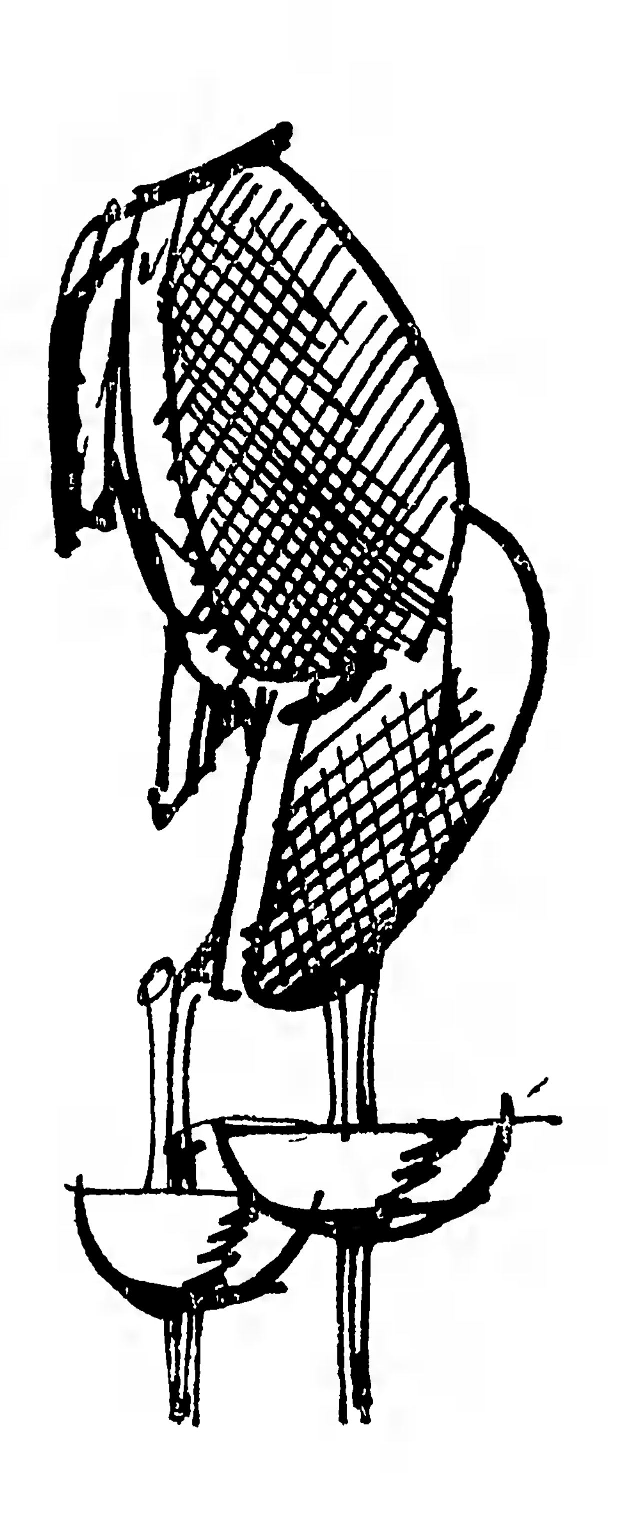
Подошли новички. Прислушались.

— Ну что к человеку пристали! — буркнул один.— И ничего такого он не сказал.

Ах так?! Ну, пока Алешка в октябрятах ходил, еще простительно было не совсем понимать, что отзыв «Всегда готов!» — не игрушка. Но пионеру!..

Беммм! — прозвенела рында. По сигналу срочного сбора сбежалась в кают-компанию младшая группа.

— Занятие по морскому делу у новичков сегодня отменяется,— объявил инструктор Сергей.— Вместо него получайте срочное корреспондентское задание: напишите, что означает, по-вашему, пионерский от-

зыв «Всегда готов!» и как вы представляете эту готовность. Да не забудьте примеры из жизни!

Ребята быстро уселись за столы, нацелили ручки в чистые листы и деловито засопели.

«Это значит, что в любую погоду ты должен быть готов к выполнению пионерского задания»,— пишет Игорь, поглядывая на замерзшее окно.

«Некоторые, наверно, думают, что эти слова произносятся просто так. Нет! Нет! Нет!» — словно шашкой, врубает восклицательные знаки Денис.

— Эх, не могу вспомнить случай из жизни,— шепчет кто-то.

А зачем вспоминать? Вот он, рядом, конкретный пример. Это сами наши новички. Всегда ли они готовы к выполнению пионерских заданий? Да, всегда — показало дело, когда они в ту же минуту принялись писать, выхватив из пеналов ручки, словно из ножен клинки.

Но бывает и по-другому. Лена приводит совершенно обратный пример: «Пионерский сбор в седьмом классе. Учительница взывает к спокойствию. Спрашивает: «Кто в редакции?» Поднимается одна девочка. «И всё? В прошлом году, мне помнится, мы выбирали редколлегию из пяти человек. Мальчики, что же вы?» Тишина... Мальчики сидят с невинными лицами и смотрят в окно. А ведь когда-то они давали торжественное обещание и клялись быть всегда готовыми...»

«Люди! — призывает Лена.— Когда обещаете быть всегда готовыми, подумайте над этими словами. Этой клятвой вы принимаете на себя огромные обязанности».

«Всегда готов!» — как «Честное пионерское!» — обязывает сдержать слово. Как бы трудно при этом тебе ни приходилось.

Андрей рассказал об одном пионере, который захотел стать тимуровцем. Начал ходить к старичку — ветерану войны, помогать ему по дому. И вдруг резко похолодало. Мальчишка испугался мороза и к своему подшефному старичку не пошел. А тот, приболев, не смог выйти из дома и остался целый день без хлеба.

— Ну и герой! — зашумели ребята.— Мы бы этому «тимуровцу»...

Конечно, хотя и стоило бы тому трусишке по шее накостылять, кулаки все же не метод воспитания. Но бывают случаи, что и кулаки нужны — чтобы защитить слабого, заступиться за справедливость.

Наш новичок Сергей шел однажды из школы с товарищем. Во дворе они увидели, как трое шестиклассников отбирают деньги у малыша. «Мы бросились к ним,— рассказывает Сергей.— Завязалась драка. Нам, конечно, попало, ведь их было трое... Мне стало стыдно, что такие гады носят красный галстук...»

На Сережин пионерский галстук из разбитой губы капнула кровь. Он хотел ее тут же стереть. Но подумал: «Ничего, пусть останется, эта капелька тоже пролита за хорошее дело».

— А я,— признался Миша,— не заступился за маленьких, когда увидел, что их бьет хулиган Самохин. Меня опередил мой друг Саша. Он прогнал хулигана. Я думаю, что я не выполнил свой долг перед галстуком...

И все же у Миши достало смелости, чтобы осудить свой проступок. Значит, в следующий раз он будет готов первым ринуться на помощь.

Миша еще рассказал о своем друге Игоре Савватееве, который бросился в холодную воду, чтобы спасти уплывающего на льдине маленького Саньку...

— Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы! — этот боевой призыв не только к смелым поступкам зовет, но и к постоянной работе. Коммунисты руководят строительством новой жизни, борются за мир во всем мире, делают все, чтобы люди на Земле стали жить счастливо и справедливо. Ты дал обещание, что будешь помогать взрослым бороться за такую жизнь.

Умеешь ты это? Денис написал в своем листке: «Всегда готов!» — это значит, что ты готов к работе, к разным хорошим делам, к учебе, готов помочь знакомому и незнакомому человеку». Он прав. Если ты готов — не отлынивай от труда, которым заняты товарищи в отряде, в школе, в лагере, во дворе. Если готов — не прячься за угол, когда зовут на помощь. Если готов — не пищи и не жалуйся, когда стало трудно. И самое главное — ты должен быть готовым не так, как в спортивном бою на фехтовальной дорожке, не на несколько минут. Ты должен быть готовым всегда.

...Когда мы прочитали заметки новичков Алешке, он подумал и вдруг сказал:

— Получается, слова «Всегда готов!» — вроде устного пионерского галстука. Их тоже надо беречь.

Мы с ним согласились.

Флаг

...Может, я и не так стою, как тебе нравится. Но я стою. И пусть меня кто-нибудь попробует убрать от флага, пока не пришла смена...

(Ответ двенадцатилетнего капитана Саньки одной придирчивой восьмикласснице)

Ты дал Торжественное обещание. Тебе и твоим одноклассникам повязали красные галстуки. Все это перед знаменем пионерской дружины. Потом вашему отряду вручили флаг. Он — тоже маленькое знамя. Отрядное.

Что такое знамя, вам, конечно, рассказывали. Вы знаете, что людям случалось и жизнь отдавать за знамя. Потому что это не просто лоскут материи определенных цветов и с разными эмблемами. Это символ достоинства, символ объединения и силы. Это гордость и честь страны, полка, корабля, дружины. И вашего отряда.

На вашем флаге — красный цвет революции. Вы это тоже, конечно, знаете.

...Вот идет по лесу отряд. Конец трудного похода, лесная поляна, привал. Кто-то скинул рюкзак и тут же сам повалился рядом на траву. Кто-то снимает с пояса фляжку. Кто-то растирает гудящие ноги. Но посреди поляны с размаху воткнуто в землю древко с отрядным флагом. И замер с ним рядом часовой.

Флаг есть флаг. Пост есть пост. Долг есть долг.

И, глядя на флаг и строгого часового, встал с травы один мальчишка, пошел за сучьями для костра. Двое других раскатали тюк с палат-

кой. Дежурные зазвенели посудой... Флаг — на месте, значит, все должно быть, как в отряде. Отряд — не компания дачников. Ну-ка, подтянулись! Не раскисать!..

Хорошо, когда флаг всюду с отрядом: и на параде, и на трудном субботнике, и в военной игре, и в дальнем походе. И ничего, что слегка потреплется и выгорит, зато свой, родной.

Но скажите честно: разве не бывает наоборот?

Вот идет подготовка к смотру строя и песни, влетает в класс вожатая Галя из восьмого «А».

— Ребята, кто у вас флаговый? Как — не выбирали? Ладно, вот ты будешь! Что значит некогда? Тебе честь отряда не дорога? Иди в пионерскую комнату, возьми флажок и марш на репетицию!

А в пионерской комнате у стойки для флагов столпотворение:

— Куда тянешь, это не ваш флаг!

— А наш где? Здесь пустое гнездо!

— Галя сказала, кому не хватает пионерских флагов, можно пока октябрятские флажки взять!

— А пыли-то сколько...

Нет, как бы ни хвалили отряд на советах дружины, не поверим мы, что он настоящий, если так в нем относятся к своему флагу.

...Как-то раз такая «вожатая Галя» пришла к нам в «Каравеллу» с другими строгими девочками.

— Мы хотим посмотреть, как вы живете и чем занимаетесь.

А занимались мы как раз ремонтом наших парусников — делом шумным, пыльным, но необходимым. Стук, гром, дым от горячей олифы. Кто-то борта шпаклюет, кто-то гвозди вбивает, кто-то дрелью жужжит, кто-то кистью машет. И лишь один человек стоит неподвижно: часовой у поднятого на мачту отрядного флага.

Походили девочки, посмотрели, а потом строгая Галя говорит:

— Да, интересно у вас... Только часовой стоит неправильно. Не в такой стойке, как полагается... У нас недавно смотр знаменных групп был, там за неправильную стойку очки снижали.

Переглянулись ребята. Как стоять «по правилам», оказывается, никто не знает. Глянули на часового — держится прямо, плечи развернуты, ладони — на старинной тяжелой рукояти шпаги (мы нашли ее там, где когда-то стояла крепость петровских времен, и по давней традиции пост у флага у нас всегда с оружием).

Хмурый Андрюшка ответил не очень ласково:

— Был я на том смотре. Стояли там и шагали красиво, а потом флаги поставляли по углам и позабыли про них...

А маленький командир парусника «Горизонт» Санька, который только что сменился с поста, глянул на Галю очень серьезно и сказал слова, которые вы прочитали в начале этого рассказа...

Сигнал горниста

Он учил сигналы без лени,
Он играл «подъем» и «тревогу»,
Но один сигнал — «отступление» —
Разучить ни за что не смог он...

Валерка Латышев
(Из стихотворения «Про трубача»)

К нам часто приходят разные гости. Вожатые приезжают из многих городов, школьники, студенты — бойцы педагогических отрядов. Обычно это люди хорошие и жизнерадостные. Вместе с нами хохочут, когда смотрят веселые отрядные фильмы. Вместе с нами драят яхты, если у нас ремонт. Но бывают иногда и такие посетители — вроде «строгой Гали».

Однажды такая суровая девочка спросила нас «проверяющим голосом»:

— А теперь скажите, какие у вас ритуалы и как вы относитесь к атрибутике?

— Чего-чего? — проговорил командир барабанщиков Володька и простодушно заморгал.

— Вы что? Даже не знаете, что это такое?

— Не-а,— сказал коварный Володька. И широко раскрыл наивные глаза. И сел поудобнее, обняв потрепанный в походах барабан.

Девочка обстоятельно объяснила, что ритуалами называются торжественные сборы, линейки, подъем флага и другие дела, где все строго и красиво. А «атрибутика» — это знамена, флаги, горны, барабаны, фанфары и так далее.

Ребята сидели с вежливыми лицами и старались не засмеяться. Они всё это давно знали. Но у нас не терпят скучных казенных слов. Это наш-то истрепанный ветрами боевой мачтовый флаг — атрибутика? И высокие «суворовские» барабаны, которые мальчишки мастерили сами, гнули тугую фанеру, обдирая пальцы и царапая ладони? И золотая труба сигналиста?

...Пионерский горн — красивая и очень нужная вещь. Конечно, не всегда его используют как надо. Случается, что идет по тротуару нестройной толпой отряд, а горнист хрипло тутукает. Это зря. Сигнальная труба — не оркестровый инструмент, марш на ней как следует не сыграешь. Зато как здорово в пионерском лагере вскакивать с кроватей, когда ваш ловкий и умелый горнист на крыльце играет веселый сигнал «подъем»! И звездочки солнца разлетаются с его горна.

А бывают у горнистов и другие сигналы — тревожные...

У нас в комнате, где хранятся знамена, висит большой старый снимок. На нем берег озера, светлая вода, черные высокие сосны...

На бугорке среди сосен — тоненький силуэт горниста. Это наш Коля Дедушкин в палаточном лагере. Он играет сигнал отбоя:

День отшумел,
Спать по палаткам,
Спокойной ночи...

Но спокойной ночи не получилось. Когда уже догорел костер и были допеты песни, когда утихли в палатках разговоры и «страшные истории», из темных кустов поднялась шеренга парней и прыжками, с подвыванием двинулась к лагерю. Это какой-то хулиганской компании захотелось устроить «ночной налет на пионерчиков».

Только недолго они прыгали. Отчаянно врезался в воздух частый и прерывистый сигнал дежурного горниста: «Тревога!» (А на вахте был как раз Колька.) Грохнули сигнальные пистолеты, взмыла над соснами красная ракета. В несколько секунд перед палатками встала цепь мальчишек, и в глаза «налетчикам» ударили электрические огни.

Хулиганы побежали. Молча. Так же молча их преследовал отряд. Только дыхание слышалось да ветки трещали. Потом кто-то из убегавших тонко и отчаянно заверещал. На этом все и кончилось. Наши ребята остановились и засмеялись...

После этого долго никто не ложился, опять зажгли костер и вспоминали всякие подробности недавнего приключения. Кто-то спросил:

— А чего этот длинный так орал, будто его подстрелили?

Маленький Игорек гордо сказал:

— А я ему по шее печеной картошкой попал. Он думал, наверно, что это граната.

И все расхохотались.

Только горнист Коля Дедушкин был серьезный. При свете пламени он выгибал на колене венчик сигнальной трубы. Так получилось: «атрибутику» надо, конечно, беречь, но если враг наскакивает вплотную — горн тоже оружие...

Барабаны и барабанщики

Как бы крепко ни спали мы,
Нам подниматься первыми...

(Из отрядной песни о барабанщиках)

Маршировать под горн трудно, а под барабан — пожалуйста.

Наверное, многие видели, как шеренги ловких подтянутых барабанщиков открывают парады. И такой зовущий марш — строгий и веселый одновременно — летит у них из-под палочек, что каждому хочется зашагать вместе с ними...

Но не надо думать, что у барабанщиков легкая жизнь.

...Накануне, в день генеральной репетиции спортивного парада, посвященного Дню Победы, погода стояла очень теплая. Да и на следующее утро она радовала — небо синее, солнце ясное. Но пока ребята собирались, пока строились, наползли серые облака, дохнул северный ветер — зябкий и режущий. А барабанщики «Каравеллы», которые должны идти впереди колонны юных моряков,— в летней форме.

Ну, попрыгали, поежились, посмеялись и успокоили себя, что холод — это так, минутная шутка майской погоды. Но «шутка» затягивалась. Небо покрылось хмурой пеленой, посыпался дождик, а среди капель — снежные крупинки...

На параде шагаешь несколько минут, а ждешь своей очереди, бывает, не один час. Потому что впереди множество других колонн.

Там хорошо, на площади: празднично гремит духовой оркестр, полощут яркие флаги, идти в строю, бодро взмахивая руками, совсем не холодно. А за площадью, в переулке, ждет теплый автобус. Но когда это еще будет!

Командир колонны сказал вожатому:

— Распусти мальчишек, а? Застынут...

Вожатый вздохнул и согласился.

Зато не согласились барабанщики.

— По домам? Еще чего! — возмутился их командир Максимка. Он пританцовывал и прятал под мышками озябшие ладони. Его приятель Павлик сидел на корточках и жарко дышал на окоченевшие коленки. Он поднял сердитые глаза:

— Сколько готовились, а теперь убегать?

Алеша и Витя, которые играли в «петушиный бой», подскакали поближе и тоже заявили, что никуда не пойдут.

— Прикажем — и пойдете,— хмуро проговорил озабоченный вожатый и поглядел в небо.

— А мы вас на совет вызовем! — заявил Максимка.— Дело срываете!

У нас в отряде любой человек может вызвать на совет кого угодно. Самый маленький — самого большого. И может сказать: отвечай за несправедливость. Но, конечно, вожатый и его помощники-инструкторы испугались не совета. Они понимали, какое важное дело этот парад. Они знали: барабанщики спорят не потому, что им хочется покрасоваться перед зрителями. Просто они — барабанщики. Первая шеренга. Идти впереди — их долг. И сегодня, в День Победы, они добавят празднику капельку торжества и гордости. На площади, на трибуне, стоят старые солдаты, ветераны, которые громили фашистов, брали Берлин. Эти люди должны знать: нынешние ребята — народ стойкий и, если придется, выдержат беды и трудности, не испугаются опасностей...

Подскочили еще барабанщики, подняли такой возмущенный крик, что и вожатому, и им самим стало жарко... И тут раздалась команда: строиться!

— Ура-а!!

Когда вышли на мост перед площадью, восемь барабанщиков так грянули свой «Марш-атаку», что оркестр примолк и подхватил ритм только через полминуты.

Однажды в отряде у нас вышел спор. Все с той же вожатой Галей из соседней школы. Она пожаловалась:

— Не могу понять наших мальчиков! Сперва столько народу записалось в школу горнистов и барабанщиков, а теперь туда никого не загонишь, прогуливают занятия.

— А чем они там занимаются? — спросил Володька — наш нынешний командир барабанщиков.

— Как чем? Сигналы разучивают, марши...

— А где они их потом играют?

— Ну... на сборе дружины. На смотре...

— Раз в году,— усмехнулся Володька.— А в остальное время горны и барабаны на тумбочке красуются и к ним не подходи.

— А что, по-твоему, барабаны — это игрушка? — возмутилась Галя.— К ним надо относиться с уважением!

— Уважение всякое бывает,— сказала Анюта, инструктор «Каравеллы».— Недавно я была в одном отряде барабанщиков. Это четвероклассники. Боевые такие ребята, разговорчивые. Они мне хитрый вопрос задали: «Анюта, вот если ты идешь мимо пионерской комнаты и вдруг видишь — тумбочка с барабанами горит. Что ты будешь делать?» Ну, я глаза вытаращила: «Неужели думаете, что не попытаюсь спасти?» А они даже затанцевали от радости: вот так подловили! «А вот и нет! — кричат.— Ты не можешь! Человек без пионерского галстука не имеет права брать барабан!»

Наши ребята смотрели друг на друга и не знали: то ли возмущаться, то ли смеяться? Надо же, до чего доходят любители правил! Это, наверно, им такая «вожатая Галя» так разъяснила.

И вспомнили ребята давний случай, когда отряд располагался в доме на краю леса.

Шел тогда с речки домой барабанщик Валерка (который сейчас уже не Валерка, а военный человек, лейтенант, служит в пожарных войсках). Идет он и видит: у березняка по сухой траве ползет сизый дымок. На Валерке не то что галстука, а вообще ничего, кроме мокрых от купанья трусиков, не было, потому что день стоял жаркий, а речка в двух шагах. Валерка плечом толкнул раму в отрядном полуподвале, выхватил из штабной комнаты барабан и грянул тревогу. А когда из соседних подъездов повыскакивали ребята, он кинулся к березкам и начал давить барабаном в траве язычки предательского огня...

— Главное все-таки — не барабаны, а барабанщики,— сказал Володька. Хотя свой барабан он очень любит. Его подарили Володьке крымские пионеры, которые приезжали к нам летом на слет юнкоров. Володька бережет свой барабан — большой, гулкий, веселый. И грустит, что скоро надо передавать его кому-то из младших ребят. Такому, как Алешка. Потому что Володька уже вырос, а в барабанщиках у нас пионеры помладше.

Приходит время, старшие ребята уступают тем, кто поменьше, барабаны и свое место в первых шеренгах. Но треугольные нашивки со скрещенными палочками они не снимают с рукавов форменных рубашек. Каждый, кто был барабанщиком, навсегда остался им в душе.

Главное все-таки не барабаны, а барабанщики. И действительно, им часто приходится подниматься первыми, когда отряд ждут трудные дела.

Поход

Мы открываем в походе себя и
друг друга.
Это, пожалуй, важней неоткрытых
планет.

(Из отрядной песни)

Что за пионерская жизнь без походов? Без палаток, без костров, без ночных дежурств, без запутанного маршрута в лесной чаще?

Конечно, Алешкиному отряду тоже захочется в поход. И, конечно, сначала взрослые испугаются: ах, зачем это? Вдруг что-нибудь случится! Вы еще маленькие!

А пионеры — это уже не маленькие.

Но, чтобы мамы, бабушки и учительница не волновались, в поход надо идти со взрослыми. Только это должны быть такие взрослые, которые не будут все время говорить: «Не отходи — потеряешься, не суйся к воде — утонешь, не лезь в кусты — исцарапаешься». Они должны научить вас разжигать костер, ставить палатки, варить походные обеды, укладывать рюкзак, не бояться ночной темноты и скверной погоды...

Может быть, вы скажете: «А где мы возьмем такого взрослого? У нас вожатая — девочка из восьмого класса, с ней нас не пустят». Но выход есть: можно договориться с комсомольцами с шефского завода. Или с чьим-нибудь отцом, старшим братом. Если поискать, всегда найдутся люди, готовые помочь ребятам...

И тогда — в путь.

...Когда наш отряд собирался в первый поход, кто-то отговаривал:

— Куда вас понесло? Подумаешь, великие путешественники! Вы что, хотите открытие сделать? В наше-то время!..

Конечно, в маленьком походе больших открытий не сделаешь. Но кое-что новое можно узнать. Нашли в лесу неизвестный родник — разве не открытие? Он нужен людям. Отыскали редкий цветок, который считался исчезнувшим в здешних местах — разве это не важно для науки? А сколько открытий делают красные следопыты, которые шагают по местам боев! А сколько разных редкостей находят юные историки! Только скучные люди говорят, что вся Земля разведана и путешествия не нужны.

Но если даже вы не отыскали в пути ничего нового, не думайте, что поход прошел зря. Вы увидели, как крадется в траве хитрый еж, какой узорчатый мох растет на камнях, как опускается в озерную воду красное расплющенное солнце, как летит над болотом утиный выводок, как зажигаются среди черных лесных вершин бледные летние звезды. Приглядитесь — и вы поймете, какая замечательная наша родная сторона. Это будет для вас тоже открытие. Важное и радостное.

После нашего первого такого похода восьмилетний Алька серьезно сказал:

— Ничего не случилось, а будто вокруг Земли обшагал...

А на самом деле — случилось: он и увидел многое, и себя испытал.

Поход — это и проверка твоих сил, Алешка. И твоих товарищей. Проверка, чего стóит ваш отряд, годится ли он для общего дела. Вы начинаете по-новому смотреть и друг на друга, и на себя. И здесь бывают тоже очень важные открытия.

Вот, например, тихий, незаметный в классе Костик. Никто на него и внимания особого не обращал. А в походе он, когда все уже еле ноги тащили, шагал бодро, да еще Светке помог ведро нести. И на привале первый отправился за дровами.

А шумный, горластый и чересчур озорной Андрюшка... «Ага,— скажете вы.— Он, конечно, быстро скис, это не в классе дурака валять!» Нет. Просто он стал тише, деловитее. Тоже взял у девочек тяжелую поклажу. И целый день смотрел вокруг молчаливо и удивленно.

А ночью, когда маленький дежурный Толик поеживался у костра от всяких ночных теней и шорохов, Андрюша вылез из палатки.

— Давай вместе подежурим, ладно? Мне что-то не хочется спать...

Пускай, Алешка, у вас в походе будет побольше хороших открытий: и вокруг, и в самих себе, и в товарищах...

Сбор

«На линейку!» — проиграл горнист.

«Тра-та-та-та... Быстро!» — простучали барабанные палочки. Встала шеренга — ловкая, стройная.

— Товарищ председатель совета отряда! Первое звено к сбору готово!

— Второе готово!

— Третье готово! Только Гриша Малеев заболел...

— Четвертое готово!

— Внимание! На флаг...

Опять застучал барабан. Прошагали на правый фланг флаговый и его ассистенты...»

Это мы сидим кружком и читаем Алешке маленький рассказ из стенгазеты: как проводить в пионерском отряде сбор.

— Неправильно! — сказала строгая Галя, которая опять зашла к нам в гости.— Рапорт отдается не так. Сначала надо...

— Ох,— сказал Володька, который всегда с ней спорил. И сморщился, будто больным зубом попал на твердый орех. А капитан «Горизонта» Санька старательно, будто задачку растолковывал первокласснице, проговорил:

— Ну, ты пойми: в одном отряде могут так, в другом иначе. Разве самое главное, как скомандовали и отрапортовали? Главное, чтобы это был с б о р.

Володя добавил:

— А в вашей школе вообще никаких сборов. Даже пионерских командиров на классных собраниях выбирают, хотя ты и знаешь все правила, как рапортовать и строиться.

— Ну и что! — обиделась Галя.— Собрание — это очень важное мероприятие. Между прочим, слова «сбор» и «собрание» от одного корня происходят.

— Корень один, а смысл разный,— возразил Санька.— Собрание — это в классе, а сбор — в отряде!

И все стали вспоминать, какие у кого были сборы. Всякие. Иногда — праздничные: пригласят ребята гостей — героев, участников войны, знаменитых рабочих, послушают их рассказы, сами стихи прочитают, песни отрядные споют. А случается, что и чаепитие с конфетами после этого устроят.

Бывают сборы деловые, когда надо решить какой-то важный вопрос: например, кого выбрать шефами к октябрятам или как подготовить концертную бригаду на конкурс политической песни (и решать надо самим. не дожидаясь учительницу или старшую вожатую).

Бывают торжественные сборы-линейки, когда надо наградить победителей в соревновании, поздравить кого-то с радостным событием, отметить какую-то важную дату.

А может быть, сбор случится срочный и неожиданный: пришла машина, необходимо срочно погрузить макулатуру; в соседнем детском саду ливнем размыло площадку — кто починит качели и деревянных коней? В пятом «А» объявили турнир стрелков из самодельных луков и вызывают нас. Примем вызов? А как сделать оружие?..

Можно решать это с галдежом, криком и спорами — долго и без большого успеха. А можно... Протрубил горнист, встал строй, прозвучала команда. Потом:

— Ребята, внимание! Срочное дело...

Сошелся широкий круг, каждый по очереди сказал, что считает важным для дела. Спокойно, четко, коротко.

— Решили? За работу!

...А если есть неподалеку сквер, лужайка, парк, лесок или просто заросший пустырь и если погода не очень холодная — неплохо провести сбор и там. На лесной полянке или на пустыре можно и костерок разжечь. В отряде — люди серьезные, баловаться с огнем никто не станет. Такой сбор лучше всего тогда устраивать, когда хочется спеть, поговорить, вспомнить о чем-то хорошем. Или, скажем, кто-то сочинил стихи или сказку и решил почитать товарищам...

— Ага... А если смеяться начнут или задразнят? — опасливо сказал Алешка.

— Если хороший отряд — не станут смеяться и дразнить не станут. Настоящим товарищам можно довериться, они тебя поймут.

Долго еще говорили и вспоминали всякие сборы. А чтобы третьекласснику Алешке легче было запомнить, тут же продиктовали ему несколько правил. Слушай:

— Сбор начинается с сигнала горниста или барабанщика, а не с криков председательницы совета отряда: «Ребята, хватит шуметь, надо начинать, садитесь за парты!»

— На сборе решаются все важные вопросы, делаются главные дела отряда. Здесь и командиров выбирают (сами!), и работу начинают, и праздники отмечают. В трудовой десант — со сбора! День рожденья у кого-то? Отметить хорошей песней, когда соберется отряд...

— Я бы еще одно правило сказал,— добавил капитан Санька и покосился на Галю: — Настоящие сборы за партами не проводят.

— Ну уж...— фыркнула Галя.

— Вот тебе и «ну уж»...

— И еще одно...— начал командир барабанщиков.— А может, Алешка сам догадается?

— Знаю,— сказал Алешка. Он был не первый день в «Каравелле» и кое-чему научился.— После сбора надо навестить того мальчика... ну, Гришу Малеева из третьего звена, который заболел. Да?

— Молодец, Алешка.

Самое главное

А теперь пора сказать о главном.

Помните, когда мы говорили об отряде, то часто употребляли слово «дело»? «Общее дело», «отрядное дело». Это не случайно. У настоящего отряда обязательно есть с в о е д е л о.

Какое?

Конечно, вы не раз услышите, что главное дело пионера — хорошо учиться. Но это еще не всё. Во-первых, хорошая учеба — задача не только пионеров, а всех, кто учится: всех школьников, студентов, учащихся техникумов и профессиональных училищ. И взрослых, которые занимаются в аспирантурах, на всяких курсах и так далее. И солдат в армии... Разве кому-то из них позволено учиться хуже, чем ребятам пионерского возраста?

Чтобы получать хорошие отметки, в пионерскую организацию вступать не обязательно. У пионеров задача шире: **воспитывать себя настоящими людьми, теми, кто будет работать для хорошей жизни в нашей Советской стране и на всем свете. И, если надо, будет эту хорошую жизнь защищать от врагов.**

Для этого нужны, конечно, знания, но еще нужно многое другое. Нужно научиться понимать, что ты живешь не только для себя, но и для других людей. Нужно уметь работать вместе с этими людьми. Нужно уметь чувствовать себя счастливым, когда сделал что-то хорошее для других, когда люди вокруг тебя стали счастливее.

Тогда твоя собственная жизнь станет радостнее и богаче. Если твоя радость сливается с радостью товарищей, она все равно твоя, только делается в сорок раз больше.

А научиться этой общей радости можно только в деле, которое ты делаешь вместе с товарищами. И прежде всего — в отряде.

Итак, какое это будет дело?

Вот тут советовать труднее всего. Только одно можно сказать твердо: дело это должно быть интересным для вас и полезным для многих людей.

Может быть, вы организуете в отряде небольшой, но дружный и веселый пионерский театр.

Может быть, у кого-то найдется маленькая любительская кинокамера и в отряде появится своя студия игровых или кукольных фильмов.

Может быть, вы сделаетесь следопытами и для школьного музея принесете много интересных находок.

Может быть, отряд организует бригаду «Гулливер» и вы станете добрыми волшебниками для детсадовских малышей.

Может быть, вы возьмете на себя выпуск одной из стенгазет или рукописного журнала для школы...

Невозможно перечислить все, что хорошего, интересного, нужного может сделать пионерский отряд. Главное, чтобы ребята понимали: отрядная жизнь не должна идти только по привычному, неторопливому пути с одними и теми же ежегодными мероприятиями: металлолом, макулатура, смотр строя и песни, весенний фестиваль искусств, линейка, посвященная концу учебного года,— а потом, с сентября, все снова. Перечисленные дела — это привычные ступеньки, по которым шагают все: и хорошие отряды, и которые так себе, и те, кто отрядом только называется.

А у настоящего отряда, кроме этих общих для всей дружины дел, должно быть дело свое, с которым ребята живут каждый день и с которым им жить на свете гораздо интереснее. То, которое их объединяет в постоянной жизни. То, которое делает их отряд непохожим на другие. Тогда вы, даже если и не займете призового места на каком-нибудь смотре или фестивале, все равно будете отрядом дружным, крепким, боевым.

Впрочем, если вы такими будете, это поможет вам стать первыми во многих делах.

...Алешка смотрел нерешительно.

— Ну, а какое мы в третьем классе можем дело устроить? — вздохнул он.— Мы недавно хотели первоклассникам к Первому мая концерт показать, танец учили, Владик Локтев скрипку принес, остались репетировать, а какая-то учительница из старших классов пришла и говорит: «Почему вы в этом кабинете без разрешения? Ну-ка по домам!»

Да, Алешка, всякое бывает. Не все дается легко. Есть такое слово — «трудности». В каждом настоящем деле, даже самом маленьком, человек обычно сталкивается с трудностями. Со всякими: и с собственным неумением, и с людьми, которые это дело не считают нужным. Надо научиться преодолевать трудности. Без такого умения тоже не проживешь.

— Это я знаю,— сказал Алешка.— Этому меня уже учили... Но вот преодолеем, начнем какое-то дело... Оно же все равно маленькое. Ну газета, ну театр, ну бригада «Гулливер»... Это ведь не значит, что живешь для всей страны...

— Нет значит,— сказал капитан Санька.— Когда дело одно — оно маленькое, а если этих дел много... Ведь ваш отряд не один, их знаешь сколько в стране!

— Сколько?

— Точно даже не знаю... Но примерно 800 тысяч. И если каждый придумает для людей что-то свое, хорошее...

— Ого,— сказал Алешка.— Значит, командиров отрядов тоже 800 тысяч. Вот бы собраться нам всем вместе, посоветоваться о делах.

— Кому это «вам»? — спросил командир барабанщиков Володька.

— Ну...— Алешка смущенно засопел.— Потому что меня это... в командиры ребята выбрали.

— Правда? За какие же заслуги? — усмехнулся Володька.

— Не знаю... Наверно, потому что я сказал тогда: «Давайте все-таки дорепетируем. Хотя бы в коридоре». Мы дорепетировали и потом показали концерт... Тогда ребята за меня проголосовали. Две девчонки не хотели: говорят, что я спорщик. Но остальные все равно руки подняли...

Ну что же, держись, командир.

И здравствуй, новый отряд.

Из архивного трюма

ДИНАСТИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Моя мама в отряде с 1961 года, с первого дня его основания. Тогда ее звали Иринкой. С самого детства я слышала об отряде. О многих поступках я думала: «А как бы на моем месте сделали ребята из «Каравеллы»?»
В отряд меня приняли четыре года назад. Тогда пришлось уехать домой, в Москву, сразу после того, как меня записали в барабанщики. Приезжала я в отряд еще несколько раз, а этим летом удалось наконец попасть на практику.
На базу я пришла со своей младшей сестрой. С Женей мы друзья. Когда мне трудно или я волнуюсь, она подходит и всегда найдет слова, чтобы успокоить. Ребята на базе отнеслись к нам с Женей хорошо. Я быстро освоилась и уже не чувствовала себя гостьей.
На следующую практику я вновь собираюсь приехать вместе с сестрой. Потом с братиком, который тоже с первых дней своей сознательной жизни слышит об отряде.
И я знаю, что здесь его встретят так же хорошо, по-доброму.

Катя Ханхасаева
(Барабанщики, 1985, № 52)

ВОТ МЫ И ВЫРОСЛИ...

(Вместо эпилога)

В барабанщики у нас берут тех, кто поменьше. Такая традиция. Это надежный, крепкий народ, хотя они и младше других. Крепкие правила в группе барабанщиков, хорошие законы. Только один закон грустный: когда подрос — передай барабан другому, тому, кто помладше.

Недавно пришлось подчиниться этому закону и мне. Что поделаешь, если уже семиклассник...

Конечно, я не сразу согласился, отговаривался сначала, доказывал, что ростом я еще совсем небольшой. Но все равно настал этот день. Для меня и еще для нескольких старших барабанщиков.

Передача барабана — это торжественно всё и красиво, но, по правде говоря, невесело. Ведь у каждого барабанщика очень много связано со своим барабаном.

Этот сбор мы засняли на кинопленку, и теперь я смотрю на экране эти кадры, а вспоминаю другое — свою жизнь барабанщика. Когда-то и мне, как сейчас Антошке Богомолову, Наташе Ломоносовой, Толику Свечникову, вручили барабан. Черный, лакированный, с большим синим крабом — эмблемой пресс-центра — на боку. В голове была одна мысль: «Неужели теперь и я барабанщик? Неужели и я теперь смогу вместе с пятнадцатью друзьями стоять в первой шеренге, весело бить палочками по упругой коже, созывать ребят на линейки и сборы?..»

Честно говоря, я тогда и барабанить-то не умел как следует. Но мне сказали, что не это главное. Научиться играть на барабане не так уж сложно. А вот быть барабанщиком... Мы учились и тому, и другому.

В отряде почти ни одно дело не обходится без барабанщиков: линейки, сборы, начало и конец соревнований, походы... А дел таких было множество, и барабан мой был со мной всегда. Всю жизнь в отряде я был неразлучен с ним. Но вот настал момент, когда приходится нам расстаться...

Теперь это уже позади, теперь это только на экране. Но опять грустно.

Толик надевает на плечо широкую лямку и становится в шеренгу на мое место. У него еще все впереди. Когда-нибудь придет время, и ему тоже станет так же грустно. Но это будет еще не скоро. И я очень хочу, чтобы он, пока он барабанщик, берег наш барабан и звание свое берег, ну и вообще... Чтобы барабанщиком оставался всегда, если даже очень нелегко...

Андрей Нахратов,
капитан флотилии «Каравелла», командир второй эскадры

ПРОЩАНИЕ БАРАБАНЩИКОВ

(Песня из отрядного фильма «Пятнадцатая навигация»)

Мне раньше казалось, что день этот очень далек.
Мне даже казалось, что он не придет никогда.
Но был парусов так стремителен белый полет,
И следом за ними промчались года...

Стоят экипажи, в шеренгах закончен расчет,
И тенью молчанье скользнуло по сжатым губам...
Подходит мальчишка — мне ростом всего по плечо,
И я ему свой отдаю барабан.

Он, сжав нетерпенье, стоит и спокойно глядит,
Как медленно-медленно лямку тяну я с плеча.
Он ждет — у него еще все впереди.
Ему не понять еще эту печаль.

Ему не до грусти, все мысли его о другом.
Я знаю — в душе его звонкая радость поет.
И он, повернувшись «налево кругом»,
Уходит и детство уносит мое.

...Но сколько бы лет после этого дня ни прошло,
Каких бы далеких дорог я потом ни узнал —
Пусть дождь грозовой мне стучит в ветровое стекло
Знакомый, знакомый, знакомый сигнал.

И вновь я услышу, как ветер шкаторины рвет,
Смеются друзья и гремит штормовая вода.
Что было со мною, то было, и это — мое.
И это со мной навсегда,
навсегда.

ГЛАВА 1 КО МНЕ, МУШКЕТЕРЫ!

ГЛАВА 2 БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ

ГЛАВА 3 КЛИНКИ И ПЕРЬЯ

ГЛАВА 4 ХОТИМ САМИ!

ГЛАВА 5 БАРАБАНЫ ИГРАЮТ СБОР

ПРИЛОЖЕНИЯ

Б24 Барабанщики, вперед! Документальная повесть/ Сост. Крапивин В. П.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1986.— 208 с. с ил., 16 с. вкл.

В пер.: 1 р. 40 к. 30 000 экз.

Это четвертая книга, написанная ребятами — членами известного в стране свердловского пионерского отряда «Каравелла», руководит которым детский писатель В. П. Крапивин. В новой книге отряда главное внимание уделяется опыту пионерской работы.

Б $\frac{4803010102\text{-}097}{М158(03)\text{-}86}$ 63-86 ББК 84Р7

Рецензент Л. С. Дорохова,
собственный корреспондент
«Учительской газеты» по Уралу

Предисловие С. А. Фурина

**БАРАБАНЩИКИ,
ВПЕРЕД!**

Редактор
С. И. Казанцев

Художники
В. П. Воинкова
Е. И. Стерлигова

Художественный редактор
В. С. Солдатов

Технический редактор
Н. Н. Заузолкова

Корректоры
Т. А. Дрябина
М. А. Казанцева

Фотографии из архива «Каравеллы».
Слайды Н. М. Перевышина, Л. Т. Мочалова

ИБ № 1379

Сдано в набор 06.05.86. Подписано в печать 25.09.86. НС 12167. Формат 70×108$^{1}/_{16}$. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,6. Усл. кр.-отт. 25,0. Уч.-изд. л. 19,9. Тираж 30 000. Заказ 233. Цена 1 р. 40 к.
Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

1 р. 40 к.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1986